

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

МИХАИЛ, МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА

КНИГА ТРЕТЬЯ

РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ТРЕТЬЯ

РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *A. Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Михаил, Меч Господа. Книга третья. Рейд во спасение / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-04-088902-0

В преисподнюю спускался Гильгамеш за другом Энкиду, Орфей за Эвридикой, Дионис за матерью, Геракл за Тезеем, Перифорем и Алкестой, Одиссей, чтобы узнать о будущем, Эней для свидания с отцом Анхизом, Ютланд за ценностями сведениями, сэр Ричард добивал врага в его логове... Но никто не отправлялся в ад, чтобы спасти... самих демонов! Это намерены сделать Михаил и Азазель. Как бы те ни сопротивлялись...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088902-0

© Орловский Г. Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Он подошел к зеркалу и придилично оглядел себя с ног до головы, а потом, приблизив лицо, всмотрелся в глаза. Все тот же с виду, только сам чувствует, как что-то плавится внутри, накатывает то жар, то холод, где-то коротко дернет острой болью, но тут же, словно испугавшись, затихает.

Отключив видеонаблюдение, он попробовал переместиться из одной комнаты в другую через закрытую дверь. Долго не получалось, хотя чувствовал, что вот-вот, а потом вдруг после мгновенного помутнения оказался там распластанным на полу и жадно хватающим воздух, слабый и обессиленный, словно наконец-то вскатил камень Сизифа на гору. Череп трещит, а тело стонет, словно его пропустили черезрабатывающую камнедробилку.

Азазель вышел из ванной комнаты, свежий и веселый, посмотрел с живейшим интересом.

— Получилось или приполз вот так артистично?

Михаил сказал стонуще:

— Чтоб я еще хоть раз... Только своими ногами!

— Нельзя свои силы тратить, — сообщил Азазель. — Нужно брать в долг, в кредит или в лизинг, а потом не отдавать, как теперь при-

нято. А если серьезно, то вон клипоты, антисфироты. Оттуда и бери, теперь можешь!.. А если можешь, как не хватать на халяву?

Михаил со стоном приподнялся на дрожащих руках, из последних сил сумел воздеть себя на стул. Сердце колотится, будто пытается выскочить и удрать от такого жестокого хозяина, а дыхание идет с хрипами и стонами, стараясь не касаться стенок раскаленной глотки.

Он сам чувствовал, как глаза упорно пытаются не смотреть в сторону просторного балкона за широкой стеклянной дверью, что не балкон, а почти веранда. Исполинский черный столб первичного мрака упирается в землю, захватив целый район Москвы, жители которой ничего не замечают, уходит в глубины и устремляется дальше и дальше, пронизывая мир.

— Ну? — сказал Азазель настойчиво.

Михаил ответил измученным голосом:

— Да как-то...

— Противно? — спросил Азазель. — Или страшно?.. Это просто мощь, Мишка. Белая или черная, как говорят люди, какая разница? Особенно в эпоху демократии. Главное, чтобы работала. Бери, пока дают! Многие бы рады хапнуть за любую цену. Тебе дурно дают, а ты еще и рыло воротишь? Аристократ, да? Извозчика давай?.. Под мышкой понравилось?

Михаил покрутил носом.

— Больше ни за что. Унизительно.

Азазель посерезнел, сказал раздельно и строго:

— Михаил... мало таких, кто имеет доступ к моци клипот. Их можно пересчитать по пальцам одной руки ветерана афганской. Тебе такое выпало. Не ветеранство, а редкая возможность. Не люблю вещать о предназначении, но если не воспользуешься, с тебя спросят..

— Кто спросит? — поинтересовался Михаил, но Азазель ловко избежал упоминания высших сил, ко-

торых, как всякий бунтарь, презирает, ответил так же строго: — Жизня спросит! Она за все несделанное и упущенное спрашивает с ремнем в мускулистой на- туженной длани. А ты разводишь передними лапками и жалко блеешь, что вот если бы жизнь провернуть на- зад, а еще бы чуть вбок...

Михаил снова пугливо отвел взгляд от распахнутой двери на балкон.

— Меня воротит только от одной мысли... Вон что с Гамалиэлем твоя возможность сделала!

— Когда в руки попадает молоток, — согласился Азазель, — все кажется похожим на гвозди. Гамалиэль слишком тонкая и чуткая натура, а ты грубый мордово-рот, прирожденный воин.

— Ну спасибо.

Азазель пояснил высокопарно:

— Тебя соблазнами так просто не своротишь с пути! Ты в своей благородной узости просто не видишь околь- ных дорог, ибо сам ты честен и прям, как сосна, а не какой-то дуб.

— Но-но!

— Вспомни, — сказал Азазель с пафосом, — это Аш- модей построил те мрачные подземные залы под Сиго- ром, что потрясают воображение суворой мощью, но он же отгрохал для царя Соломона его светлый и радост- ный Храм, которому не было равных ни в величии, ни в роскоши!.. И обломку которого под названием Стена Плача и сейчас едут со всех концов света поклониться. Дело не в том, откуда черпаешь мощь, а на что направ- ляешь!.. Извини за трюизм, но ты ребенок. Тебе надо на пальцах земноводного, у них там их поменьше.

— Полегче.

Азазель сказал очень серьезно:

— Прими это, как задание на земле, которое должен выполнить, а потом вернуться и доложить о выполне-

нии!.. Могу успокоить, твое задание не будет бесконечным. Ты выполнишь все быстро и вернешься.

Михаил посмотрел на него исподлобья.

— Врешь, конечно?

— Вру, — согласился Азазель. — Но разве от моих слов не легче? Иногда подумываю в психотерапевты пойти.

— Сволочь ты, — прошипел Михаил лютко. — Холодная и беспринципная гадина. Даже не скрываешь.

— Потому что я демократ, — ответил Азазель с достоинством. — Беспринципность в тренде, а принципиальность смешна и старомодна. Более того, на беспринципности основываются новейшие институты демократии. Это называется прозрачностью. Все вокруг видят, какие везде сволочи, потому не строят иллюзий и не обманываются. Здоровое либеральное общество.

Михаил прервал:

— Ты мне зубы не заговаривай.

— А ты сам не увиливай, — ответил Азазель и взглядом указал на распахнутую дверь балкона.

Михаил с усилием повернул голову. Огромный черный столб нечистой мощи непрерывным потоком изливается с клипот на землю, погашая божественный свет вблизи и черными волнами нечистот растекаясь по всему миру. И хотя умом понятна необходимость клипот, без них этот мир растворится в божественном свете без следа, но все равно трудно смотреть без отвращения и неприятия на черную отвратительную мощь, побуждающую самые темные желания.

Азазель вышел на балкон, там у края оперся руками о перила балкона. Для него, похоже, черные столбы мрака что-то вроде облачка в далекой синеве неба. Привычное и примелькавшееся, на что не обращаешь внимания.

— А ты, — произнес он оттуда, все еще стоя к Михаилу спиной, — конечно, никогда не задумывался, почему от Всевышнего в наш мир его особый чистый свет идет по десяти сфиротам, а отсюда уходит по одиннадцати?

Михаил пожал плечами.

— Ну, так им устроено. Не задают вопросов о желаниях Господа, ибо неведомы его пути. А что?

— Удобная позиция, — признал Азазель, — да вот только мы среди людей, а они настырные, до всего допытываются. А я как бы давно человек. Вот мне интересно, если приходит по десяти, то и уходить должен по десяти, верно?

Михаил буркнул:

— Наверное. Не знаю. А в чем проблема?

— Проблемы нет, — ответил Азазель, — но мы сейчас как бы люди, верно? Я имею в виду, и ты сейчас тоже. А люди везде ищут проблемы, даже если это их и не касается, а затем находят и решения.

— Тоже которые их не касаются, — сказал Михаил язвительно.

Азазель посмотрел на него с интересом.

— А знаешь, как это называется? Фундаментальные науки. Чем отличаются от прикладных, сказать?.. Ладно, давай обедать, в этом ты разбираешься лучше. Я уже час тут с тобой общаюсь, а ты еще ни разу не сказал: дорогой друг, давай попирем в честь победного завершения. Предприятие все-таки было нелегким.

Михаил с трудом поднял измученное тело, но по дороге на кухню оглянулся на балконную дверь.

— Ну? — спросил он с недоверием. — И почему уходит по одиннадцати? Если уж я человек?

Азазель произнес таинственно и с гордостью:

— Полагаю, божественный свет генерируется самими человеками. Душа человека, как повелось со времен

Адама, — истинная частица Всевышнего. А на сегодня вместо одного Адама уже восемь миллиардов этих любопытных морд с топотом и гиком носится по планете! Понял? А во-вторых... это главное, огонь их душ горит все ярче! И, возможно, придется ставить и двенадцатую антисфироту, чтобы сохранить в мире равновесие энергий... Ладно, закрой рот, а то Аграт влетит. Пойдем за стол, там откроешь. У тебя не рот, а пасть. Настоящая пещера, хоть и не Аладдина, не Аладдина, а так, всего лишь Крубера или Мирольда... Сири!

— Все готово, — ответил голосок из середины комнаты, — как вы и велели, сагиб, красное мясо... хотя это вредно, Минздрав предупреждает!

— Что в рот полезло, — буркнул Азазель, — то и полезно.

— То ли полезло?

— Полезно! — сказал Азазель, повысив голос. — У меня что, дикция нарушилась?

— Это я вам подгавкиваю, сагиб! Как вы любите.

Азазель буркнул что-то непонятное, распахнул дверцу кухонной печки. Оттуда вырвались аппетитные запахи жареного мяса и лука. Михаил увидел аккуратные ряды металлических шампуров с нанизанными ломтиками, Азазель вытащил четыре прутика и положил поверху на тарелки себе и Михаилу.

— Чуть перекусим, — сказал он деловым голосом, — и снова за работу. Тебе срочно нужно научиться управляться с тем, что в тебе теперь есть... Синильду позвовешь?

Михаил даже отшатнулся на спинку стула от такого неожиданного перехода.

— Синильду? — переспросил он. Уже медленнее стащил зубами куски мяса с металлического прута, прожевал и повторил: — Синильду?.. Она тебе понравилась?

Азазель взглянул с изумлением и негодованием.

— Мне? Это же тебе понравилась!

— Еще как, — согласился Михаил. — Где ты ее, говоришь, отыскал? В бюро эскорта?.. Красивые там, видать, женщины.

Азазель стащил все куски мяса с прута, а его со звоном зашвырнул в распахнутый зев моечной машины.

— Красивые, — подтвердил он с некоторой настороженностью. — Все рослые, статные, настоящие королевы! С такими любой миллиардер может показаться с гордостью хоть на вернисаже, хоть где.

— И даже стрелять умеет, — сказал Михаил с расстановкой. — В актрисы, говоришь, мечтает?

— Да они все мечтают, — ответил Азазель. — А что, тебя что-то тревожит?

— Да просто удивительная женщина, — проговорил Михаил медленно. — И чуткая... Помнишь, ты сказал, мужчины уединяются в курительной комнате, а Синильде предложил посмотреть свою коллекцию фильмов...

— Помню, — подтвердил Азазель заинтересованно, — и что?

— Потом, — сказал Михаил, — когда мы наговорились, ты сказал, что пора ее позвать, и она тут же вышла из дальней комнаты и сказала, что успела скачать себе какие-то фильмы.

Азазель сказал довольно:

— У женщин эта... как ее... интуиция. Чувствуют, когда они нужны. Или когда можно подойти, а мы не вдарим.

— Заткнись, — ответил Михаил.

— А что не так?

— Она оттуда слышала нас?

Азазель взглянул с недоумением.

— Ты чего? Каким образом? У меня стены, двери... видел, какие слонопотамные?

— Ладно, — сказал Михаил, — тогда еще один момент, какой-то совсем непонятный...

— Говори!

— Аграт, — напомнил Михаил, — она приходила, когда здесь была Синильда...

— Было такое, дальше!

— И наоборот, — продолжил Михаил, — Синильда тоже приезжала, когда здесь была Аграт...

— Ну-ну? — сказал Азазель заинтересованно.

— Но ни разу не встретились, — сказал Михаил. — Что-то да мешало. А если и не мешало, то пока одна слишком долго мылась в ванной, вторая тут щебетала... но успевала уйти до того, как первая оттуда выходила...

— Так это же здорово, — сказал Азазель, он вытер масляные губы бумажной салфеткой, пояснил довольно: — с одной ты уже, со второй сохраняешь жаркую и насыщенную возможность... Но можно их и не знакомить. Хотя при современной демократии все можно, что ниже пояса. Запреты теперь начинаются выше.

Михаил покачал головой.

— Азазель, я уже ухватываю, когда хитришь... Еще не знаю, в чем, но как-то вот... Во-первых, они так и не встретились, хотя та и другая бывали у тебя в квартире, во-вторых, ты почему-то был уверен, что они и не встретятся, это я уловил.

— Это твоя паранойя, — сообщил Азазель. — Йога тебе не поможет, но хороший психиатр мог бы... а так как я самый лучший, то рекомендую лоботомию.

— Что это?

— Я сам и проведу, — пообещал Азазель. — Тебе понравится. Потом.

— Больно морда у тебя хитрая, — сказал Михаил обвиняюще.

Азазель отбросил скомканную салфетку, широко и предельно искренне улыбнулся, растопырив руки.

— Михаил, хоть стреляй мне прямо вот в бестрепетную грудь, но я сама честность, правдивость и законопослушание. Даже не представляю, в чем меня обвиняешь, хотя за свою ультракороткую жизнь наслушался всяких несправедливостей типа «Распни его!».

— Ладно-ладно, — сказал Михаил. — Не хочешь говорить — не говори, я все равно узнаю. Но учти, могу узнать не в той интерпретации, как бы ты хотел подать.

Он успел увидеть, как на лице Азазеля промелькнуло нечто вроде колебания, но тот заулыбался еще шире и сказал патетически:

— Конечно, такое лучше узнавать на стороне! Мне самому себя хвалить и восхвалять как-то неловко, я такой застенчивый, такой застенчивый, а вот когда со всех сторон хвалят и восторгаются, скромно молчу и шаркаю ножкой, как конь копытом.

— Как козел ратицами, — буркнул Михаил. — Ладно, видео отключено?

Азазель сказал поощрительно:

— Ты же сам отключил!.. Хочешь еще поупражняться? Но сперва зачерпни из антисфирот как можно больше. Для надежности. Это как спать с заряженным пистолетом под подушкой. Время такое, неспокойное. Хотя другого и не было.

— Надо, — ответил Михаил. — Сейчас очищу еще пару шампиров и начну. Иначе, ты прав, хоть и свинья, пренебрегу тем, что мне дано. А это недопустимо, тут ты тоже прав, хотя у тебя свои интересы.

— Молодец, — сказал Азазель. — Понимаешь, что даже если это нарушение, то и оно с позволения Творца! Он снисходителен и понимает, что когда во благо, то можно и то, чего нельзя. Давай, упражняйся. Пифагор сказал, что стыдно стареть, не узнав пределов, на которые способны твои дух и тело!.. А тем, кто не стареет,

вообще в таких случаях лучше убийца о стену... Побить с тобой? На всякий случай?

— Буду осторожен, — пообещал Михаил. — Иди по бабам, или куда ты там ходишь, ты же безработный.

— Не безработный, — сообщил с достоинством Азазель, — а предприниматель. У меня есть дело! Бизнес. И получаю не зарплату или, тыфу, слово какое поганое, жалованье, а доход. О депозитах в банках вообще молчу, на проценты жить можно, даже хорошо жить!

Михаил отмахнулся.

— Ладно-ладно, иди. Не люблю, когда наблюдают.

— А моей Сири не стесняешься?

— А вот нет.

— Тогда до вечера, — сказал Азазель. — Видишь, какой я порядочный, всегда ночую дома!

— А в промежутках какие непотребства творишь?

Но Азазель уже исчез, тихо и бесшумно, без всяких порталов, которые, как все больше убеждался Михаил, нужны для особых недоступных мест, то ли в миры Браикиеля и Гамалиэля, то ли в ад, откуда в щель пролезла в этот мир Аграт.

Даже крохотный Шокутар появлялся через огненный портал, нечаянно или нарочито оставляя дыру в ковре Азазеля.

Он вздохнул, подошел к окну, в него тоже отчетливее видно черный столб антисфироты, больше похожий на ужасающую стену, хотя на самом деле это тончайшая нить, помогающая удерживать созданным Творцом мир в материальном воплощении.

Вообще-то можно видеть этот черный столб и сквозь все перекрытия здания, но для этого нужно сосредотачиваться, а сейчас лучше концентрироваться на другом.

На всякий случай сел в кресло, расслабил мышцы и закрыл глаза. Ни Макрон, ни Кезим в нем вроде бы не против, чтобы он усилился, все чувства притихли, вы-

жидают, а он начал представлять, как чайная ложечка, которую оставил на краю стола, медленно переползает на несколько сантиметров в сторону.

Жар сперва хлынул в голову, растекся по всему телу, а когда начали зудеть кончики пальцев на ногах, он распахнул глаза.

Ложечки на прежнем месте не оказалось. Не нашлось и на другом конце стола, как и вообще на столе.

Он вскочил, пометался по комнате, на всякий случайглянув в другую, но и там не видно.

Мелькнула мысль, что она вообще при его неуклюжести может оказаться по ту сторону стены в квартире соседа, где либо останется незамеченной, либо вызовет вопросы.

Попробовал еще раз, положив на то же место вторую ложечку, на этот раз глаза не закрывал. С минуту ничего не происходило, а жар в теле то усиливался, то опадал, наконец ложечка изогнулась, по всей ее длине пошел серебряный пар, и она за две-три секунды испарилась, как льдинка на горячей сковороде.

Михаил с облегчением вздохнул. Потерю двух ложек Азазель переживет. Хуже, если бы обнаружились в чужой квартире или торчащей там из стены.

Зато какое приятное ощущение безнаказанности, сейчас все эти действия, нарушающие установленные для этого вещественного мира законы, названные законами природы, наконец-то не вызывают всплеска!

Глава 2

Азазель возник на кухне в двух шагах так внезапно, что Михаил отшатнулся, спросил сварливо:

— А не опасаешься, что впрывгнешь в то же пространство, где уже я? И что тогда?

Азазель отмахнулся.

— Не бери в голову. Удаленный доступ, забыл?.. Вижу на экране смартфона, что и где в моей квартире. Только в туалете нет видеокамеры, так что там можешь мастерить бомбу или заниматься непристойностями.

— Какими непристойностями? — не понял Михаил. Азазель подумал, двинул плечами.

— В самом деле, даже и не могу вспомнить, что в современном мире все еще считается непристойным... Ладно, я человек современный, руки не мою, а сразу за стол. Сири, что у нас на ужин?

Михаил буркнулся:

— Можно подумать, за день раз пять не пообедал!

— То не считается, — сообщил Азазель. — Домашняя еда — это домашняя!.. Разве что-то с нею сравнится?.. Тем более, когда готовит Сири?

— Я стараюсь, — пискнула Сири.

— Видишь, — сказал Азазель, — жену нужно создавать самому и готовить ее под свои примитивно-пещерные вкусы и всякие там разные потребности и не-потребности.

Он сел за стол, окинул Михаила оценивающе-одобрительным взглядом.

— Порозовел, даже морда стала шире. Вживайся, вживайся! Мир вообще-то хороший, несмотря даже на то, что прекрасен. Здесь говорят, и в аду жить можно, если привыкнуть. Не знают, куда тому примитивному аду до здешней преисподней!..

Дверца духовки распахнулась, Михаил счастливо зажмурился, ощущив жаркую волну одуряющих запахов жареного гуся со специями.

— Да уж, — сказал он, — из здешнего ада в шею не выгонишь в рай... Но ты, мерзавец... доволен, все по твоему плану?

— По какому? — спросил Азазель в подчеркнутом изумлении. Брови приподнялись. — Я артистическая

натура, какие у меня могут быть планы? По волнам, по морям, сегодня здесь, завтра там, куда ветер дует, туда и лечу... Я человек непредсказуемый, чем и горжусь!

Он вытащил на поддоне коричневую тушку, лоснившуюся от истекающего сока, красивым жестом переложил на широкое блюдо посреди стола.

— Тебе ножку или крылышко?.. Крылышки, как известно, принято отдавать девочкам, улетают из родного гнездышка, ножки мальчикам, чтобы крепче сидели в седлах...

— Я не девочка, — сообщил Михаил, — и не мальчик, возьму тушку.

— А я и крылышки, — сообщил Азазель, — я же летаю, и ножки... А ты чего такой сердитый? Ты должен светиться от счастья!

— С чего вдруг?

— Во-первых, ты удостоен лицезреть меня, во-вторых, раз уж такой эгоист, тебе сегодня удается больше, чем вчера!

Михаил сказал ядовито:

— А кто к моей демонизации подталкивал?

— Это да, — признал Азазель, — но все без плана, а по вдохновению. И, как видишь, получилось даже лучше, чем ожидал!.. Ты не гикнулся, чтобы было очень вероятно, а жив и даже не очень заметно тронулся. Поэтому что без плана, а все на некоем мистическом озарении, характерном для поэтов и художников. Ты остался в человеческом теле, но теперь в тебе и мощь элементала, что мне очень кстати. Тебе тоже вообще-то.

— Вот-вот, — сказал Михаил мрачно, — а сейчас режешь гуся, а сам высчитываешь, когда буду готов.

— К чему? — спросил Азазель с любопытством. — К женитьбе?

— В ад, — отрезал Михаил. — Сам знаешь.

Азазель отшатнулся в изумлении.

— В ад? Какой ад?.. Ты чего? Зачем тебе ад?

— Не переигрывай, — сказал Михаил. Он поднялся на дрожащих ногах и, качнувшись в сторону, тяжело рухнул на мягкое сиденье обеденного стула. — Я тебя насквозь вижу, гад... Спишь и видишь, как госдеп прямо... Наверное, уже и карты приготовил?.. Эй-эй, ты хотел крылышки!.. А я, как человек, смиренно беру тушку...

Азазель помотал головой.

— Даже не представляю, о чем говоришь!.. У меня карты только для бриджа! Но можем и в покер. Синильда когда придет?

— Я не звонил, — ответил Михаил.

— Что случилось?

Михаил огрызнулся:

— Мы только-только прибыли из этого чертового Сигора!.. У меня до сих пор все трясется!.. Демон все еще во мне и не желает растворяться!.. Синильда придет, а я брякнусь в обморок?.. Или начну ловить чертей на стенах комнаты?

— Давай зови, — сказал Азазель с жаром. — Хочу посмотреть, как будешь хватать за виртуальные хвосты!.. Или потом, когда поедим, я поп-корн возьму и поудобнее сяду.

— Козел ты, — сказал Михаил горько. — Я же с тобой не хитрю! А почему ты?

— Потому что умею, — сообщил Азазель. — Это же искусство и показатель высокой культуры!.. А ты честный, как неандертальец. Потому мы прекрасная команда.

— А где Аграт и Бианакит?

— Я им вручил ключи от квартир поблизости, — сказал Азазель. — И от автомобилей. Как бы плата за работу, заодно и аванс за будущую отработку. Я же эксплуататор! Так что скоро заявятся... По крайней мере, Аграт точно напросится.

— А можно как-то без нее?

Азазель охнул.

— Ты чего? Она же боевой соратник! А вечер воспоминаний, где бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они?.. Про интим стыдливо молчу, оцени мою деликатность.

— Интима не было, — отрубил Михаил.

— Но вы спали в обнимку, — сказал Азазель уличающе.

— Это не считается, — отрезал Михаил.

— Как это не считается? Это и есть интим. Не считать же им секс?

Михаил вперил в него острый взгляд.

— Значит, ее тоже берешь в ад?

— Какой ад, — запротестовал Азазель, — какой ад?

Не думаю ни о каком аде!

— Думаешь, — сказал Михаил обвиняющим тоном. — Тебе что, нравится представлять, как Заан будет засыпать сюда все больше убийц, пока не убьют тебя? Да ладно, тебя не жалко, но могут и меня!.. Или хотя бы поцарапать! А то и клюнет кто.

— Клюнет? — переспросил Азазель. — Вообще-то да, ты уже видел, какие у них клювы? Еще не видел? Ох, сколько у тебя впереди интересного! Так что прав, прав... А что я, по-твоему, должен делать?

— То, — заявил Михаил, — к чему уже готовишься, не виляй. Если Заан не показывается сюда лично, то планируешь спуститься в ад, найти врага и... решить эту проблему своей безопасности. Конечно, спуститься тайно и со мной!

Азазель переспросил недоверчиво:

— Я даже планирую с тобой?

— А кто проговорился, что меня в этой личине там никто не распознает?

— Я такое сказал? — изумился Азазель. — Надо же... Я что, правда, хитрый?.. Вот уж не думал... Всегда счи-

тал, что мудрый. Даже исполненный!.. Сразу вот захотелось от такой перспективы съесть что-нить на десерт. Сири, что у нас еще вкусненькое?

Милый голосок ответил из середины комнаты:

— Вы оба слишком возбуждены, вам нельзя вкусненькое, где много быстро усвояемых углеводов. Могу приготовить овощные салаты...

— Это после гуся? — спросил Азазель. — В жопу салаты! Готовь горку блинчиков с творогом и с десяток пирожных. Михаил нежный, он к ним питает тайную и стыдную для мужчины страсть. А на ужин приготовишь жареное мясо! Я в прошлый раз полбарана заказал доставщикам. Можешь его целиком.

— Хорошо, — сказала Сири послушно. — Сделаю по вашему рецепту, сагиб. Только ужин был вот сейчас.

— Сделаем второй ужин, — заявил Азазель. — Есть же второй завтрак?

— Хорошо, мой лорд.

Азазель сказал Михаилу довольно:

— Все бы женщины вот так! Надо ставить ей запрет на скачку апгрейдов. Зачем мне умная жена, что будет со мной спорить?

Сири пискнула:

— Не буду!

— Ладно, — буркнул Азазель, — пока качай, а там посмотрим. Будешь умничать, перекрою все каналы. Я демократ в обществе и сатрап дома, это основа культурной идентичности!.. Сири, а где моя любимая чашка?

— Разбита, — сообщила Сири.

— Ух ты!.. А вторая?

— И третья тоже, — ответила она.

Азазель сказал в недоумении:

— Ты что же такая неуклюжая?

Михаил сказал вяло:

— Перестань, ты же все понял... Это я.

— Да понял, — ответил Азазель с ехидной улыбкой. — Но поприкидываться же надо?

— А зачем?

Азазель пожал плечами.

— Не знаю. Так жить интереснее. Ты что, пытался их телепортировать в другую комнату?

— Только одну, — ответил Михаил с неохотой. — Но разбилась о стену.

— А другие?

— Пробовал с водой, — сказал Михаил. — Когда пытался охладить, замораживалась так, что разлеталась на куски, а когда пробовал подогреть, то...

— То же самое, — досказал Азазель. — Да, дозировать труднее, чем со всей дури. Потому атомную силу в военных целях применить легко, а вот в мирных... десять лет учились и упражнялись шажок за шажком!.. Ладно, научишься. Я помогу, а возьму недорого. Главное, в военных целях ты уже освоил, как видим по чашкам, а разве не это для жизни главное?.. Секс и война, что еще мужчинам надо?

— Да иди ты, — ответил Михаил. — Попьем кофе из бумажных стаканчиков? Или пластиковых?

Азазель широко улыбнулся.

— Дикий ты, Мишка. Во-первых, Сири уже заказала... верно, Сири?.. И дрон доставил коробку, вон стоит по ту сторону двери. Не бойся, не сопрут, все под видеонаблюдением... И вообще-то я сам могу создавать такие чашки... но дешевле купить готовые. И своей мощью надо пользоваться пореже. Это опасно, затягивает. Начинаешь в конце концов и тогда, когда совершенно не нужно. Соблазн помощнее секса и даже войны, хотя, казалось бы, что может быть мощнее для интеллектуала с комплексами?

Михаил молча вышел из квартиры, в самом деле на лестничной площадке по ту сторону входной двери

стояла большая коробка, перевязанная голубой лентой с большим бантом, а сверху прилеплен листок с номером заказа и адресом.

Когда внес на кухню и поставил на стол, Азазель всмотрелся с таким подозрением, словно внутри бомба.

— Это что за?.. Почему лента голубая, а не синяя? Это намек, или они там с ума посходили? У них в базах данных я поменял пол? Да я их по судам затаскаю!

Михаил пожал плечами, не понимая сути вопроса, при чем тут цвет ленты, если доставлены чашки, но раздался торопливый голосок Сири:

— Это же я заказывала!

Азазель оглянулся на пустое место.

— Ах да, тогда ладно. Ты у меня очень хорошенъкая девочка, разрешаю заказывать даже розовую. Только еще совсем молоденькая, на таких жениться закон не разрешает. Но когда подрастешь...

— Я быстро расту, — пообещала Сири. — Апгрейды учащаются. Кофе со сливками?

— Давай, — согласился Азазель. — Шиканем в честь праздника и успешного завершения... плюс еще и удача!.. Хотя, замечу скромно, удача тоже была подготовлена, так что и удача не унижающая нас удача, а заслуженный успех. Даже если проходит по графе удачи, окружающему простому народу так считать приятнее.

Сири приготовила кофе, одновременно напекла горку рассыпчатого печенья, осталось только пересыпать из короба на большое блюдо посредине стола, а чашки с горячим напитком перенести с поддона.

— Вот стану еще ленивее, — пообещал Азазель, — поставлю платформу с манипуляторами, чтобы вообще жопу не поднимать из кресла... И работы совсем захватят мир! Вообще-то уже захватили... Попробуй обойтись хотя бы без электричества!.. Мишка, что так на кофе смотришь? Не пробуй даже остудить!.. А то от твоих прошлых

эксрементов все стены в пятнах, а у Сири еще нет манипуляторов. В самом деле оснастить, чтобы...

— Оснастить, — сказала Сири быстро. — Сагиб, вам же лучше! Хотите, возьму удаленную подработку и сама накоплю на платформу, если вы снова пожадничали?

— Я тебе возьму! — пригрозил Азазель. — И не мечтай. Знаю твои подработки, женщина... Ты еще несовершеннолетняя! А кофе, кстати, что-то слабее...

— У вас повышенное артериальное давление, — сообщила Сири. — Я уменьшила дозу кофеина.

Азазель сказал потвердевшим голосом:

— Та-ак, девочка... Все медицинские рекомендации отключить!.. Кофе — это святое. Даже выше, чем война и секс. Это божественное удовольствие, прямо из сфинксов, верно, Мишка?.. А война и секс из антисфинксов.

Михаил поморщился.

— А нельзя ли...

— Нельзя, — прервал Азазель твердо. — Уже понял, что человек — существо богатое? В смысле, и добра, и говна в нем немерено, не за столом будь сказано. Разностороннее существо, в общем. Властитель духа, не забывающий о плоти, еще как не забывающий!.. Потому у него такой лютый прогресс, обогнал в развитии и духовных ангелов, и плотских демонов!.. Так что, Мишка, не стесняйся, пей из всех стаканов, а оружие хватай любое, пусть даже рукоять в говне!.. Главное — победа. Все равно после любой победы приходится мыться, победа все спишет и все оправдает.

Глава 3

Михаил морщился, Азазель говорит слишком откровенно, шокирующее. Мог бы и помягче, о некоторых вещах не говорят вслух, просто подразумевается, а вот так в лоб не принято, манеры, комильфо, да и вообще

Господь наверняка подразумевал, что человек будет использовать свою звериную суть как скамеечку для своей души, а не наоборот...

— Азазель, — прервал он, — тебе все шуточки, а дело серьезное. Что делать с теми сокровищами из тайника?.. Я даже боюсь узнавать, что они могут. Но эта квартира не самое безопасное место!

— В Брий нести не передумал? — спросил Азазель. Михаил помрачнел, поморщился.

— Как?..

— Ну... не знаю. Была же такая мысль?

— Была, — признался Михаил. — Там я доверил бы разве что Метатрону, первому после Всевышнего, одноко...

— Ну-ну?

— Я не смогу туда попасть, — сказал Михаил с досадой, — не оставив это тело!.. А оставлять рано, пока не покарали еще и Зарана. Тогда да, можно... Это, как говорят здесь, первое.

— А второе?

Михаил прямо взглянул ему в лицо.

— Брий — мир духовной энергии, если ты еще помнишь. Здесь можем быть как в виде бестелесных, так и воплощааться в тела, но по возвращении в Брий тела должны оставлять, потому что там ничего материального быть не...

Азазель прервал:

— Не занудствуй. Наконец-то до тебя дошло. Мой совет, используй свою мощь, чтобы спрятать здесь, на земле. Сейчас все главное творится, создается и свершается на земле.

— Как?

Азазель пожал плечами.

— Например, перенесись на самую недоступную вершину где-нить в Гималаях... Нет, лучше в Антаркти-

ду!.. И не просто оставить на льду или подо льдом, как ты можешь по чистоте души, что у людей называется иначе... в общем, под ледниками тоже горы. Пророй дыру в камне поглыбже, как Шамир какой, спрячь и за-делай вход.

Михаил взглянул с благодарностью.

— Азазель, у тебя на все есть решение!

Азазель рассматривал его с интересом.

— Неужели в самом деле не жаждешь посмотреть, что же мы перехватили под носом у Зарана?

Михаил ответил после паузы чуточку упавшим голосом:

— Очень жажду...

— Так в чем дело?.. Что тебе мешает?

Михаил тяжело вздохнул.

— А вот что-то мешает. Тот, кто дерзостно проник в сад Всевышнего, совершил преступление! Второе преступление он сделал, когда нарезал веток с Древа Жизни и Древа Знания...

Азазель уточнил:

— Это одно древо, как ты помнишь, только с двумя стволами. И один сок бродил по обоим, так что Древо Знания подпитывается соками жизни, а Древо Жизни принимает соки знания... Но это так, мой педантизм, люблю точные термины, а какая точность в теологии?.. Извини, что перебил, продолжай нести прекрасную чушь.

— Тебе все чушь, — сказал Михаил тоскливо, — насмотрелся всякого, а мне все в новинку.

— Признался, — сказал Азазель с удовлетворением. — А то рыло воротил и щеки надувал! Аристократ духа!.. Ладно, два преступления назвал, но ты к ним каким боком?.. Ты же не резал из Древа ветки на костер или на корм своим козам!.. У тебя нет коз? Рекомендую завести!

— Да, — согласился Михаил, — я не резал ветки, но разве воспользоваться украденным не грех?

Азазель предложил хладнокровно:

— А если рассматривать как военную добычу?.. Среди людей даже мародерство приветствуется! Просто называют награбленное военными трофеями, это звучит красиво и почетно.

— А это... честно?

Азазель вытянул шею и повертел головой, словно ему давит незримый галстук.

— Зануда ты, — сказал он сердито. — Хорошо хоть статный красавец, а то бы с тобой ни одна женщина не пошла!.. Честно или не честно — это смотря с какой точки зрения смотреть.

— А с какой нужно смотреть, чтобы честно?

— С нашей, — заявил Азазель твердо. — Это наше все, наша сила, правда и оружие. С нашей даже грабители могил, на что уж презреннейшее занятие, красиво называются археологами, а остатки их добычи, что не сумели продать на рынках, выставляются на всеобщее хвастовство в музеях!..

Михаил вздохнул еще горше.

— Наверное, ты прав... Но что-то во мне, макроновское, наверное, сопротивляется. Говорят, что это нехорошо. Кезим вор, а я украл у вора! Разве я не вор?

— Ты герой, — сказал Азазель с пафосом. — Ты достоин награды! Можешь выбрать ее сам. И вообще... забыл, как в самцовом хвастовстве бросил колечко Аграт?.. А ты хоть знаешь, какая в нем мощь? А она есть, иначе кто бы его сунул в тайник вселенской секретности!

— Не знаю, — признался Михаил, — пока что я не готов. Может быть, как-нибудь позже, когда перестану быть чистоплюем, как ты говоришь, а стану такой же бесчестной свиньей, как вот ты.

Азазель сказал оскорбленно:

— Ты уж определись с терминами!.. То козел, то свинья, еще павлином обзови!.. Не хочешь, не надо. Мужай в борении, кто против?.. Получай больше пинков и затрецин, чем мог бы... С другой стороны, негативный опыт — тоже опыт... Покажешь, где спрячешь?

Михаил посмотрел на него исподлобья.

— Надеешься, не покажу?.. Нет уж, будешь делить это бремя. Покажу и заставлю запомнить! Вместе будем прятать.

Азазель покрутил головой, в голосе прозвучало изумление:

— Вот как заговорил... Взрослеешь, Мишка... Тяжко, да? Что делать, быть взрослым тяжко.

Он хотел было встать, но поленился, протянул руку в сторону дальнего стола с гаджетами. Там поднялся и плавно перелетел ему на растопыренную пятерню планшет, что тут же сам раскрылся и заблистал цветной заставкой.

Азазель быстро поводил пальцем по экрану.

— Вот смотри!.. Вид со спутника. Карта Антарктиды... Пожалуй, самое затерянное место там — массив Винсон в горах Элсугт, и практически недоступное. Можно прыгнуть вот сюда... да не на пик, нам как раз лучше поглыбже, поглыбже... Вот тут, под ледниками, довольно близко коренные породы, сплошь гранит... Можно отыскать каверну, а еще проще сделать самим точно по размеру...

— Тебе виднее, — сказал Михаил. Он нервно покосился на запертую дверь чуланчика, где под нижнюю полку плотно засунут рюкзак с сокровищами из тайника князей ада. — Поскорее бы его в надежное место.

— Не трусь, — заверил Азазель бодро. — Кроме нас, сюда никто не вхож, а куда спрячем... так вообще! Ты

же осторожный и занудный, а это значит, все будет под семью запорами.

Михаил с недоумением смотрел, как он повел руками, а у дальней стены распахнулись дверцы шкафа. Вывалилась груда одежды белого цвета, но, не успев коснуться пола, взвилась в воздух и, пролетев через комнату, упала к ногам Михаила.

— Что за? — спросил Михаил.

Азазель сказал с покровительственной ноткой:

— Маскхалаты. Для скрытого передвижения в зимних условиях. А если учесть, что в Антарктиде как бы и летом зима, да еще такая, что зиме не бывает, то самое то. Кроме того, светоотражающие и недоступные для наблюдения. Даже если кто-то случайно и будет смотреть именно на тот участок, да еще под большим увеличением, все равно нас не заметит и не узрит.

— Даже шевеления?

Он отмахнулся.

— Ну, мало ли там пингвинов... Ты точно за него сойдешь. Такой представительный! Императорский. А то и сам император заснеженного континента, грозного и таинственного. Если готов, одевайся. Чего тянуть, ты же пообедал?..

Михаил молча встал, Азазель помог ему влезть в комбинезон, затянул ремни, заставив руки завернуть за спину, и вдел их в широкие лямки рюкзака.

— Тебе идет, — сообщил он. — Ты такой красивый! Как Папанин и Кренкель. А любая ноша украшает, как сказал Ваалам своему скаковому жеребцу.

Михаил буркнул:

— Точно доберемся? Я в своих силах не уверен...

— Я подмогну, — пообещал Азазель. — И скорректирую. Уздечку бы... Ладно, обойдемся, а то еще хлыст и шпоры понадобятся... На счет «три», понял? Всю мощь!.. Один, два, три!

Глава 4

Михаил сомкнул кулаки и, задействовав всю мощь, как и велел Азазель, ринулся в заданную точку, абсолютно уверенный, что Азазель держит хотя бы за пояс, не давая умчаться мимо.

С размаху влетел в слепяще-белый морозный мир, Азазель уже ожидает, вид таков, что по крайней мере суток двое торчит в нетерпеливом ожидании.

Под ногами сухо треснуло, ледяная глыба с жутким хрустом раскололась на две половины.

Азазель покачал головой, изо рта вырвалось облачко пара, моментально застыло и красиво осипалось крохотными кристалликами льда.

— Даешь, — сказал он с аристократическим неудовольствием. — Контролируй себя.

— Но у меня же получилось, — возразил Михаил. — Что ты за гад, похвалить не можешь?

— Это просто неприлично, — заметил Азазель и наморщил нос, — появляться с таким шумом и... повреждениями дикой природы, которую надо защищать, а не бить по голове, как младших братьев.

— Да кого я бью?

— Лед, — ответил Азазель. — Сейчас все защищают от человека и его гения. Может быть, лед живой, ученые еще не определились.

Михаил пристыженно перескочил трещину на его сторону. От сверкающего снега и кристаллического льда слепит глаза, он усиленно промаргивался, шурялся так, что между веками оставалась узкая щель. Ледяной воздух некоторое время студил кожу, потом перестал замечаться как нещадный блеск, так и холод, он поспешил за Азазелем, прыгая с глыбы льда на другую глыбу и опускаясь в ледяное ущелье ниже и ниже.

Высокие стены искривленного по верху льда давно за-
слонили солнце, под ноги пала плотная голубая тень,
а когда спустились ниже, вообще стала темно-синей
и тревожной.

В самом низу Михаил увидел серую плиту камня, отполированную до зеркального блеска, словно скользящий по ней ледник старался не оставлять царапин.

— Лед и камень не дружат, — заметил Азазель. — Видишь, камень не поддержал возмущение ледника и даже не треснул. Попробуешь проделать дыру сам?

— Лучше ты, — сказал Михаил без уверенности. — Я пока еще не совсем...

Азазель сказал саркастически:

— А где еще упражняться, как не посреди Антарктиды?.. Архангел, жги!

— Ну и шуточки у тебя, — сказал Михаил. — Ладно, дай только сосредоточусь.

— Сосредотачивайся, — согласился Азазель, — но на будущее научись делать это пошибче. А то противник так и даст тебе время на размышление и сосредоточение! Куда ни плюнь, везде йоги...

Камень никак не реагировал на все усилия Михаила, да и сам он чувствовал себя как-то глуповато, наконец озлился на себя, ударил кулаком по камню.

— Я все равно тебя заставлю!

Камень сухо треснул, по нему пробежала длинная трещина и ушла под стену льда.

Азазель вздохнул.

— Не совсем то, но хотя бы какое-то проявление... А теперь попробуй прожечь дыру!.. Достаточно широкую, чтобы пролез рюкзак. Ну?

— Попробую, — буркнул Михаил. — Только это трудно.

— Святоша, — сказал Азазель с презрением. — Нужели в детстве ничего не жег?.. Ах да, у тебя же не было

детства! Несчастный ребенок. Сразу таким создали, абсолютно правильного и занудного.

Михаил ощущал, что снова злится, Азазель дразнит нарочито, но злость в самом деле начала распалять в нем нечто, что накалило грудь, горячей волной прокатилось по рукам и вырвалось прямо из ладони оранжевым огнем.

Камень зашипел, взметнулись искры, отчетливо запахло горелой землей.

— Давай, криворукий, — закричал Азазель подбадривающе, — газуй! Была — не была!.. Сильнее. А то так сто лет будешь... Нужно не нагревать, а плавить...

Камень, словно услышал, в самом деле под ладонью просел, словно мокрая глина. Образовалась воронка с багровыми краями, а снизу, как из подземного гейзера, выплеснулись ярко-красные струи.

Михаил ощущал азарт, сконцентрировался на этом странном ощущении злобного торжества. Диана стала быстро шириться, струи огня пошли выплескиваться чаще и сильнее.

— Слабовато, — крикнул Азазель с разочарованием, — я думал, в тебе силенок больше!.. Ничего, недельку тут посидишь, проплавим на полметра. Нам хватит...

Михаил погрузил кисть руки в кипящую магму, совершенно не ощущая жара, а только приятное тепло, дальше некоторое сопротивление, но и там камень не плотнее мягкой глины.

Комбинезон от кисти и до локтя вспыхнул багровым огнем, Азазель уже молча наблюдал, как он опустил руку в кипящее месиво по локоть, ткань комбинезона превратилась в черный пепел до плеча, но Михаил, не обращая внимания, засунул руку как можно глубже в красное месиво из расплавленного камня.

— Хватит, — сказал Азазель серьезно. — Ты моло-дец, Мишка. И не трусишь, и действуешь. Сейчас про-

сто убери ту грязь, чтоб не позастьвала там снова. Поже, пещерка получается?

Михаил ответил усталым голосом:

— Вроде бы... Что-то меня тряхнуло...

— С непривычки, — сказал Азазель сочувствующе. — Ты пользуешься силой Кезима, а в этом деле нужен на-вык... Еще малость, еще... черпай обеими ладонями...

Михаил, засунув руки в дыру по самые плечи, зачерпывал красную массу и сбрасывал в сторону, где она моментально застывала, превращаясь в камень, а когда внутри каменной плиты образовалась пещерка, выглядел внутри стенки, расширяя пространство.

Азазель дождался, когда он закончит и отступит, бросил в пещерку пару кусков льда.

Из отверстия с шипением ударило струей влажного горячего пара. Азазель сказал довольно:

— Почти баня... Правда, я никогда не понимал этого странного обычая. Что-то в нем ритуальное... Погоди минуту, пусть еще и высохнет. Надо так, чтобы все наше щасте не сгорело. Все-таки дерево, даже если особенное... Ничего не чувствуешь?

Михаил пожал плечами.

— Здесь адский холод?

— Холод, — согласился Азазель. — А рюкзак вот так и засунешь, не раскрывая? Даже не посмотрев, что в нем?

— Да, — ответил Михаил твердо.

Азазель с интересом взглянул ему в лицо.

— А я загляну. Чтобы знать, что сперли. А пока эти штуки будут здесь, постараюсь узнать, чем опасны.

Михаил промолчал, Азазель быстро раскрыл рюкзак и, ничего не трогая в нем, внимательно рассмотрел набросанные в беспорядке вещи.

— Чаша, — произнес он медленно, — поднос, два жезла, браслет из дерева, какие-то наконечники для

стрел и копий, но из дерева... Еще что-то непонятное, или это только заготовки? Ну да, вот вообще неоформленные куски... То ли не придумали, что делать, то ли не успели, пришлось прятать... Все, забирай!

Он задернул «молнии», все так же стараясь ничего не коснуться внутри рюкзака, поднялся на ноги.

Михаил молча взял сумку, Азазель с некоторым беспокойством наблюдал, как он осторожно запихивает через узковатое отверстие вовнутрь рукотворной каверны.

— Вот, — проговорил Михаил почему-то шепотом, — поместились.

— И ничего не сломал, — заметил Азазель привычно нагловатым тоном. — Замечательно. Отступи, прятать я тоже умею. Так прячу, что потом сам не нахожу. Гм... Знаешь, здравая мысль пришла... Не оставить ли тебя здесь на некоторое время? Подумаешь, годик-другой, как мыслитель, в гордом одиночестве от суэтной толпы!.. Поупражняешься в духовных практиках. Зато ничего не подожжешь!.. Хотя снег тоже можно, это же вода, чего ты не знаешь, но понадобится высокая температура, которая тебе пока не подвластна.

Михаил поинтересовался:

— А когда будет?

— Внутриядерные силы? — уточнил Азазель. — Думаю, к счастью, никогда. Работай пока на молекулярном.

— Нет, — сказал Михаил сердито. — Не нужны мне духовные практики. Вообще не знаю, что это.

— И знать не надо, — подтвердил Азазель. — Ты же военный, не какой-то свихнутый... Та-а-к, там остыло?.. Теперь давай я, нужно все ювелирно, а ты же хоть и ювелир, но неандертальской выучки...

Михаил с завистью следил, как он с легкостью отслоил кусок камня, размером со щит римского легионера, накрыл им дыру, подвигал ладонями. Растопырен-

ные края камня опустились и расплылись, как воск на жарком солнце.

Азазель повозил пальцами, приглаживая, через несколько мгновений Михаил уже сам не сказал бы, где заканчивается основная глыба, а где начинается эта крышка из камня.

— Вот и все, — сказал Азазель. — Можно снежком забросать.

— Я могу сюда хоть весь ледник обрушить, — вызвался Михаил. — Если не самый крупный, конечно.

— А как доставать будем? — спросил Азазель. Посмотрел на его лицо, ухмыльнулся. — Люблю я тебя, Мишка. Всерьез веришь, что впереди только щасте и коммунизм и никогда доставать эти вещи не придется?.. Я бы тоже так хотел. Но на всякий случай оставим меточку...

Он швырнул на камень рукавицу с правой руки, угодив как раз в то самое место, где закрыл камнем дыру в плите.

Михаил напрягся, Азазель сказал успокаивающее:

— Не боись, чипа в ней нет. Только я сам и могу определить место. А теперь еще и ты. Можешь запомнить еще и визуально. Ну, как пчела, что хоть и дура, но как-то находит дорогу в улей? Попробовала бы не найти... Теперь выбираемся отсюда.

Еще не договорив, он исчез из расщелины, тут же сверху донесся его крик:

— Давай сюда!

Михаил сосредоточился, после трех неудачных попыток сумел перенестись наверх, к Азазелю.

Тот хмыкнул, сказал саркастически:

— Ты всегда был черепахом, а на морозе так вообщ... Давай сбрось туда парочку глыб, но не слишком больших. А то потом упаримся, доставая, на этом холоде легко простудиться. Я же нежный, как все творческие

личности, ослабленные алкоголем и прочими излишествами быта разносторонних и духовно богатых.

Михаил молча, сам невольно любясь своей новой мощью, забросил в щель несколько глыб, слушая, как там внизу разбиваются на сотни мельчайших осколков и надежно укрывают сокровище.

— Если место забудешь, — сказал Азазель, — а ты забудешь точно, метка приведет тебя точно сюда... Ладно, готов к прыжку?

— А если не готов, понесешь под мышкой?

— Под потной и вонючей, — заверил Азазель. — Специально для тебя задействую в том месте потовые железы.

— Не дождешься, — сказал Михаил. — В твоей квартире точно никого?

— Можешь посмотреть с камер по смартфону, — предложил Азазель. — В любом случае в чуланчике задвижка открывается только изнутри. Посмотри, там пусто.

Михаил кивнул, еще с минуту настраивался, наконец ощутил нарастание в себе той непонятной силы, что перебрасывает в мгновение ока через пространство, не вызывая всплеска, сказал быстро:

— Ухожу...

Почти моментально подошвы ударили в твердый пол чуланчика, трясущейся рукой нащупал засов, отодвинул и торопливо выскочил, но все равно сзади раздался сварливый голос:

— Черепах ты, черепах... А если срочное десантирование? С любых высот в любое место!.. Никто, кроме нас! Там, где мы, там победа!.. Кто, если не мы?.. Пройдем везде!.. Впереди у нас цветет, за нами все горит!

Михаил с трудом сбросил прямо на пол остатки обгоревшего масхалата, рухнул в кресло.

— Я в самом деле выжат, как лимон... а ты как огурчик! Это нехорошо.

Азазель вышел следом, уже в джинсах и Т-майке, ухмыльнулся.

— Я хлопец жадный, — сообщил он. — Куркулистый!.. Зря не трачу. Той энергии, что ты вбухал на дырку в камешке, можно было тоннель прожечь под Гималаями на ту сторону для двух веток железнодорожного состава. Потому ты выжат почище лимона в лапе капиталиста. Выпей кофе, поешь... или сперва поешь, потом кофе, но обязательно присосись к клипote! Надо сразу же набираться силенок, понял? На всякий случай. Жизнь у нас такая веселая. Либо веселимся мы, либо... над нами. Восстановись по полной. Чувствую, на любую мелочь будешь расходовать, как миллиардер на блошином рынке. А на серьезное дело может не хватить.

— Учусь, — пообещал Михаил, — но пока не умею.

— Сири, — воскликнул Азазель. — А где обед?

— На шампурах, — прозвучал тоненький голосок. — Можно вытаскивать. Сагиб, вы сами ручками-ручками или мне платформу все-таки закажете?

— Ладно, — сказал Азазель, — сдаюсь. Куплю тебе платформу с вагиной, тыфу, манипуляторами. Завтра же закажу. А то я у тебя как мальчик на кухне, где ты шеф-повар, а я принеси-подай.

Глава 5

Михаил наблюдал, как он ловко перекладывает из духовки на широкое блюдо посреди стола металлические шампуры с нанизанными на них кусками мяса, проложенными широкими срезами лука. Запах пошел по кухне такой мощный, что Михаил едва не ухватил ближайший к нему шампур с мясом, но напомнил себе,

что это в нем говорит полуживотный Кезим, а вот Манкрон терпеливо ждет, соблюдает хорошие манеры.

— Спасибо, — произнес он, когда тарелка опустела, положил вилку и нож указанным в правилах хорошего тона образом, добавил учтиво: — Все было очень вкусно. А теперь, Азазель...

— Только не так церемонно, — запротестовал Азазель, — а то снова чувствуя себя за столом у Людовика Двенадцатого... Еще по чашке кофе, а потом давай свои серьезности!

— Так кофе для того и существует, — напомнил Михаил, — чтобы, потягивая по глотку, обсуждать важные и неважные дела.

— Надеюсь, у тебя неважное? А то голос какой-то...

— Азазель, — сказал Михаил, — чего ты ждешь? Что вот-вот придут от Зарана? Еще лучше подготовленные?

Азазель поморщился, снял две чашки с подноса кофейной машины.

— Пей, успокойся. Кофе успокаивает. Да, бывает такое... Ты просто еще не готов. Давай научись не страшиться клипот, черпай силу из антисфирот не по капле, как сейчас уже умеешь, а хотя бы как сам Кезим, хотя ты мог бы и больше... а еще научись держаться в этом теле. Ты не заметил, что в Антарктиду все-таки я тебя тащил?..

— Заметил, — ответил Михаил нехотя и с нахлынувшим чувством стыда, — но время не ждет.

— Давай так, — сказал Азазель. — Мне нужно еще хотя бы сутки на некоторую подготовку. Всякие мелочи, в которые ты, как князь Неба, высокомерно вникать не возжелаешь. А тебе эти сутки понадобятся, чтобы вжиться в себя — раз, научиться передвигаться с любых высот в любое место или с любого места в любую высоту или низину — два, а третье, самое важное, освойся с антисфиротами. Это может спасти тебя. И, главное, меня, что куда важнее.

Михаил сказал со вздохом:

— Да, конечно...

— Кезим, — напомнил Азазель, — как все Жрецы, черпал энергию от антисфирот...

— А если от них, — уточнил Михаил, — то он элементаль Зла, как говорят здесь люди, хотя в этом странном мире понятия добра и зла, к огромному сожалению, очень размыты.

Азазель сказал с иронией:

— Хоть ты не упрощай, как делают люди. Это у них четкое разделение на своих и не просто чужих, а именно врагов! Уже забыто, что у Всевышнего нет противников, а все демоны у него точно так же на службе, как и ангелы, только демонам вверены карательные функции, но если смотреть под таким углом, то полиция, гаишники, всякие охранные системы тоже всякие там враги!

— Ну, — буркнул Михаил, — тюремных работников я за врагов не считаю.

— Да и остальных нельзя под одну гребенку, — сказал Азазель. — Вот Майтбаэль, чистейший демон, но постоянно помогает людям избавляться от преследования и козней чертей! Он же нередко открывает людям их будущее. Хотя обычно при этом привирает... Или Астарот, который тоже помогает людям, указывая на опасности, которые их подстерегают, и подсказывает, как можно обойти... А про Ашмодея сам помнишь...

Михаил возразил:

— А Кезим? А Заран?.. А Леонард, Андреальфус?

Азазель ответил независимым тоном:

— Это говорит о том, что среди демонов настоящее разнообразие и подлинный спектр мнений и вкусов, как и положено при подлинной и всесторонне развитой демократии! А вот все ангелы, увы, под одну гребенку. Одинаковые, как гвозди при тоталитаризме. То,

что Кезим мог черпать энергию от антисфирот, вовсе не значит, что ты черпать от них не должен!..

Михаил поморщился.

— Ладно, уже понял. Вот готовлюсь...

— А что готовиться? — спросил Азазель. — Ты можешь дотянуться и отсюда. Но если хочешь, подъедем ближе.

— Нет, — сказал Михаил с опаской, — вдруг там все захлебнусь? Не забывай, это странно и опасно. Для меня.

Он закрыл глаза и начал сосредотачиваться на ощущении, что вот прикасается к черному столбу нечистой монси, что изливается из клипот, начинает ее поглощать...

Долгое время ничего не происходило, он даже засомневался, что получится, рассердился на себя, уже начал было свыкаться с мыслью, что станет сильнее, а раздражение приоткрыло что-то в нем самом, тело как будто начало наливаться расплавленным свинцом, невыносимый жар едва не сжег внутренности, но защитные силы включились, хоть и с запозданием, жар исчез, оставив приятное тепло, исчезла и тяжесть, но недобroe ощущение силы и моши начало разрастаться и кружить голову.

Он сел в кресло, стараясь не прервать тонкую нить, соединившую с антисфиротой, вбирал и вбирал эту мошь, которую Азазель называет просто мошью, хотя светлая мошь идет от сфиrot, а темная от антисфирот...

Когда Азазель появился в комнате, Михаил полулежал в кресле, сомкнув веки, однако Азазель сразу сказал с порога:

— Ого! Пузо не лопнет?.. Ты напузырился, как паук...

Михаил распахнул глаза, Азазель замер, белки глаз Михаила абсолютно черные, но когда мигнул, чернота за пару мгновений ушла.

Он перевел дыхание, Михаил почти держит свои силы под контролем, хотя иногда выглядит страшновато, словно в самом деле ангел ада, силы элементала то и дело напоминают о своем присутствии.

— И комнаты ты, гад, — сказал вдруг Михаил, — в гостинице вблизи Сигора вполне мог снять на одну больше!

Азазель дернулся.

— Ты чего?

— Да все твои хитрости из головы не идут, — ответил Михаил зло. — Ты нарочно поселил меня в отдельную, чтобы Аграт осталась без номера и как бы вынужденно должна была прийти либо в вашу с Бианакитом, либо в мою!

Азазель отмахнулся.

— Да брось копаться в прошлом, зануда ты!.. Думай о дне насущном и хлебе... тоже насущном. Не расслабляйся, без нас хватает расслаблятелей. Мы должны за себя и за тех парней. Я пойду перекушу, а ты не теряй времени!.. Ты — элементаль, помни. Освой все, чем владел Кезим. Пусть не в полной мере, но все-таки... Все, я пошел питаться!

После его ухода Михаил, расположившись в кресле, требовательно протянул руку к журнальному столику. Чашка нехотя сдвинулась, рывком взлетела и метнулась ему прямо в лицо.

Он увернулся и успел перехватить в воздухе, довольный, что исхитрился и сумел, и злой, что собирая был осколки, если бы ударила в лоб.

— Сосредоточься, — сказал он себе вслух. — Пока Азазель не видит...

После часа изнурительных тренировок чашка послушно взлетала и опускалась на подставленную ладонь. Он вздохнул с облегчением, хотя все тело ноет, словно перетаскал гору валунов, а в теле жар и опустошающая слабость.

Азазель сидит на кухне перед широкоформатным дисплеем на столе, на экране сменяются чертежи и строчки с формулами, справа от руки широкое блюдо с печеньем и пустая чашка из-под кофе.

Михаил грузно опустился рядом в кресло, которое скрипнуло, реагируя на тяжелое тело.

По взмаху руки Азазеля чашка наполнилась темным горячим кофе, сама предупредительно придвигнулась так, что он только слегка растопырил пальцы, и она прижалась к его ладони.

Михаил подождал, но Азазель начал пить и причмокивать, тогда сосредоточился сам и осторожно наполнил другую чашку таким же ароматным горячим.

Очень медленно она соскользнула с поддона кофейного аппарата и поплыла по воздуху в сторону уже требовательно протянутой им ладони.

Азазель кашлянул, чашка дрогнула и, словно скользнув с незримой столешницы, упала на пол. Осколки разлетелись по всей громадной кухне, а коричневая лужа расплескалась от стены до стены, словно пролил наполненное до краев ведро.

Азазель сказал злорадно:

— Ворона!.. Кар-р!.. Во все воронье горло...

— Ты нарочно, — сказал Михаил обвиняюще.

— Да? — изумился Азазель. — Ну, не знаю... Не помню... А если нечаянно кашляну или кто-то хрюкнет в разгар боя?

Михаил молча нагнулся, Азазель в недоумении смотрел, как тот протянул руку к ближайшему осколку.

— Ты... чего?

— Но... убрать...

Он дотянулся до осколка чашки, но Азазель перехватил его за кисть.

— С ума сошел? — сказал он высокомерно. — Ты что, совсем ленивый?.. Ну что за молодежь пошла...

Только бы на диване лежать! А ну-ка давай поэлементальнельствуй...

Михаил буркнул:

- Это будет дольше... еще и тряпку надо побольше.
- А кто сказал, — изумился Азазель, — по одному?

Сделай вот так.

Он не шевельнул ни пальцем, ни бровью, однако осколки разлетевшейся по всей кухне чашки поползли к центру. Из-под дивана выскользнул залетевший туда обломок ручки, догнал остальных, и с пола поднялась абсолютно целая чашка.

Михаил не успел ахнуть, коричневые брызги кофе сбежались в одну лужицу, та вздулась, поднялась большой блестящей каплей, повисла в нерешительности над чашкой.

Азазель ухмыльнулся, небрежно шевельнул кончиком пальца. Капля взлетела выше, метнулась к раковине, слышно было, как там булькнуло.

Азазель крикнул весело:

- Сири, еще две чашки кофе!

Михаил сказал с сердцем:

- Ты же сам можешь?
- Собирать за тобой осколки?
- Вот так сделать и кофе?
- Могу, — согласился Азазель, — а что тогда останется женщинам? Да и вообще, я говорил, магией нужно пореже. Только когда без нее совсем ни в дугу.

— Понял, — буркнул Михаил. — Буду отрабатывать.

— У тебя пойдет легко, — заверил Азазель. — Не забывай, ты элементаль. Но никто этого знать не должен. Особенно женщины!

— А почему таиться от женщин?

— Они все предательницы, — сообщил Азазель таинственным шепотом. — Не знал? Скоро все узнаешь, все, вот тогда у них попляшешь на коротком поводке.

Михаил угрюмо помалкивал, Азазель взял две чашки и вышел на балкон, где яркий свет от множества мелких лампочек в стене, а дальше черная таинственная ночь с редким звездами.

Полюбовавшись и сделав глоток, он повернулся в сторону комнаты и с таинственным видом поманил к себе. Когда Михаил, насторожившись в ожидании каверзы, подошел ближе, Азазель вручил ему чашку с кофе и указал на небоскреб, вздымающийся к небу через два квартала.

— Видишь? Начни с малого.

— Разрушить до основания? — спросил Михаил мрачно. — Или до половины?

Азазель дернулся.

— С ума сошел?

Михаил буркнул:

— Ага, а как меня достаешь дурацкими шуточками?..

— Чего?.. — протянул Азазель ошарашенно. — Так это ты шутишь?.. Какие-то не те свойства в тебе пробуждаются. Лучше не пробуй, шуточки у тебя будто из старой могилы злого вурдалака... Я имею в виду, сигану туда, на крышу. И близко, и цель видишь отчетливо, там сигнальные огни для отпугивания вертолетов, не промахнешься. Но достаточно темно по углам, а выход на крышу заперт, никого не спугнешь.

— Все учел? — спросил Михаил. — Да, расчетливый гад, на интуицию не ссылайся.

— Ты не увилирай...

— Хорошо, — ответил Михаил, — попытаюсь прямо сейчас, если не против...

— Для того и вытащил на свежий воздух, — заверил Азазель. Он деликатно взял из его ладони чашку с кофе. — Не волнуйся, не расплещу. Тебе рано перемещаться даже с пустой.

Михаил пробормотал:

— Понял, понял... Просто жадничаешь. Твой же кофе трачу.

Азазель отступил в сторону великолепного летнего стола, блистающего подозрительной чистотой, и дюжины легких изящных кресел, со вкусом разместился в ближайшем.

— Вернешься, допьешь. Я подожду.

Михаил сосредоточился, держа взглядом крышу небоскреба и стараясь понять, как именно будет ломиться через пространство в материальном теле.

Одно дело сгустком чистого света, другое — словно огромный тяжелый валун, что о воздухе может раскалиться за доли секунды и сгореть, рассыпавшись на мелкие камешки.

Правда, Азазель умело прокалывает пространство или как-то сдвигает вплотную друг к другу начало пути и точку выхода, но это не только огромная мощь, но и виртуозность, чего ему пока что недостает. Недаром Азазель наметил цель попроще и поближе, но и эта крыша небоскреба выглядит невероятно далекой, совсем недавно на перемещение из одной комнаты в другую чуть ли не всего себя скег и почти ползал, как гусеница.

— Давай, — прошептал он зло, — давай!.. Или этот наглый гад и дальше будет носить тебя, как тряпку?.. Давай, ты должен и обязан уметь... ты в самом деле тряпка...

Прыжка не получалось, он тужился, напрягался, задерживал дыхание и нагнетал давление, как паук-скакунец, что заметил добычу, но оставался на месте, устал, взмок, готов был отказаться...

Как вдруг нечто сдвинулось перед глазами, ноги все так же упираются в пол, только стены исчезли, а вокруг простор и бескрайнее темное небо с множеством звезд да легкий ночной ветерок.

Страшась шелохнуться, он повел глазами из стороны в сторону. Все верно, он на крыше небоскреба,

а вон там, за два квартала южнее, светятся окна квартиры Азазеля. Особенно ярко на балконе, с которого он только что переместился так неожиданно для себя. Даже Азазеля видно, развалился в кресле, барин, наслаждается жизнью.

Медленно сел, скрестив ноги, делая вид, что выбрался на крышу, чтобы полюбоваться звездами, это на случай, если кто не спит, а смотрит именно сюда в бинокль.

В голове рой мыслей, а сердце продолжает сильными толчками нагнетать кровь, словно ждет от него скачков по крышам домов всего квартала.

Отдохнув, сделал усилие вернуться, нужно закрепить умение, пока еще свежо это восхитительное ощущение прыжка, однако остался на месте, хотя вроде бы умеет...

«Слабак», — мелькнуло горькое понимание. Выложил все силы всего лишь на прыжок на крышу дома в своем же районе! Для Азазеля ничего не стоит прыгать по всему миру, даже его прихватит с собой и не ощутит помехи, а он вот уже все истратил.

Пошарил по карманам, где же мобильник, Азазель появится и заберет обратно, но пусто как в нагрудном, где носит эту пластинку, так и в остальных.

Как же не везет, когда вот так в самый ответственный момент что-то случается. Можно, правда, встать и махать руками, но там теперь пусто, Азазель уже в комнате, он всегда находит себе более интересное занятие, чем сидеть и тупо ждать.

Глава 6

— Ты почему не отвечал? — заорал он, выскакивая из чуланчика. — Ты почему...

Над спинкой кресла на колесиках видна только за-прокинутая голова Азазеля, Михаил подбежал, чувствуя

стремительно нарастающую тревогу, рывком развернул кресло к себе лицом.

Азазель вздрогнул, торопливо сорвал с головы широкую металлическую дугу с массивными наушниками, делавшими его похожим на шимпанзе с их оттопыренными ушами.

— Михаил?.. Привет, — сказал он торопливо. — Ты уже?.. Как там, не холодно на крыше?.. Не продуло?

Михаил в бессилии отступил на шаг в сторону и рухнул в свободное кресло. Азазель, не поднимаясь, с сочувствием всмотрелся в его измученное лицо.

— Ты что-то похудел, дружище, — произнес он заботливо. — Ничего, щас поедим... Прости, я твой кофе выпил тоже. Ты как-то подзадержался зачем-то... Баб на крыше встретил?.. Как они?.. Толстые и мягкие?

Михаил проговорил, едва ворочая языком:

— Ты почему не отвечал?.. Я чуть с ума не сошел.

— Извини, — ответил Азазель виновато. — Это чертовы наушники все глушат совсем бессовестно. Нет, я не отключал мобильник, но в самом деле, если ты звонил, мог не услышать.

Михаил прислушался, острый слух уловил тягучую мелодию, полную божественного очарования.

— Ты что такое слушал?.. На тебя не похоже.

— Это Бах, — ответил Азазель. — Органика... не в биологическом смысле, конечно. А ты чего такой... расстроенный? Получилось же?..

Михаил помолчал, чувствуя, как начинает успокаиваться бешено стучащее сердце, а жар во всем теле спадает.

— Ладно, — сказал он с сердцем, — сделаю вид, что поверю. Хотя, думаю, ты все нарочно, чтобы я впал в панику. Тогда в самом деле соображаю и действую шибче. Почему так?

— У всех людей так, — ответил Азазель. — Сири, наш друг Миша проголодался просто жуть! Где обещанные полбарана?

— На ночь есть вредно, — сообщила Сири. — Ладно-ладно, только не бейте, дяденька!.. Сейчас, правда, уже полночь, но через две минуты жаркое будет на столе. Если сумеете вытащить, у меня пока что нет манипуляторов...

— Намек понял, — ответил Азазель, — прям щас заказываю! Красивые, с бантиками... Михаил, трудности были?

— А то ты не знаешь! — обвинил Михаил, — но, думаю, уже нашупал, как проламываться с места на место. Хотя и тяжело. Вряд ли получится так же легко, как у тебя.

— Дело не в легкости, — уточнил Азазель, — а в сохранении сил. Ты же переносишь с места на место всего лишь себя, а не Монблан!.. Я видел, как сминаешь пространство, будто прешь на себе целый материк. Изящнее надо! Ты же не извозчик, ты почти артист.

Михаил дернулся.

— Как я понял, здесь лучше быть извозчиком, чем артистом!..

— Хуже артистов только шоумены, — пояснил Азазель. — Вот из-за них Господь может стереть весь род людской, раз здесь такое терпят... Как прошло? Ты вроде бы подзадержался. Медитировал на крыше? Как не стыдно...

Михаил покачал головой.

— Признайся, и мобильник мой спер?..

— Я? Проверь карманы.

Михаил проверять не стал, Азазеля на таком не присучишь, признался с неохотой:

— Все истратил на дорогу туда.

— Для начала терпимо. А там?

- Еле-еле сумел присосаться к антисфироте.
- Почему еле-еле?
- Все что-то да мешало. Иначе остался бы на крыше навечно, ты же и пальцем бы не пошевелил!
- Ничего, — утешил Азазель. — Умение приходит со временем. Вот так попрыгаешь туда-сюда где-то с миллион раз, пойдет чуточку быстрее. Правда, есть и другие способы, но ты же солдат, тебе нужны пути попроще, чтоб голову не утруждать. Ты ею ешь, а лбом двери вышибаешь, а иногда и стены проламываешь.

Михаил смолчал, Азазель подмигнул и отправился на кухню, где распахнул дверцы гриля и начал вытаскивать прожаренные ломти мяса. Михаилу положил на широкую тарелку бараний бок, сказал небрежно:

- Извини, что без гречневой каши.
- А она обязательна?
- Собакевич предпочитал с нею, — пояснил Азазель, — а вы чем-то похожи. Основательностью, как мне кажется. Масло в масленке, а соль в солонке, не перепутай. Сири еще не научилась держать соль в баночке из-под кофе, на которой написано «Сахар»...
- А когда научится?
- Тогда пройдет и тест Тюринга, — сообщил Азазель.

Михаил ел торопливо, чувствуя, как в тело вливаются силы. И хотя это еще не та мощь, что приходит от клипот, но сразу ощущил, что жизнь, как нагло заявляет Азазель, вообще-то ничего, если не слишком придиরаться.

- Теперь в ад? — спросил он.
- Азазель взглянул исподлобья.
- Михаил... Ты хоть представляешь, что там? Или прет от своей силы? Таких, как Кезим, больше, чем здесь воробьев!.. Упаси боже встретиться с Вельзевулом, Велиалом или любым другим из князей ада!.. Они все черпают мощь из клипот изначально!

— А что теперь будем?

Азазель вздохнул.

— Я сегодня занят кое-чем неотложным, а ты пока поупражняйся. Что для тебя сейчас самое важное? Верно, скорость. Ты сейчас старая, больная черепаха на лютом морозе. Пока сообразишь, как удрать, убьют сто раз...

— Я не собираюсь удирать, — начал Михаил с оскорблённым достоинством, но Азазель перебил:

— А если ко мне примчаться на помощь?

Михаил сказал с недоверием:

— Ну да, так и поверю. Как-то без меня обходился шесть тысяч лет?

— Играли по маленькой, — ответил Азазель серьезно. — Но пришло время тяжелой артиллерии. Это ты у нас тяжелая, хотя пока что никакая. Потому учись двигаться быстрее, черпать из антисфирот пусть по капле, но хоть по большой капле!.. А то много пользы от тяжелой артиллерии, если она без снарядов! И на гужевой тяге... Вечером вернусь, поговорим, хорошо?.. А пока развлекайся, хлопче!.. Только пожар не устрой. Мне тут все дорого, как память. Я здесь уже три месяца как живу.

— Как насчет поездки по городу? — спросил Михаил.

Азазель взглянул испытующе.

— Уверен?

— Я все схватываю быстро, — напомнил Михаил.

Азазель пожал плечами.

— Ладно, я же еще в прошлый раз дал допуск. Права и все бумаги в бардачке. Но помни самое главное: никто и никогда не должен видеть, что ты можешь что-то еще.

— Да запомнил, — сказал Михаил с досадой. — Главное, чтобы Сири меня обратно в дом пустила.

Азазель ухмыльнулся.

— Да, ты уже хорошо вжился в роль простого человека. Забыл, что можешь прыгать в чуланчик? Но чтоб никто не видел!

Азазель не солгал: автомобиль хоть и не стал распахивать перед ним дверь, но не противился, когда Михаил потянул за ручку, что значит допуск второго уровня, зато когда заглянул в бардачок, обнаружил водительские права и прочие необходимые в этом мире документы, еще пару шоколадок, несколько бумажных купюр на тот случай, если где-то придется расплачиваться наличными.

Аккумуляторы заправлены на все сто, автомобиль мигнул огоньками, сообщая, что системы в порядке, готов к выезду, ждет команду.

— Тогда выезжаем, — пробормотал Михаил. — Если я в этом мире, то надо его знать, как стратиг поле будущей битвы. А она грядет...

Он опустил руки на баранку руля, подошвы ног почти привычно нащупали педали. Азазель верно сказал, что хотя он дурак в этом мире, но учится быстро, а дурак, что учится, уже не совсем дурак.

А еще чувствуется, Азазель не зря его вытолкал на прогулку, хотя вроде бы не выталкивал, а лишь уступил, но это все по-азазелевски, то ли в самом деле уверен, что новичку из мира Брия нужно привыкнуть к множеству двуногих, то ли сам что-то задумал в его отсутствие, но пока не говорит и, возможно, никогда не скажет.

Автомобиль послушно вынырнул из подземного гаража, Михаил к баранке не притрагивался, автомобиль знает родной двор и ревностно оберегает свои машинные права, но когда вырулил на магистраль, послушно передал ему управление.

Высотные дома расступились, слева треть неба закрывает черная стена антисфироты, клипот тоже выгля-

дит слишком близко, хотя это обман зрения, скорлупы клипотов накрывают мир, а не только эту планету.

Он подумал, что люди инстинктивно чувствуют, что их мир накрыт защитной сферой, хотя для их зрения клипты недоступны. Потому во всех странах и культурах есть это странное представление о некоем небесном своде, что накрывает мир.

И у всех это нечто создано самим Богом, людям недоступное, но не враждебное, а как бы защищающее мир от чего-то ужасного для людей извне, как оно и есть на самом деле.

Он косо взглянул на темную стену антисфироты, что тянется от клипты через вселенную. По спине пробежала дрожь неприятия, но мелькнула успокаивающая мысль, что эта скорлупа вокруг мира на самом деле необходима. Как в физическом плане, иначе мир исчезнет, растворится, так и в психологическом: все люди прятались сперва в утробе матери, потом под одеялом от монстров, а затем под защитой стен и крыш от непогоды и враждебного мира.

И уютно полагать, что весь мир тоже укрыт толстой скорлупой защиты. Азазель уверяет, что люди проклюнутся через нее сами, когда достигнут сингулярности, и уже уверенно выйдут в мир чистой энергии, когда материальный останется в далеком прошлом, как дикое и неразумное детство, а пока да, нужно жить под этим зонтиком...

Взгляд зацепился за идущую впереди по тротуару женщину, показалось, что-то знакомое, но уже проехал мимо, некоторое время двигался по инерции, но при первой же возможности развернулся и погнал в обратную сторону.

Женщина остановилась перед переходом, светофор для пешеходов горит запрещающим. Михаил резко подал автомобиль вправо, прижимая к бордюру.

На него никто не повел глазом, неотрывно следят за красным светом, Михаил выскоцил, вскрикнул:

— Галина!

Она оглянулась, женщина с милым добрым лицом, глаза расширились в радостном испуге.

— Макрон?

Он ухватил ее за руку.

— Садись, подвезу!

Ошеломленная, она не сопротивлялась, он усадил ее на правое сиденье, обежал автомобиль и плюхнулся за баранку руля.

Вспыхнул желтый свет, но удалось успеть проскочить на него, пусть даже на грани нарушения, но не нарушил же, Галина смотрит на него изумленными глазами, а он вел автомобиль по направлению к центру и прислушивался к стучащей в голове тревожной мысли, что Азазель точно не одобрил бы подобные неожиданные встречи.

Но, с другой стороны, никакой подставы быть не может, о которых предостерегал Азазель, он сам выбирал маршрут, еще не зная, по какой дороге поедет, а Галина здесь уже шла.

— Как ты? — спросил он.

Она ответила мягко:

— Да все так же...

— Замужем?

— Почти... Когда Денис где-то погиб, я некоторое время была одна, а потом...

— Кто-то постоянный?

Она кивнула.

— Можно сказать и так. Заходит частенько Василий, он живет в соседнем доме. Приносит немного денег...

Он спросил, не поворачивая головы:

— А под глазом у тебя что?

Она спросила с неловкостью:

— Видно, да? Я так старательно запудривала...

— Это он тебя?

Она сказала торопливо:

— Утром спросонья о дверь ударилась.

Он буркнул мрачно:

— Я могу отличить кровоподтек от двери, а здесь отпечатался кулак с выступающей косточкой среднего пальца.

Она сказала тихо:

— Он бывает иногда очень вспыльчивым. Особенно, когда пьяный.

Он помолчал, чувствуя, как в нем начинает просыпаться темная ярость, сказал глухим голосом:

— Не могу представить, чтобы ты, такая покорная и тихая овечка, могла кого-то обидеть или раздразнить.

Она прошептала:

— Так получилось...

Он свернулся к ближайшему кафе у дороги.

— Посидим, — сказал он. — Съедим по мороженому, которые ты так всегда любила.

Она сказала с неловкостью:

— Я тебя не задерживаю?

— Нет, — ответил он. — У меня вся вечность впереди. Этот Василий... он где-то работает или ворует?

Она ответила боязливо:

— Что ты, он бригадир на соседней стройке.

Он усадил ее за стол, сел напротив, всматриваясь в ее простое милое лицо. Она ответила робкой улыбкой.

— Наверное, — буркнул он, — и строитель тоже хреновый... Девушка, нам мороженое по две двойные порции. Шоколадное. Насколько я помню, у вас оно лучшее в городе! Ваше фирменное?

Официантка гордо подбоченилась.

— Мы сами рецепт составили!

Когда она удалилась, Галина мягко улыбнулась.

— Ты всегда любил это мороженое. Забыл?

— А ты все помнишь?

— Еще бы, — ответила она с той же милой женственной улыбкой. — Ты у нас с Денисом всегда был героем. Он постоянно рассказывал о тебе... Зря он ушел потом в группу Циркуля.

— У меня как раз было затишье, — напомнил он. — А он жаждал действий... Но их там, как я потом слышал, бросили в настоящую мясорубку...

Девушка в белом кокетливом фартушке и в кружевном чепчике поставила перед ними по вазочке с шариками шоколадного мороженого, Михаил кивнул, спросил у Галины:

— Чем-то могу помочь?.. Все-таки Денис одно время был в моем отряде. Хорошим бойцом был и верным соратником.

Она покачала головой.

— Что ты, все хорошо...

— Хорошо?

— Нормально, — уточнила она, — как у всех. А раз не хуже, то кто я, чтоб у меня было лучше?

Он со щемом в сердце смотрел на ее милое добре лицо, в грустные глаза, в которых нет даже надежды на более радостное будущее, а только терпение и терпение.

— У всех должно быть лучше, — ответил он.

Она слабо улыбнулась.

— Я пойду... Дома дел столько, что даже не знаю.

Глава 7

Он довез ее до подъезда, а затем пустил автомобиль мимо ее длиннущего дома, названного «Китайской стеной», дальше на месте снесенной хрущевки вырыли котлован, дно уже залито бетоном, оттуда торчит густой лес металлической арматуры.

Строители работают в привычном темпе, то есть один что-то вяло ковыряет лопатой, а семеро стоят, опершись на свои лопаты, чтобы не упасть, и сонно наблюдают за ним. Бетоновозы неспешно сливают из длинных хоботов серую массу на дно котлована, утолщая бетонную подушку, все идет с галактической неспешностью.

Михаил поинтересовался у одного наблюдателя:

— А где бригадир Василий?

Тот скосил на него глаза, не потрудившись повернуть голову.

— Чего?

— Ваш бригадир, — сказал Михаил раздельно. — Василий!.. Который из них он?

Рабочий скривил рот.

— А что ему здесь делать?.. Пошел в бытовку. Сидит в холодке, пьет...

— Вон там?

— Нет, то для управленцев. Другая, на сваях.

Михаил отыскал бытовку, толкнул дверь. В дальнем конце деревянный стол из струганых досок, два топчана со смятыми одеялами. На левом расположился грузный мужик, очень крупный и красномордый, на столе бутылка и остатки хлеба с сыром, в руке граненый стакан.

Он как раз отнял край ото рта, довольно крякнул. На вошедшего Михаила скосил глаза, но ничего не сказал, только с наслаждением выдохнул и потянулся за корочкой хлеба.

— Василий? — спросил Михаил.

Мужик взглянул на него с неохотой.

— Я. Пришел наниматься?.. Пока бомжей хватает.

— Я похож на бомжа? — спросил Михаил. Он подошел ближе, чувствуя, как в нем закипает гнев. — Я похож на человека, который будет под тобой работать?

Мужик насторожился.

— Тогда чего пришел?

Михаил процедил:

— Я дальний родственник Галины, к которой ты захаживаешь. И хочу предупредить тебя, мразь, что если хоть раз коснешься ее даже пальцем...

Бригадир неспешно вылез из-за стола, выпрямился, оказался на полголовы выше Михаила и килограммов на сорок тяжелее.

— Ну-ну, — проревел он насмешливо, — продолжай, хлопчик...

Михаил молча ударил его в живот. Мужик охнул, и хотя Михаил старался не повредить ничего важного, но тот закатил глаза, побледнел и сполз по стене на пол.

Прислушиваясь к звукам снаружи, Михаил выхватил пистолет и, нагнувшись, с силой вбил ствол дураку в рот, с хрустом ломая передние зубы.

— Слушай меня, сволочь, — прошипел он страшным голосом. — Я наемник, убивал таких десятками. И сейчас мой палец на курке. Осталось чуть-чуть нажать... Ты дернись, дернись! Нажмется сам.

Мужик застыл в ужасе, кровь с разбитых губ и десен течет в рот и уже залила рубашку на груди, но даже не решился скосить туда глаза, не сводя взгляда с ужасного лица незнакомца.

— Все понял? — спросил Михаил.

Василий что-то промычал, Михаил убрал пистолет в кобуру сзади под край рубашки, отступил.

— Учи, мы появляемся и уходим незаметно. С любых высот в любое место!..

Он сам ощущил, голос звучит грозно и обрекающе, как у человека, которому все равно кого зарезать, барана или человека.

Василий глухо стонал, закрывая широкой ладонью разбитый в кровь рот. Михаил чувствовал его испуганный взгляд, пока шел к выходу из бытовки, а снаружи

сделал беспечный вид и по длинной дуге вышел к своему автомобилю.

Злость некоторое время бурлила так отчетливо, что если бы и пытался доказывать себе, что он не человек, но она бы возразила: человек, никуда ты не денешься от человека в тебе, это человек толкает тебя на все твои поступки...

Медленно успокаиваясь, он уловил, что перед глазами все чаще появляется лицо Синильды, наконец ощутил, что его воля таёт, как тонкий снежок под жаркими лучами солнца, сказал в нетерпении:

— Синильда!

На экране навигатора поверх карты города возникло ее фото, прозвенел далекий звонок, через пару мгновений прозвучал теплый нежный голос:

— Михаил?

Ее фото ожило, сердце Михаила ликующе подпрыгнуло, когда Синильда всмотрелась в него с любовью и нежностью, это он отчетливо рассмотрел в ее взгляде, и хотя женщины все и всегда брешут, как уверяет Азазель, но не может же Синильда ему врать, и он сказал счастливо:

— Как ты?

— Все в порядке, — ответила она тем беспечным голосом, что так нравится мужчинам, все предпочитают женщин без проблем и заморочек, — а ты?

— Еду по Варшавке, — ответил он. — Если найдешь время и желание — можешь располагать мною.

Она сказала счастливо:

— У меня для тебя всегда есть время и всегда есть желание. Поезжай прямо, через два квартала сверни налево. Я выйду к перекрестку.

Он все сделал, как она велела, а когда увидел, как она далеко впереди подходит к бровке тротуара, ощутил, как в трепетном ликовании застучало сердце, а в груди разлилось сладостное тепло.

Выскочить и распахнуть перед ней дверь не успел, как видел в старых фильмах, она сама быстро открыла дверцу и села рядом, чистенькая и веселая, взглянула смеющимися глазами.

— Привет! Вижу по тебе, победа за победой?

— Это потому, — объяснил он неуклюже, — что тебя увидел.

— Ты меня сразу победил, — сообщила она хитрым голосом, — как только тогда взглянул серьезными и такими строгими глазами, как у ребенка...

Она выудила из сумочки крохотный смартфон, торопливо поводила кончиком пальца по экрану и спрятала снова. Михаил смотрел прямо перед собой на бегущую под колеса дорогу, пешеходы при виде автомобиля обязательно должны перебежать, как куры, на другую сторону дороги, а когда подъехали к ее дому, оставил автомашину на стоянке перед домом, а Синильда ухватила его под руку и счастливо потащила в подъезд.

Когда она торопливо отворила дверь своей квартиры, он с порога озадаченно потянул носом.

— Чем у тебя так вкусно пахнет?

Она весело расхохоталась.

— Не духами, не бойся. Настоящей домашней выпечкой. Я люблю готовить! Это так увлекательно, когда знакомишься с кухнями разных народов, новыми рецептами... Ванная комната — вторая дверь по коридору, а оттуда сразу на кухню!

Михаил покорно отправился в туалетную комнату, уже запомнил, что мыть руки мужчинам вовсе не обязательно, а вот опорожнить мочевой пузырь не мешает, пусть ничего потом не отвлекает, посмотрел там на себя в большое идеально чистое зеркало. Вполне хорош по стандартам земной красоты: сильное, волевое лицо, крупное и мужественное, прямой взгляд, правильные черты...

Со стороны кухни ароматные запахи пролезают даже в щель под дверью, а когда он вышел на кухню, Синильда уже открыла дверцу духовки и вытаскивает оттуда нечто сложное, пахнущее жареным мясом и разными специями.

Он охнулся, она взглянула на него смеющимися глазами.

— Готов?

— Еще как, — ответил он. — Хотя только что и не думал... Знаешь, даже не знал, что я такой жрун!.. Когда ты успела?

Она отмахнулась.

— Я человек занятой, у меня все автоматизировано. Когда ехали, я велела кухне приготовить кое-что из того, что я сама придумала. Садись. Тарелка устроит или дать побольше?

— Устроит, устроит, — заверил он.

— Если не устроит, — сказала она весело, — просто повторим. Держи!..

Она перегрузила ему на блюдо блестящую коричневую тушку упитанной птицы, явно домашней, выглядит слишком нежной. Михаил ощутил, как от смачного запаха дернулся в ожидании желудок.

— Никогда так много не ел, — сказал он с неловкостью, — как в... последнее время.

— А где еще отъедаться и отсыпаться, — спросила она, — как не дома?.. В экспедициях не до кулинарных изысков. Погоди, возьми еще и вот эти ломтики...

Он ел и чувствовал, как остатки напряжения уходят, но вместе с сытостью пришло ощущение грузности своего человеческого тела, огромного и мускулистого, наполненного теплой кровью, что разносит кислород даже в самые дальние уголки тела.

Она взглянула с женским пониманием, голос произвучал ласково и с глубоким сочувствием:

— Устал... Пойдем, отдохнешь.
Он пробормотал с неловкостью:
— Наверное, не помешало бы...

И хотя мужчина при женщине выказывать слабость не должен, но он, повинуясь странному чувству, дал уложить себя не на диван, как ожидал, а на широкое прекрасное ложе.

Синильда легла рядом и, приподнявшись на локте, смотрела с глубоким сочувствием.

— Ты не просто устал... на тебе тяжелый груз решений...

— Каких? — спросил он.

Она грустно улыбнулась.

— Откуда знать мне? А вот ты что-то решаешь очень важное, чувствую. И тебя это очень сильно беспокоит. Но, наверное, зря. Ты очень правильный человек... И какое бы решение ни принял, оно будет верным. Поэтому что ты такой.

— Спасибо, — пробормотал он.

Она наклонилась к нему, он ощущил на щеке прикосновение ее нежных теплых губ.

— Это тебе спасибо...

— За что?

Она загадочно и несколько печально улыбнулась.

— Есть за что... Но сейчас отдохни, пусть на твоем лбу разгладятся эти морщинки. Битвы еще не все отремели, мой герой. Ты должен набраться сил.

Глава 8

Когда он вышел из чуланчика, Азазель на диване расположился в позе ковбоя, забросив ноги на низкий журнальный столик, хотя непонятно, почему столик так называется и что такое вообще журналы.

Услышав, как Михаил вошел в гостиную, оживился, приветственно помахал рукой.

— Садись, рассказывай, как прошел твой первый сексуальный опыт... Ох, я имею в виду, как прокатился в обновленном виде? Ничего не трет?.. Воротничок не давит?

— И брюки не жмут, — ответил Михаил недовольно.

Он прошел мимо на кухню, слышал, как Азазель поднялся и двинулся, потягиваясь и похрустывая суставами, следом.

— Это которые штаны? — уточнил он. — Прекрасно!.. Главное, чтобы Кезим в тебе не просыпался. Машину не разбил?

— Нет.

— А не поцарапал?..

— Нет.

— Почему? — спросил он встревоженно. — Что случилось?.. Ладно-ладно, садись, перекусим. Я специально тебя дожидался. Хотя, конечно, поел, как без этого, но то просто еда, а сейчас у нас ритуальная.

Михаил пробормотал:

— Да вроде бы никакой кезимности. А что, разве сам, без Кезима, не могу... рассердиться?

Он опустился за стол, а духовка-гриль моментально мигнула огоньками, там вспыхнул свет, высвечивая сладостную картинку медленно поворачивающейся на вертеле тушки крупной птицы.

Азазель сел напротив, рассматривая его строго и оценивающе.

— Рассердиться, — повторил он, — разгневаться, разъяриться... Это все разное, Мишка. Даже по физиологии. В гневе морда становится красная, как круто сваренный рак, а в ярости бледнеешь, как смерть, так что давай рассказывай, на кого гневался?.. Я смотрел с балкона, нигде ничего не горит, дома не повалились, молнии в высотные дома не бьют...

Михаил буркнул недовольно:

— Я был тише мышки. Все нормально. Ты не хитри, о чем-то умалчиваешь! Понимаю, почему перенес нас в безлюдное место близ Сигора, а не прямо к месту. Но так же можно и куда-то в ад? Разве что через портал?..

Азазель тяжело вздохнул, а в голосе прозвучала то-скливая безнадега, словно разговаривает с последним идиотом:

— Михаил...

— Что не так?

Азазель вздохнул снова, Михаил увидел в его черных глазах упрек.

— Еще не понял, что для этого нужно знать ад очень хорошо? А если там, где в мое последнее посещение была выжженная земля, сейчас вполне себе город?..

— Что, даже так?

— Представь себе, — заверил Азазель. — Ад постоянно застраивается и расширяется. Демоны, повторяю, многому научились у людей. Хотя, конечно, отстают на тысячу лет. Где-то, правда, уже только на пятьсот.

Прозвучал милый голосок Сири:

— Властелин вселенной, мой повелитель!.. Еще десять секунд, и гусь начнет пережариваться!

— Выключай, — велел Азазель. — Могла бы и сама, так нужно обязательно влезть в разговор белых сагибов?

Огни в духовке погасли, но Сири напомнила ехидно:

— Остальное ручками-ручками! Про манипуляторы я уже столько наслушалась...

— Сегодня закажу, — пообещал Азазель.

Михаил понаблюдал, как он, откинув дверцу, вытаскивает в облаке ароматного пара блестящую соком тушку гуся.

— Но есть же места, — спросил он осторожно, — куда точно никто не полезет? Как те безжизненные скалы у Сигора? И вообще не виляй насчет того, что

в ад нельзя через портал! А как Аграт оттуда пролезала прямо к тебе в квартиру?

Азазель нахмурился, молча вытащил вертел с тяжелым гусем, с металлическим скрипом стащил с длинного штыря на центральное блюдо посреди стола.

Михаил ждал, наконец Азазель ответил с неохотой:

— Это сложный случай... Настройка должна быть, знаешь, какая? А еще этот канал создавался и отлаживался почти сотню лет. Во-первых, чтоб ты знал, преисподняя защищена от подобных... проникновений. Во-вторых, важные зоны защищены втройне. Аграт пролезала в щель, потому что с этой стороны ее создавал я, а она там служила маячком. В очень-очень уединенном месте, до которого из-за его ненадобности и удаленности недотянули защиту.

Он взял в одну руку огромную двузубую вилку, в другую — широкий острый нож, взглянул на Михаила испытывающе.

— А от того уединенного места, — поинтересовался Михаил, — до Зарана, что, добраться никак?

Азазель некоторое время резал тушку гуся на части молча, потом сказал с сердцем:

— Михаил... ты понимаешь, что там будем на чужой территории? На территории врага? Или ты совсем берега потерял?.. Головокружение от успехов, как сказал Иосиф Виссарионович?.. Давай ешь, это улучшает кровокружение и вообще кровотворение с кровотворчеством.

Михаил поморщился.

— Но мы же не войной придем?

— Этого еще не хватало!

— Кто нас отличит от местных? — поинтересовался Михаил. — Как я понял, в аду таких демонов, как мы с виду, большинство. К тому же... чем земля не ад?

Азазель хмуро взглянул, как он начал есть сосредоточенно, но без привычного азарта.

— Это так, — согласился он. — Это так... но все же надо располагать полной диспозицией, где, что и как. Там помохи не дождаться, а если придется удирать или хотя бы отступать, то неизвестно куда, понимаешь?.. А я, хоть и творческая натура, но импровизировать не люблю, это признак дилетанта! У профи все экспромты заготовлены заранее и отрепетированы до блеска и умопомрачения... Ты ешь, ешь, а то если сейчас аппетит теряешь, то что ждет в аду?

— Пойдем с Аграт и Бианакитом?

Азазель быстро догрыз гусиную лапку, швырнул обглоданную косточку в тарелку.

— Нет.

— Кого не берем?

Азазель пожал плечами.

— Бианакита нельзя, а вот Аграт... правда, она тебя, как говоришь, достала? Тогда и ее не берем.

Михаил сказал сердито:

— Из-за меня? Это нечестно. Если она хочет...

— Мишка, — сказал Азазель покровительственно, — ты самовлюбленный эгоист. Почему мир должен вертеться вокруг тебя?.. Ей просто нельзя обратно. Помнишь, дала клятву полного послушания? Теперь там для нее уже не родной дом. Я не хочу рисковать девочкой. Все-таки теперь она слабее тебя.

Михаил сказал пристыженно:

— Понял. А ты вообще-то не полная свинья. О союзниках хоть как-то по-своему, по-демоняччи, но заботишься.

Азазель не был бы Азазелем, если бы сразу все не испортил, процитировав с напыщенным видом:

— Быть вождем лишь тот один достоин, кому и честь, и жизнь вручает слепо воин. И хотя из меня вождь, как из говна гвоздь, но другие, как видишь, меня ценят!

Михаил посмотрел с подозрением.

— И все же, ты когда снял в гостинице близ Сигора две комнаты... почему не поселил Аграт отдельно?

— Ты человек, — напомнил Азазель. — Потому отдельно ты.

— Но я самец, — возразил Михаил. — Думаю, нарочито поселил меня в отдельную, чтобы Аграт как бы вынужденно должна была прийти либо в вашу с Бианакитом, либо в мою!

Азазель вздохнул.

— Вот так стараешься, стараешься, а где спасибо?

— Ничего не было, — заверил Михаил. — Но спали плохо оба. И ты виноват!

— А Чернышевский ломал голову, — сказал Азазель, — кто виноват и как обустроить ад...

— Он жил в аду?

— Либералы так называли Россию, — уточнил Азазель. — Сири, гусь твой какой-то мелкий, у нас воробы и то крупнее! Пироги готовы?

— Две минуты, — сообщила Сири деловито. — Можно даже полторы. Если готовы есть непрожаренные.

— Еще полминуты стерпим, — сообщил Азазель. Он потянулся, зевнул, сказал бодрым голосом: — Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву. У тебя как насчет благочестия, Мишка?

— Побольше, — буркнул Михаил, — чем у тебя. Благочестие, чтоб ты знал, тоже оружие!

— Ты воин, — согласился Азазель, — у тебя все оружие! Микроскопом тоже можно захренячить по голове еще как... Кстати, с мечом пробовал?

— Ты же знаешь...

— Имеешь в виду схватку с Кезимом?.. Там ты сплоховал, но... в целом, повезло. Такой случай выпадает раз в жизни, теперь никаких ошибок!..

Михаил сказал тревожно:

— Теперь, когда я получил все, чем владел Кезим... смогу ли?

— Сказать трудно, — согласился Азазель. — У тебя был меч из белого пламени, если еще помнишь счастливое детство, у меня — из багровой ярости. Но теперь, думаю, у тебя, такой нелепой химеры, никакого не будет.

— Не пугай, — попросил Михаил.

— А ты пробуй, — предложил Азазель. — Не жди, когда придет время спускаться в ад. Меч может понадобиться куда раньше!

— Не пугай, — попросил Михаил. — Меня уже трясет.

Азазель взглядом велел ему встать и выйти на середину комнаты.

— Пока пироги готовятся, — добавил он, — попробуй.

Михаил в центре комнаты раздвинул ноги на ширину плеч, руки над головой, изготовил ладони для хватки. Азазель наблюдал молча, не шевелясь и не отвлекая.

Михаил закрыл глаза, сосредотачиваясь, вздохнул несколько раз. Азазель чуть наклонил голову, дескать, не тяни, уже можно, Михаил еще раз вздохнул и, стиснув челюсти, напрягся так, словно поднимает гору.

Между поднятыми высоко над головой ладонями заблистало холодная синяя молния. Азазель вздрогнул, молния стала шире и объемнее, а в ней пропал длинный черный меч с такой же угольно-черной рукоятью.

Молния исчезла, Михаил медленно опустил руки с мечом, посмотрел испуганно и тревожно. Меч абсолютно черный, тяжелый, но мощь явно не в тяжести, он отчетливо чувствовал, как через рукоять сила переливается в лезвие, а оттуда идет обратно в тело.

Азазель охнул, вытянул шею, рассматривая во все глаза, но не рискнул подняться из кресла.

— Это же... Это Меч Абсолютного Хаоса!

Михаил сказал с дрожью в голосе:

— Что за... О нем что-то известно?

В черных глазах Азазеля возник лихорадочный блеск, а голос упал до шепота:

— Ты с ним поосторожнее... О таких мечах ничего не известно! А название придумал прямо сейчас.

— Но раз он есть...

Азазель сказал тем же потрясенным голосом:

— В том то и дело, Михаил... Никто и никогда не слыхивал ни о чем подобном!.. У архангелов мечи из божественного света Первого Дня Творения, у демонов багровые Мечи Ярости и Нечистого Гнева. А на этот даже смотреть страшно.

Михаил постарался подавить страх во всем теле, но плечи передернулись сами собой.

— Но что это значит?.. Я сам стал черным, как Зло?

— Не знаю, — ответил Азазель, и Михаил чуть ли не впервые ощутил, что тот отвечает предельно честно. — Я не знал, что такие существуют!.. Или вообще могут быть... Возможно, этот был создан только для тебя? Или создан тобой самим?.. У меня голова кругом. Ты что-то особое чувствуешь?

Михаил проговорил не своим голосом:

— Только то, что этот меч... даже не знаю... откуда!..

Он все еще держал на трепещущих руках перед собой этот чудовищный клинок, чувствуя в нем нечто особое, отличающее как от его прежнего архангельского с лезвием из слепящего пламени, так и багрового меча Азазеля.

Глава 9

Лезвие не только абсолютно черное, как грех, но и воздух вокруг него чернеет настолько, что не сразу рассмотришь острую кромку. Рукоять простая, древняя, из того же металла, если это металл, а не квинтэссен-

ция Зла, в ладони приятно холодит, но, как Михаил уже понимал, он, как элементаль, без вреда для себя может держать как раскаленный брусок металла, так и обломок Вековечного Льда.

Азазель сказал тихо:

— Осторожнее с этим мечом, только осторожнее!..

Сам не поранься. Еще неизвестно, что он за. И каков.

— Да вот, — начал было Михаил и запнулся.

Меч исчез из его руки, темная дымка поплыла в воздухе, медленно рассеиваясь.

Азазель взглянул встревоженно.

— Что случилось?

— Не знаю, — ответил Михаил дрогнувшим голосом. — Я ничего не делал...

Азазель сказал чуть живее:

— Он сам?.. Или ты?.. Вспомни, что думал, что хотел?.. Это ни в какие ворота, если у тебя меч будет исчезать в разгар битвы. Или перед ее началом.

— Да вроде бы я не желал, — ответил Михаил, и сам ощущил, что голос звучит жалко. Только-только начал наслаждаться странным и недобрым ощущением моши. — А может, как ты сказал, он так может сам?

— Вряд ли, — ответил Азазель с сомнением. Он говорил чуть громче и увереннее, когда меч исчез, но Михаил видел, что и он уже хочет, чтобы тот появился снова. — Давай попытайся снова вызвать то чувство, то желание... Как вызывал свой меч Белого Пламени?

Михаил пробормотал:

— То меч архангела...

— Пробуй, — сказал Азазель настойчиво. — Просто пробуй. Вызывай свой привычный меч архангела! А так ты сейчас не архангел... вообще-то архангел, но уже не только он самый, а вообще неизвестно что за гремучая смесь чистой дурости и яростного невежества... В общем, пробуй!.. Что получится, то и твое.

Михаил вздохнул, вскинул руки над головой.

— Не знаю, — проговорил он без уверенности, — теперь уже боюсь...

— Думаешь, один ты?

Михаил вздохнул, закрыл глаза. Вокруг кулаков на этот раз словно бы сгустилось по темному облачку, но ни молнии, ни треска наэлектризованного воздуха.

Выждав немного, Михаил в безнадежном жесте опустил руки.

— Не получается...

— Боишься, — сказал Азазель понимающе.

— Боюсь, — признался Михаил. — Сам я не боюсь, но что-то во мне боится. И думаю, это не Кезим боится, а все-таки я...

— Или Макрон, — сказал Азазель.

Михаил вздохнул.

— Макрон, судя по тому, что о нем теперь знаю, достаточно... противоречив. Но с мечом еще попробую! Только соберусь малость.

— Пироги уже остыли, — напомнил Азазель. — Ладно, подогревать не будем. Мужчины не имеют право на капризы. Хотя, конечно, пироги должны быть теплыми.

— Ладно-ладно, — сказал Михаил, — если уж так стараешься отвлечь меня от моих страхов, скажи, почему поспешил прервать Шокутара, когда он едва не сказал вслух, с кем Кезим прятал под Сигором украденное из рая?

Азазель изумился:

— Я прервал? Михаил, ты стал слишком подозрительным. Так у тебя разовьется паранойя. А это хуже, чем чесотка, уверяю!

— Кезим с кем-то прятал, — повторил Михаил, — и это был не ты, иначе бы Шокутар сказал. Но ты прервал, чтобы не прозвучало имя, которое важно сохранить в тайне от меня?

— Мишка, — сказал Азазель самым доброжелательнейшим тоном, — у тебя мания преследования. То была только мания величия, а теперь еще и преследования. Думаю, мне нужно дождаться появления мании вины, а это будет пре-непременнейше, иначе на свете нет справедливости!..

— Не хочешь говорить? — спросил Михаил. — Ладно, подожду, когда сам скажешь. Ты полон тайн, но они в тебе плохо держатся.

— Разве? — спросил Азазель. — Просто я тебе все выдаю по мере твоего взросления. Еще неделю назад ты был на уровне трехлетнего ребенка, а сейчас я бы тебе дал лет семь, а то и восемь... Хотя восемь, пожалуй, это перебор, нельзя же тебе так бессовестно льстить!.. Чего так смотришь? Не в тюрьме лет восемь, а по стремительному интеллектуальному взлету!

Михаил ответить не успел: на столе тихонько звякнул смартфон. Азазель взял трубку, ответил и с удивленным видом протянул смарт Михаилу:

— Это тебя...

Михаил не менее удивленно посмотрел на дисплей, там — жесткое лицо немолодого, очень встревоженного мужчины с колючим взглядом, исхудавшее, с щетинками по наспех выбритому подбородку.

— Макрон, — сказал он торопливо вместо приветствия, — двое из твоего отряда попали в лапы Спрута. Грозит их убить, а бомбу взорвать в городе, если не заплатим десять миллионов долларов в течение сорока восьми часов!

Михаил пробормотал:

— Но... что я могу сделать?.. Давно вышел из того... бизнеса...

Мужчина сказал зло:

— Это твои напарники, что не раз спасали и твою шкуру!.. Мы все перебрали, ничего в голову не лезет. К властям обращаться бесполезно, сам знаешь.

— Может быть, — сказал Михаил, — проще Спруту выдать десять миллионов?

Тот зыркнул на него с экрана быстро и недоверчиво.

— А ты можешь собрать их так быстро?.. Хотя все равно, сам знаешь, деньги возьмут, а заложников убют.

— А на десять миллионов купят новое оружие, — сказал Михаил. — Ладно, я ничего не обещаю, но... кто на той стороне твой контакт?

— Гаспар, — сказал мужчина быстро. — Ты его знаешь. Но если надумаешь участвовать, мы с тобой.

Михаил покачал головой.

— Успею раньше.

Тот посмотрел на него несколько странно.

— У тебя что, собственный реактивный истребитель?.. Или и там концы? Ладно, не мое дело. Вот координаты Гаспара. И номер мобильного, но позвонить можешь только раз. А мы летим туда ближайшим рейсовым.

Связь прервалась, Михаил со смартфоном в ладони повернулся к молча ожидающему Азазелю.

— Все слышал?

Азазель кивнул.

— Старые друзья Макрона?

— Знаешь, — сказал Михаил, — это звучит странно, но чувствую себя обязанным помочь. Это люди, которые прикрывали мне спину, а я отвечал за них.

— Сейчас уже не отвечаешь, — напомнил Азазель.

— Не отвечаю, — согласился Михаил. — Или все-таки отвечаю?

Азазель поморщился, подвигал кожей на лбу.

— Это ерунда, мелкие разборки между людышками ни на что не влияют... Но понимаю, жизнь вся из ерунды и мелочей. А иная мелочь лично для нас важнее, чем поворот сибирских рек. От удара молотком по пальцу страдаем больше, чем при известии о гибели тысячи человек от волны цунами где-то там.

— Вот и хорошо, — сказал Михаил с облегчением. — Я отлучусь, посмотрю, что смогу.

Азазель посмотрел с интересом, но и с сомнением во взгляде.

— Уверен?

— Не очень, — признался Михаил, — но какое-то странное ощущение. Это потому что я человек, да? Сам понимаю, не мое дело, но как-то вот что-то...

Азазель прервал:

— Не ты отлучишься, а мы. Потом да, сможешь и сам, но не сейчас. Ты еще не пришел в себя после схватки с Кезимом. И не освоился со своими возможностями элементалия. Всякое может... Нет-нет, не пугаю, просто будь настороже. Сейчас и постоянно. Ладно, я соберу снаряжение, что понадобится, а потом посмотрим, что можем сделать и как добраться.

— Азазель...

Азазель отмахнулся.

— Не надо слюнявых благодарностей. Я давно уже человек, забыл?.. Просто посильнее других, но все реалии быта понимаю и принимаю. Дай твой смарт, посмотрю расположение твоего контакта...

Михаил торопливо сунул ему мобильник. Азазель положил рядом планшет, синхронизировал, некоторое время водил пальцем по экрану, наконец сказал с неописуемым удовлетворением:

— Я бы этого Серегу Брина в жопу поцеловал за его гугельмэп!.. Сижу тут и с высоты птичьего полета наблюдаю насчет соплеменных и прочих достопримечательностей. Если позумить, могу рассмотреть даже бегающих там ящериц. И никаких миклухо-маклаев! И Кук бы остался жив... К тому же все в рилтайме!

Михаил вздохнул с облегчением.

— Значит, проблем с перебросом не будет?

— Не думаю, — ответил Азазель. — Вытащим твоих друзей и тут же вернемся.

— Азазель, — сказал Михаил, Азазель повернулся и взглянул в ожидании. — Спасибо.

Азазель отмахнулся.

— Да пустяки. Это не чистая благотворительность, как тебе кажется.

— Фух, — выдохнул Михаил, — а то я уж подумал, не заболел ли ты... А в чем выгода?

— Помогая людям, — пояснил Азазель высокопарно, — вербуем в свои ряды. Кто знает, может, когда-то и как-то используем, если удастся вытащить из плена?

— Все равно спасибо, — повторил Михаил. — Я сам не знаю, зачем за это берусь...

Азазель усмехнулся.

— Я знаю, но это неважно. Неправильная правильность людей ведет зигзагом к результату, которого не получили бы при идеальной правильности. Что, сложно?.. Инстинкт человека ведет к правильности очень окольными тропками. Но, может быть, прямых и нет? Или на прямых такие канавы, что ноги поломаешь, а то и шею?

Михаил внимательно всмотрелся через его плечо в яркую картину, Азазель крутит колесико, и создается ощущение полета над горами. Наконец он разумил двумя пальцами карту, Михаил рассмотрел внизу за бесстыми валунами сидящего мужчину с чем-то в руках. Изображение и так на пределе четкости, но видно, что время от времени подносит руки к лицу тем характерным жестом, когда смотрят в бинокль.

— Высадимся вот там, — сказал Азазель. — Видишь, шагах в тридцати груда высоких камней?

— Не увидит? Это не совсем за его спиной.

— Посмотри, как следит за дорогой? Нас не заметит.

— Ладно, тебе виднее.

Азазель сказал успокаивающее:

— Момент появления ни он не увидит, ни кто-то еще.

— А со спутника?

— Вероятность, что кто-то смотрит на него так же внимательно, как и мы, — сказал Азазель медленно, — ничтожна... К тому же там густая тень... Берем по гранатомету. Вообще-то можешь и без него.

Михаил прервал:

— А ты?

— И я, — ответил Азазель скромно. — Велика вероятность засветки, а ее нужно избегать любой ценой. Поэтому используешь любое оружие, которым пользуются люди.

— Понятно. А наша неуязвимость...

— Объясняется, — подсказал Азазель, — криворукостью противников, понял?

— Понял, — буркнул Михаил. — А откуда неуязвимость?

— А ее нет, — сообщил Азазель чуточку злорадно. — Потому от пуль и прочего будет очень больно. Но ты же элементаль, раны затянешь быстро... Но не слишком быстро, если их увидели другие. В общем, никто не должен видеть, что ты в чем-то можешь больше. Кроме случаев...

— Ну-ну, каких?

— Когда не оставишь свидетелей, — напомнил Азазель. — Обрадуй в себе Кезима.

Михаил нахмурился.

— Даже не шпути так, — сказал он резко. — Я не собираюсь падать и катиться.

— Да мы все не собираемся, — сообщил Азазель. — Оно как-то все само.

— А я вот нет!

— Я не покачусь, сказало яичко, уже катясь с горы, — ответил Азазель, — но ты, уверен, сделаешь

невозможное. Ты же не интеллигент, что сраный, сраные всегда найдут оправдание, а ты устоишь! Ибо ты на устоях. И не сойдешь. А то и, вопреки всему, поднимешься на гору! С такой же вероятностью, что и катящееся вниз яичко вскатится само по себе на вершину.

Михаил взглянул на него исподлобья, но придавил злой ответ, что рвется прямо из его сути, хоть и непонятно какой из, ответил сравнительно мирно:

— Но я же не само по себе?

Азазель взглянул с непониманием, потом кивнул и сказал пристыженно:

— Прости. Я всегда рядом.

— Мы появимся не слишком быстро?

Азазель пожал плечами.

— А если на ракетном истребителе выброшены прямо над ним? И приземлились поблизости?

— А как не заметили с парашютами?

— Новые технологии, — заявил Азазель. — Светоотражающая ткань. Почти невидимки. А парашюты самоуничтожились. Одноразовые, в общем. Не забивай голову, никто не будет интересоваться! Сейчас главное — успеть вытащить твоих друзей.

Михаил вдел руки в лямки рюкзака, поправил на спине, Азазель, уже готовый к прыжку, смотрит с ожиданием. Михаил вышел на середину комнаты.

— Двигаемся?

— Ты двигаешься, — уточнил Азазель. — Сам. Координаты у тебя точные. Учись перемещаться, Мишка. Это еще не раз спасет твою шкуру. Учись перемещаться быстро... и вообще всему учись быстро.

Михаил ощутил, как внезапно пересохло во рту, даже язык стал тяжелым и жестким, как кусок пролежавшего под летним солнцем камня.

— Я... я попробую.

— Давай, — подбодрил Азазель. — Ты же на крышу прыгал? Все то же самое! Дистанция чуть длиннее, но с нашей мощью это как среднему человеку взбежать по лестнице на третий этаж. Главное — видишь конечную точку ясно, и когда ничто не мешает...

— Хорошо, — повторил Михаил. — Я постараюсь...

Глава 10

Азазель наблюдает с ехидной ухмылкой, дескать, хрен у тебя что получится, Михаил ощущал раздражение, тут же тело охватил жар, он успел ощутить толчок изнутри, ускорение, и тут же подошвы с силой уперлись в твердую выжженную землю, а глотка ухватила жаркий воздух пустыни.

Рядом возник Азазель, сказал сразу деловито:

— Когда злишься, все получается быстрее. Но давай учись работать без этой подпитки!

Человек в халате цвета песка охнулся, когда Михаил и Азазель быстро спустились к нему по узкой горной тропе.

— Как, — воскликнул он высоким горланным голосом, — как так быстро?

— Мы такие, — сказал Михаил и добавил: — Привет, Гаспар...

Мужчина рывком обнял его, отстранился и, не выпуская из рук, всмотрелся в его лицо.

— А слухи ходили, — сказал он тревожно и вместе с тем счастливо, — что ты где-то был схвачен...

— Меня много раз пытались, — сказал Михаил. — В заложниках Зельднер и Бадрутдин?.. Больше никого?

— Бадрутдин и Сархан, — ответил Гаспар. — Был еще Фридрих, он откуда-то из Голландии... Есть такая страна?.. Но погиб, когда прикрывал отход группы.

— Он всегда был самоотвержен, — сказал Михаил и поймал быстрый и слегка удивленный взгляд Азазеля, — теперь рассказывай, куда наших увезли, кто схватил, сколько в группе захвата?

— Лучше по дороге, — уточнил Азазель.

— Да, — согласился Михаил, — автомобиль где-то спрятал?

— Их база близко, — ответил Гаспар. — Автомобиль бы заметили издали. Сейчас обойдем вон тот холм, все увидим.

— Хорошо, — сказал Михаил. — Давай введи в курс дела. Какое было задание, чем занимались.

Он сам ощутил, что Макрон от наблюдателя перешел к активной роли, даже голос стал тверже, и Гаспар начал отвечать быстро и послушно, как и было в старые добрые дни. В памяти замелькали яркие моменты, как сражались вместе, как он впервые увидел Гаспара среди захваченных пленных и угадал, что этот забитый деревенский парень будет служить ему верно и преданно, если он сделает то, до чего никто раньше не додумался: потреплет его по плечу и скажет несколько ободряющих слов.

Азазель помалкивал, слушал внимательно. Михаил держится уверенно, даже как-то по-свойски, этого сумного бедуина помнит, о захваченных говорит со знанием дела, сразу велел показать, куда их увезли.

Как Гаспар и обещал, едва начали огибать холм, на выжженное беспощадным солнцем бескрайнее пространство начало выдвигаться усыпанное белыми камнями приподнятое над равниной место, а на нем бело-серые руины старинной крепости.

— Стоп, — велел Михаил. — Понаблюдаем.

Он присел, вытащил из рюкзака бинокль, но сделал так, чтобы Гаспар заметил гранатомет XM-25 и несколько снарядов.

Азазель опустился рядом, тоже внимательно взглядываясь в руины крепости.

— Крестоносцы? — спросил он.

Гаспар кивнул.

— Да, там была самая грозная крепость франков во всем этом регионе. Но ее еще в старые времена захватили и разрушили другие франки.

— Строили немцы, — заметил Азазель, — судя по остаткам цоколя, а рушили англичане... Да, Гаспар, франки тоже разные и воюют между собой не меньше, чем сарацины.

Гаспар усмехнулся.

— Да, мы же те самые сарацины... С тех времен в каменных руинах гнездились шакалы, потом началась священная война.

— Против кого? — уточнил Азазель.

— Не против, — ответил Гаспар с невеселой ironией, — а за, что вроде бы достойнее. Но это еще кровопролитнее, когда воюют все со всеми.

Михаил кивнул, понимая, что остатки крепости в самом деле хороши во время начала боевых действий. Огромные подземелья, что в старину использовались для запасов продовольствия и где укрывалось гражданское население во время войн, теперь стали прекрасным местом для размещения штаба и руководства боевыми отрядами.

Азазель всматривался с профессиональным интересом в исчезающий холм с торчащими из него скальными породами, из которых в свое время строили крепость. Крупных глыб много, удобно прятаться и вести из-за них огонь, но подобраться по открытой и голой, как ладонь, местности очень непросто.

Понятно, что группы боевиков сменяются, уходят, сливаются с другими, но руины крепости уже даже не выглядят руинами. В границах самой крепости и за ее

пределами натянуты шатры и палатки, в сторонке со- средоточились армейские грузовики, даже пара броне- транспортеров возле склада с бочками, из-за их ряда виднеется цистерна с дизельным топливом.

— Сколько в самой крепости человек, — сказал Гаспар вполголоса, — неизвестно. Сейчас там штаб группы Масуда, но к его отряду прибились люди Сулеймана и Джамала...

— Командование единое? — спросил Михаил.

Гаспар ответил шепотом:

— Пока вроде бы нет. Сейчас процесс то ли слияния, то ли размежевания. Там всегда бурлит и клокочет. Демократия восточного образца.

— Справимся, — заверил Михаил. — Даже с демократией.

Азазель взглянул с предостережением, Михаил тут же уточнил:

— Попытаемся.

— А где остальные? — спросил Гаспар с надеждой.

— Мы не будем вступать в широкомасштабный бой, — пояснил Михаил. — Просто выдернем друзей, а Масуд и Сулейман пусть выясняют и дальше отношения. Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...

Гаспар посмотрел с непониманием.

— Мы втроем?

Вместо Михаила ответил Азазель:

— Есть пара хитрых трюков, плюс экспериментальное оружие, что еще не пошло в серию, но обещать что-то пока рано. Да и про остальных участников тебе знать тоже рановато.

— Да, — поддержал Михаил, спохватившись, — рано. Но будем стараться.

Гаспар поглядывал то на него, как на командира, то на Азазеля, незнакомца, к которому командир прислушивается с заметным уважением.

— Как будем действовать? — спросил Гаспар.

— По обстановке, — ответил Михаил уклончиво.

Он сказал быстро:

— Я пойду с вами!

— Нет, — сказал Азазель. Тот взглянул сердито, Азазель пояснил: — Так проще. У нас бронежилеты скрытого ношения, из танка пробить можно, однако танков я не вижу. А вот ты весь голый...

— Верно-верно, — подтвердил Михаил. — Жди нас здесь. Мы разберемся.

— Если ребята живы, — заверил Азазель, — мы их вытащим. Макрон всегда Макрон! Мы в него верим. Умом Макрона не понять, аршином общим не измерить...

Пригибаясь, они двинулись в сторону приплюснутого холма с руинами, Михаил спросил шепотом:

— Ты в самом деле прикрыл нас щитом незримости?

— Да, — ответил Азазель так же тихо, — но слишком не надейся. Он укрывает от человеческого зрения, но собаки видят иначе, как и все звери, рыбы и насекомые... Про электронное наблюдение вообще молчу... Кстати, память Макрона, как вижу, проснулась?

— Кое-что всплывает, — шепнул Михаил. — Странно, только сейчас.

Азазель подумал, предположил:

— А это не работа Кезима?

— А он каким боком, — начал Михаил и осекся. — А в самом деле... Кезима я чувствовал всегда... а сейчас он мог разбудить и память Макрона... Даже не знаю...

— Это же прекрасно, — заверил Азазель с оптимизмом. — Знание сила, наше знамя и оружие!.. Больше знаешь — хуже спиши!.. Хуже спиши — больше работаешь!.. Правда, работаешь плохо, но кого это волнует, кроме заказчика?.. Та-а-ак, все умолкаем. Дальше опасная зона.

Он остановился, вслушиваясь и всматриваясь в палатки и мелькающих между ними людей. Почти все с оружием, хотя у большинства за спинами, в лагере по-восточному неспешная расслабленность, уже полдень, жарко, из опасения теплового удара уползают в тень, жизнь до вечера замирает, только четверо часовых на противоположных концах лагеря не спят, но и они особо не усердствуют, здесь территория их племени, клана и боевой группы, никто из чужаков не смеет подойти и близко.

Азазель напомнил шепотом:

- Придется пользоваться всеми ресурсами, если понимаешь, о чем умно так говорю.
- Да что тут не понять, — буркнул Михаил. — Спасибо, капитан Очевидность.

— Тогда пленных не брать, — сказал Азазель еще об одной очевидности, — и живых не оставлять. Женщин и детей здесь нет, так что разбудись, Макрон! Никто не должен видеть, как двоим удалось зачистить всю базу. Точнее, увидеть могут, но рассказать уже не должны.

— Зачистим, — пообещал Михаил. — И все так просто?

Азазель невесело скривил губы.

— К сложным случаям перейдем позже. Сперва обкатаем тебя вот на таких упрощенных моделях.

— С Кезимом тоже было просто?

— По крайней мере, — уточнил Азазель, — прямо-линейно... Помни, входим без шума! Не знаю, да и ты сам еще не знаешь, что можешь теперь... потому действуй на минимуме.

— На каком?

— Не дай себя убить, — пояснил Азазель. — Вообще здесь я и сам могу без сопливых...

— Но-но!

— Но и тебе можно поучаствовать, — закончил Азазель. — Главное — не оставляй свидетелей. Тайные

операции потому и тайные, понял?.. Иначе спецназ всех стран мира уже болтался бы на виселицах!

— Да понял, понял...

— Прикрывать меня не надо, — предупредил Азазель. — Мы не копы, работающие в паре!.. Я тебя тоже не прикрываю, понял?..

— Понял, — повторил Михаил. — Справлюсь.

— Не будь слишком уверен, — напомнил Азазель. — Сейчас ты чуточку... а то и не чуточку опьянен возможностями, но и ты моментально умрешь, получив пулю в лоб. Или в затылок. Разве что в сердце саданут, тогда что-то успеешь, если не разчерепахничаешься...

— Запомнил, — сказал Михаил с сердцем. — Пойдем?

— Нас не видят, — напомнил Азазель, — но могут услыхать или унюхать. К счастью, здесь везде камни, никаких следов на песке для детективов, но все равно не сдвинь и песчинку!.. Народ здесь чуткий. Как вот я почти, хоть и не все из них омархайямы.

Михаил помалкивал, руины башни приближаются, слышен даже говор боевиков, от двух костров поднимаются сизые дымки и сразу рассеиваются в сухом прохладном воздухе, от одной из палаток тянутся тягучие ароматы жареной барабанины.

Пригибаясь, они прошли мимо первого поста, Азазель знаками указал Михаилу на дальнюю дверь, там характерная надстройка, такие ставят над идущими глубоко вниз подвальными складами.

Сам он красивым перекатом оказался на той стороне каменного барьера высотой в половину человеческого роста, а дальше исчез из поля зрения.

Михаил тоже прыгнул, пусть увидит их оставленный далеко Гаспар, а дальше оба окажутся вне поля его зрения. Азазель все учел, даже Михаилу его не видно, двигается с учетом своих возможностей предельно скрытно, пришлось наддуть, пронесясь вдоль стены, держась

глубокой тени, но впереди сухо щелкнул первый выстрел, слишком громкий для натянутых нервов, тут же еще два, а дальше застричил автомат.

Судя по стрельбе, автомат бьет сверху. Михаил быстро поймал взглядом приподнявшегося над краем разрушенной башни человека и выстрелил дважды. Стрелок выронил оружие, Михаил метнулся в сторону входа в подземелье.

У самой двери два трупа в лужах крови. Выстрелы звучат левее, частые и торопливые, а в ответ только одиночные из пистолета, Азазель торопливо зачищает пространство, чтобы никто не ударил в спину.

Сверху застричил крупнокалиберный пулемет. Пули с визгом ударили в камень над головой, откалывая крупные куски. Михаил попытался быстро сообразить, как бы поступил Азазель, но сразу ничего в голову не пришло, тогда вытащил из рюкзака уже заряженный гранатомет и, приподнявшись на мгновение, выстрелил.

Ракета вырвалась из трубы с грозным шипением, помчалась, оставляя огненный хвост, Михаил чувствовал, что вот сейчас ухватил ее и сам направляет, надо чуть левее, а теперь зигзаг...

Глава 11

За барьером, где прячется пулеметчик, громыхнуло, во все стороны разлетелись глыбы камня, словно взорвался склад боеприпасов. Мелькнули в воздухе оторванные части тела, что значит, пулеметчик прятался за каменным выступом не один.

Азазель, как он успел заметить, избегает красочных схваток врукопашную, когда долго бьют один другому морды, бросают о стены, наносят зверские удары руками и ногами, применяют удушающие захваты. Просто быстро и точно стреляет, всегда успевая нажать на спуск

первым, снова кивнул с самым раздраженным видом Михаилу в сторону двери в подземелье.

— Да понял я, — буркнул Михаил, — понял...

Он выдернул чеку из гранаты, выждал, чуть швырнулся по дуге в зияющий зев, откуда выпрыгивают быстрые поджарые боевики и с ходу начинают строчить из автоматов.

Через пару секунд донесся звук глухого взрыва. Михаил бросил еще одну, тут же сам ринулся ко входу. Граната взорвалась за мгновение до того, как он сбежал по лестнице, осколки с визгом ударили в стену всего на расстоянии протянутой руки.

Перепрыгнув через два трупа, он с пистолетами в обеих руках сбежал дальше по длинной лестнице, а там ринулся по широкому низкому коридору со всех ног, спешно стреляя, стреляя и стреляя.

Внизу, как он понял, весь отряд, а наверху только патрульная группа, и хотя у него семнадцатизарядные «Геко-217», но запасные обоймы понадобятся, еще как понадобятся...

В конце коридора еще дверь, запыленная, грязная, словно тоже с тех же времен, если бы не клеймо Jura, вряд ли это крестоносцы установили ее с бронированными вставками.

Сердце колотится так, что в ушах звон, побежал и рванул на себя за ручку. Дверь даже не скрипнула, а завизжала, сердце едва не лопнуло от неожиданности.

Из темноты простучала и оборвалась автоматная очередь. Дверь с лязгом захлопнулась за спиной, Михаил с трепещущей душой понесся по ступенькам вниз, из стен торчат запыленные и покрытые паутиной лампочки, как только не перегорели в такой грязи, но глаза моментально приспособились к полу-мраку, а дальше лестница уперлась в широкий тоннель.

Справа и слева послышались быстрые шаги, Михаил торопливо отступил на два шага, присел и, держа пистолеты в вытянутых руках, изготовился стрелять как можно быстрее.

Похоже, те, что спешили к лестнице справа и слева, обменивались знаками, потому что сразу два человека с автоматами в руках возникли с обеих сторон.

Михаил с силой надавил на скобы, и тут же над головой просвистели пули, высекая за его спиной каменные крошки из ступеней лестницы. Двое, сраженные его выстрелами, выронили автоматы.

Не дожидаясь, когда вяло опустятся на пол, перепрыгнул через их уже неживые тела, уловив по движению воздуха, что слева в тоннеле ничего опасного, а с правой стороны по коридору мощно прет животное тепло, как от скопления большого количества людей или зверей.

Подвал настоящий средневековый: каменные стены, низкий свод, никаких толстых труб вдоль по бокам, даже пахнет временами Саладина.

Он бежал, прислушиваясь ко всем шорохам, на том конце короткого туннеля каменные ступеньки повели еще глубже, где еще сводчатый коридор, мрачный и почти сырой, это в сердце Аравийской пустыни, даже непривычно как-то...

Быстрые шаги бегущих снизу людей он расслышал задолго, всего троє, судя по шагам и запахам, мог бы даже, сосредоточившись, восстановить по колебанию воздуха их лица, потому вдохнул быстро и, задержав дыхание, высунул кисть руки с зажатой в ладони рукоятью пистолета.

Шаги оборвались сразу после его трех выстрелов, послышался шум от падения тел. Он выскочил, все еще настороженный, все троє получили пули в головы, но третий пытается встать, лицо в крови, однако сумел поднять автомат и повернуть в сторону чужака.

Михаил выстрелил и, перепрыгнув через тело, ринулся вниз по ступенькам, а дальше по широкому коридору пронесся, как конь, вслушиваясь и внюхиваясь во все звуки и запахи.

Он издали увидел толстую дубовую дверь с огромным металлическим засовом, напряг слух до предела и почти сразу услышал с той стороны очень тихие голоса:

- Что-то хлопнуло вверху?
- Показалось, — ответил другой. — Размечтался...
- А что, вдруг передрались?
- А последний убился о стену?
- Вот-вот, чего в нашей жизни не бывает?

Бадрутдин, мелькнуло в голове Михаила. Его уверенный и чуть хрипловатый голос. С ним однажды плечом к плечу вели бой на перевале, удерживая целый отряд боевиков. Помощь подоспела, когда кончились патроны и готовились драться десантными ножами. А еще вместе прошли от и до рискованную операцию по доставке оружия боевикам в Саудовскую Аравию...

Дико и несвоевременно из нагрудного кармана раздался тихий голос Азазеля из включенного смартфона:

- Наверху зачищено. Как у тебя?
- Заканчиваю, — сообщил Михаил.
- Спуститься к тебе?
- Охраняй выход, — попросил Михаил. — Справлюсь.
- Хорошо, выводи. Подстрахую.
- Отбой, — шепнул Михаил, впереди ощутил заставившихся людей с оружием, не стоит, чтобы Азазель встревожился, снова услышав стрельбу.

Он ринулся по коридору, взвинченный и с пистолетами в руках наготове. Сбоку к двери, из-за которой он услышал голоса, выбежал боевик с автоматом в руках. Михаил выстрелил и, не дожидаясь, пока тот распластанется на полу, перепрыгнул и с разбегу ударился в дверь.

Она разлетелась в щепки, в глубине каменного мешка двое заключенных со связанными за спиной руками испуганно дернулись.

Один вскрикнул неверяще:

— Макрон?

— Привет, Бадри, — сказал Михаил. — А это... нежужели Сархан? Ого, какую бородищу отрастил! Под фундаменталиста косиши?.. Ладно, давайте выбираться. Идти сможете?

— Я смогу, — сказал Бадрутдин, — а Сархан попрыгает на одной, как дрессированный гусь.

— Сам ты гусь, — огрызнулся Сархан.

— Некогда прыгать, — ответил Михаил. — Мало ли что тебе хочется. Переходитесь! Лезь на спину!.. Ах да, дай уберу веревку...

Бадрутдин спросил быстро:

— А как... охрана?

— Передрались, — объяснил Михаил. — А последний, как у них и водится, убился о стену. Сархан!

Сархан, даже не разминая затекших рук, беспрекословно выполнил приказ командира, повис на его спине, держась за плечи и стараясь не давить на горло, обхватил ногами, а Михаил метнулся обратно, почти не чувствуя добавочного веса.

Бадрутдин мчится следом, Михаил ощущил, что не только слышит его по топоту, но и как-то видит, то ли в отраженном эхе, то ли по запахам.

По дороге с разбега перепрыгивал распластанные тела, Сархан на спине испуганно-восторженно вскрикивает над ухом, зато Бадрутдин поскользывался в крови и ругался, но тоже ликующе-восторженным голосом.

Когда он на миг оказался в поле зрения, Михаил увидел в его руках по автомату.

— Не вздумай стрелять, — крикнул он. — Здесь я не один, с напарником!

Бадрутдин охнул:

— Ты спустился в подземелья всего с одним?

— Да, — ответил Михаил, — а то одному скучно, за-
снуть можно. Я же знал, что все поубиваются!

Бадрутдин хохотнул, принимая право командира на
шутку после такой блистательной операции.

Наверх дорога показалась короче, только Бадрутдин
стал задыхаться, Михаил слышал и почти видел, как его
раскачивает на бегу так, что задевает стены, а отставать
начал все больше.

Далеко вверху в проеме распахнутой двери блесну-
ло пронзительно синее небо, а когда взбежал выше, на
лицо упали лучи жаркого и слепящего солнца.

С Сарханом на спине легко пронесся, прыгая через
ступеньку, за спиной слышались отстающие шаги за-
пыхавшегося Бадрутдина, Михаил слышал, как он про-
кричал им вдогонку:

— Бегите, бегите!.. Я до... го... ню...

Азазель уже ждет наверху, обернулся на вынырнув-
шего Михаила, в одной руке пистолет, в другой автомат,
а за спиной плотно прижатый ремнями рюкзак с грана-
тометом и снарядами.

— Всего один?

— Второй догоняет своим ходом, — сообщил Ми-
хаил, Сархан попытался слезть, Азазель сказал весе-
ло: — Сиди, хоть ты поездишь на нем. Мне вот никак
не удается, у него норов, как у жеребца Александра Ма-
кедонского.

Сархан ответил задыхающимся голосом, словно это
он бежал всю дорогу:

— Да он и похож на Буцефала... Прет, как бешеный
слон...

Михаил сказал быстро:

— Как будем выбираться?.. Я видел автомобили...

Азазель кивнул:

— Я велел Гаспару отобрать автомобильчик получше и подогнать поближе. Обожаю внедорожники. Все к нему, да побыстрее!

— Погоди, — попросил Михаил. — Сейчас подбежит Бадри.

— Ранен?

— Нет, — ответил Михаил виновато, — я бежал слишком быстро.

Над ухом хрюкнул Сархан:

— Слишком быстро? Да ты летел, как бронебойный снаряд!

— Я потороплю твоего соратника, — сказал Азазель.

Михаил понесся к автомобилю, у Азазеля своеобразное чувство юмора, «автомобильчик что получше» оказался старым потрепанным пикапчиком, а на стоянке остались всего лишь шикарные «Мерседесы» и «Вольво».

Из пикапчика выскочил и бросился с распростертыми объятиями Гаспар, но по взмаху руки Михаила снова послушно прыгнул за руль. Сархан с плеч Михаила полез сразу через борт.

Михаил оглянулся как раз в момент, когда из подвала не выбежал, а выпрыгнул Азазель, в охапке ошелевший Бадрутдин, что так и не расстался с двумя трофейными автоматами, стремительно домчался до пикапа и свалил спасенного в кузов.

— Все готовы? — крикнул он. — Чего стоишь? Гони!

Гаспар послушно вдавил педаль газа до упора, даже не спросил, почему гнать, остается он, что ли, однако Азазель уже быстрым прыжком метнулся через задний борт в кузов.

Сархан и Бадрутдин смотрели на него круглыми глазами, а он сказал бодро:

— Куда мне до Макрона, сами знаете.

— Макрон, — сказал Сархан уважительно, — всегда Макрон. Здоровый, как дракон пустыни.

Автомобиль понесся прочь, Азазель снял с плеч и опустил рюкзак под ноги, расстегнул, чтобы оба спасенных увидели портативный гранатомет и пару продолговатых снарядов.

Когда отъехали метров на пятьсот, за спиной гулко грохнуло. В небо взвился столб багрового огня, а следом повалил черный удущливый дым.

— С детства любил поджигать, — признался Азазель и скорбно вздохнул. — За что влетало... Зато сейчас какая жизнь, а?.. Жги, взрывай, круши... еще и спасибо скажут!

Бадрутдин с трудом отыкался, но первым, повернувшись головой по сторонам, спросил хриплым голосом Сархан:

— Вы с Макроном что, одни?

Азазель сказал авторитетно:

— Группа поддержки не показывается. Они свою часть операции закончили, дальше работали мы.

— Профессионально, — согласился Бадрутдин. — Но в той стороне дороги группа Агилай-хана... Это такая умелая сволочь, что если наткнемся... Да ты сам знаешь.

— Этому Агилай-хану лучше, — сказал Михаил, — если не наткнемся.

Он мучительно старался вспомнить хоть что-то еще об этом Агилай-хане, но ничего, кроме имени и какого-то боя на перевале, где то ли сражались рядом, то ли друг против друга, в памяти широкая прореха, а что было дальше и почему сейчас нужно быть противниками, вообще нет понятия.

Азазель, не поворачивая головы, бросил:

— Похоже, впереди в самом деле форпост.

Бадрутдин спросил быстро:

— Откуда знаешь?

Азазель молча показал ему смартфон с увеличенным снимком со спутника.

— Ого, — сказал Бадрутдин с уважением. — У вас есть доступ к таким картам?

Азазель кивнул в сторону Михаила.

— У Макрона все есть.

— Да, — согласился Бадрутдин. — Макрон и раньше был легендой, а сейчас вообще, все с такой легкостью, даже не запыхался.

Азазель буркнулся:

— Опыт не пропьешь, он только растет, как счет в банке.

Далеко впереди на краю дороги показался форпост из мешков с песком, выложенных кольцом, а дорогу в узком месте перегородили два тяжелых грузовика.

Азазель вздохнул, вытащил из рюкзака гранатомет и опустил трубу на плечо.

— Не достанешь, — сказал Сархан с предостережением. — Надо другой путь.

— Зачем?

— Пулемет бьет дальше, — напомнил он. — Пока подъедем, нас изрешетят.

— У нас новые модификации, — сказал Азазель скромно и указал взглядом на Михаила. — Вот он досстал через свои связи. Оружейный барон!

Не договорил, нажал на скобу. Чуть откачнуло, из широкой трубы выметнулся огненный снаряд и понесся, оставляя багровый след, в сторону грузовиков.

Все с напряжением затихли, Михаил видел, как подсознательно ждут, что снаряд упадет на полдороге к цели, однако тот продолжает чертить огненную прямую...

Ударил в кузов левого грузовика, моментально взметнулось пламя. Во все стороны взлетели обломки автомобиля, на фоне красного огня мелькнули черные колеса и тела боевиков.

Глава 12

Пламя стремительно разрасталось, словно в грузовике оказалась цистерна бензина. Через пару секунд докатился грохот взрыва, второй автомобиль взрывной волной сбросило с дороги, вспыхнул, словно весь из пропитанной бензином бумаги.

Сквозь стену пламени видно корчащихся в огне людей, что вскачивали, метались, падали и продолжали биться в агонии.

— Дорога свободна, — сообщил Азазель и зевнул. — Скучно живете.

Сархан вскрикнул воспламененно:

— Что у тебя за лаунчер?.. Макрон, это же мощь...

— Да почти обычный, — ответил Азазель мирно. — Это не сам лаунчер, а снаряды особо точные и особо мощные. Новейшие технологии, слыхал о таких?.. Пикотехнологии. Или фемто, я не силен в науке. А ты думал, все умы в медицине работают? Ха-ха, тогда были бы уже красивыми и бессмертными!

Михаил сказал с иронией:

— Да и кому интересно быть вечно молодыми и бессмертными? Вот убитыми интереснее...

Азазель опустил лаунчер под ноги, в ладони появилась рукоять пистолета. Гаспар продолжал послушно гнать автомобиль на той же скорости. На дороге почти чисто, один автомобиль полыхает по ту сторону обочины, от второго в поле зрения только два горящих колеса, покореженный остов кабины, отлетевший на три десятка шагов, и разорванное страшным взрывом шасси.

Бадрутдин передал один из автоматов Сархану, оба метнулись к бортам и палили длинными очередями в разные стороны, Азазель выстрелил трижды, хотя, на взгляд Михаила, особой нужды не было, охваченные огнем люди вряд ли ухватятся за оружие.

Когда проскочили, оставив позади победное зрелище, Бадрутдин взглянул на Михаила пытливо, помялся, наконец спросил тихонько:

— А ты как сейчас?.. Говорят... отстранился? То ли ранен был сильно, то ли еще чего-то...

Пока Михаил думал, что ответить, чтобы не соврать, очень уж неприятно говорить неправду, внутри как будто тяжелые жернова начинают двигаться и тут же заклинивают, Азазель сказал таинственным голосом:

— Вот-вот, ты сказал очень точно!.. Как в воду смотрел. Именно чего-то, очень емко сказано.

Бадрутдин взглянул с сомнением.

— Правда?

Азазель сказал торжественно:

— Он пошел наверх! Но не на виселицу, как ты сразу подумал, я же вижу, а в планирование и руководство... Закономерный итог роста, а как иначе?.. Сперва сам бегаешь, высунув язык, строчишь из автомата, потом других посылаешь и планируешь так, чтобы все выполнили и вернулись живыми... Чтобы снова можно было уж послать, так послать...

Бадрутдин хмыкнул, на Михаила покосился с уважением, признавая в нем не просто старшего, а очень старшего.

Сархан сказал, держась за крышу кабины:

— Макрон бессмертен, как он еще тогда заявил!

— Доблесть бессмертна, — согласился Михаил. —

Пока есть на свете мы, мужчины.

— А мне, — сказал Азазель, — все равно, победишь врага доблестью или хитрой подножкой.

— Без борьбы, — сказал Бадрутдин, — какая доблесть? Она всегда жаждет опасности. Макрон?

Михаил покачал головой.

— Доблесть имеет много ступеней. Победа зависит от доблести соратников, потому так дорожу вами.

Оставшуюся часть дороги распоряжался Азазель, сообщив Бадрутдину и Сархану, что операцию проводит хирург, а зашивает рану медсестра, так вот он и есть эта медсестра, а доблестный Макрон пока подремлет и подумает в тишине и покое о высоком и вечном.

Вообще-то до города с аэропортом не близко, в зашивание раны вошла как сама гонка, так и сбивание еще двух форпостов, уничтожение четырех автомобилей с боевиками, посланными в погоню, Азазель уже рассуждал вслух, что неплохо бы захватить хотя бы полицейский, а лучше военный вертолет, на нем бы по прямой, но Бадрутдин и Сархан в ужасе убедили отказаться от такой безумной затеи, Азазель для вида покочевряжился, ясно показывая, что именно кочевряжится, а так и сам понимает рискованность такого трюка.

Через несколько часов впереди показался город, Гаспар теперь на заднем сиденье с Бадрутдиным и Сарханом, а за рулем шикарного «Мерседеса», что здесь на богатом нефтью Востоке самая заурядная вещь, похочтывает и рассказывает анекдоты Азазель, Михаил сидит рядом тихий и настороженный, все еще думает о высоком и вечном, даже глаза прикрыл, хотя сердце стучит, понимая, что сейчас въедут в большой город, где нет больше банды боевиков, зато власти, полиция, правительственные войска...

Азазель вытащил из кармана смартфон, на экране уже выступил набор цифр без фото и каких-либо надписей.

— Гаспар с нами, — сказал он коротко. — Ваш самолет прибудет в аэропорт через семь минут... Время на выход, досмотр багажа... В общем, ждем вас на автостоянке.

Чуткий слух Михаила уловил из смартфона настороженный голос:

— Кто говорит?..

Михаил сказал громко:

— Это мой шофер. Я рядом.

Он услышал со стороны смартфона радостный вздох и тихий шепот:

— Уже на месте?.. Спешим.

Азазель сунул смарт в карман и подмигнул Михаилу.

— Их ждет сюрприз.

Автомобиль Азазель приткнул на стоянке в уголочке, откуда хороший обзор, но видеокамерам аэропорта не разглядеть на таком расстоянии лица и номера, выждали несколько минут, наконец Михаил сделал вид, что выходит из состояния высокой государственной задумчивости, зевнул, чуть потянулся.

— Шеф, — сказал Азазель почтительно, — прикажете встретить?

— Я сам, — сообщил Михаил. — Отдыхайте.

Он неспешно вышел, повел плечами, разминая затекшее тело, что никогда теперь не затекает, улыбнулся тревожным лицам за стеклами автомобиля.

Мысль, что никак не может вспомнить имя звонившего, медленно отступила под натиском другой, что говорить и как держаться, потом решил просто скопировать манеру Азазеля, пусть это выглядит безалаберно и несерьезно, но Азазель с нею прожил среди людей шесть тысяч лет, а это уже веский довод...

У входа в здание девушки в одеждах местной авиакомпании раздают цветные буклеты, он не стал приближаться, издали наблюдал, как начали выходить прибывшие пассажиры. Кто-то уже со встречающей родней и друзьями, кто-то с чемоданчиком сразу направляется к стоянке автомобилей, других расхватывают таксисты убера.

Он выхватил из толпы жесткое лицо немолодого мужчины, которого видел на экране смартфона, еще больше исходил за эти часы, рядом с ним человек ни-

чем не примечательной наружности, слишком непримечательной, только очень опытный взгляд может разглядеть под нарочито мешковатой одеждой тугие и явно достаточно массивные мускулы.

Михаил сделал шаг навстречу, ноздри вычленили запах и то нечто особое, что отличает одних людей от других, в мозгу сразу всплыли и промелькнули с огромной скоростью яркие цветные картинки, а тело вспомнило и снег, и ветер, и звезды ночной полет.

Мужчина словно бы вздрогнул, глаза его расширились, быстро шагнул навстречу Михаилу.

— Макрон...

— Константин, — ответил Михаил. — А это с тобой кто?

— Вольфганг, — сказал Константин. — Он... координирует некоторые хозяйствственные вопросы. Как ты успел раньше нас?

— Земля круглая, — сообщил Михаил. — Кто бы подумал?.. Я забежал с другой стороны, та дорога оказалась короче.

Оба вежливо улыбнулись, Константин спросил быстро:

— Какие-то планы есть?

— Нет, — ответил Михаил. — Только вернуться, выпить кофе и посмотреть умные книги... Пойдемте на стоянку. Бадри и Сархан там. У Сархана что-то с ногой, но ничего серьезного. Подвернулся или вывихнулся.

Их лица, что было помрачнели, разом словно осветились изнутри, по крайней мере глаза расширились, в них вспыхнул свет.

— Макрон?

— Да-да, — ответил Михаил. — Они ждут. Им бы помыться, а то весь салон завоняли. Гамбургеры по дороге купили, а с остальными ваши проблемы...

Оба смотрели одинаковыми глазами, Константин наконец спохватился:

— Да-да, пойдем быстрее... Но ты серьезно?.. Когда же вы успели? Мы только что прибыли!

Михаил отмахнулся.

— На тихоходном пассажирском? Вы бы еще на паруснике.

Константин покрутил головой в изумлении.

— Макрон, ты всегда... Макрон. Просто не могу поверить...

Его спутник помалкивал, Михаил постоянно ловил на себе его изучающий взгляд.

Бадрутдин и Сархан их увидели из машины, улыбались сквозь стекла, но двери открывать не стали, пока вся троица не подошла вплотную.

Константин обнял Бадрутдина, похлопал по плечу Сархана, спросил с беспокойством:

— Вам ничего не отшибли?

— Еще не успели, — ответил Сархан. — Пару раз по морде не в счет... На гражданке и то чаще.

Константин повернулся к Михаилу.

— Макрон, я даже не знаю, как и благодарить...

Бадрутдин сказал с восторгом:

— Вы не видели, как он дубовую дверь нашей камеры вышиб! Я думал, снарядом, а это он лбом, а потом ворвался, злой и горячий, как сам самум!.. Поверишь, когда из тюрьмы выбегали, в коридорах не видел сухого места! Кровь стекала не только со стен, с потолка капала!.. Думаю, эти двое там целую роту искroшили!

Азазель тоже вышел, слушал, улыбаясь, запротестовал весело:

— Мы не вдвоем, если совсем уж честно. Всю внешнюю охрану сняла группа поддержки. А также дураков, что выскоцили наружу посмотреть... а вот внутри да, уже мы вдвоем красиво и быстро.

Константин сказал с чувством:

— Макрон и вы, дорогой друг! Даже не знаем, как вас благодарить. За эту операцию вам не заплатят, это же просто наш долг выручать один другого. Но теперь мы у вас в долгу. Боюсь, неоплатном.

— Кто знает, — уточнил его дотоле молчавший спутник, — вдруг нам повезет, и ваш Макрон тоже где-то попадется?.. Ха-ха!

— Типун вам на язык, — ответил Михаил вежливо.

— Сочтемся, — ответил Азазель со всей его беспечностью и, хохотнув, добавил: — в аду угольками. Кстати, на этих ребят паспорта есть?

— Готовят, — заверил Константин, — не беспокойтесь, у нас тут хорошая тайная квартира. Сутки переждем, а потом с новыми бумагами уберемся из страны.

Он и его спутник пожали Михаилу и Азазелю руки, влезли в машину, а Михаил, не дожидаясь, когда развернутся и выедут на дорогу, толкнул Азазеля.

— Мы закончили, как полагаю.

— Пусть едут, — ответил Азазель тихо. — Вон тот автомобиль у стены видишь?

— Понял.

Как только Азазель отключил сигнализацию и оба влезли в салон на заднее сиденье, Азазель спросил тихо:

— Готов?

Михаил нервно вздохнул, сказал с тревогой:

— Уже прыгал, но все равно страшно!..

— Да, — согласился Азазель, — это не в бестелесности шмыгать, сейчас одна жопа чего весит... Давай первым, а то вдруг забоишься...

Михаил задержал дыхание, собрался и с усилием ломанулся сквозь пространство, буквально чувствуя, как на тысячи миль размазывается его материальное тело, когда часть уже достигла чуланчика в квартире Азазеля, часть еще здесь, на жарком солнце, а сам он растянут, как тугая резинка...

Выдохнул, упершись лбом в дверь, торопливо отодвинул задвижку и вышел, и почти сразу следом появился Азазель. Руки пустые, рюкзак то ли оставил там, то ли сжег вместе со всем содержимым.

— Отрабатывай быстрее, — напомнил он.

— Куда уж быстрее?

Азазель сказал голосом строгого наставника:

— Нужно успевать исчезнуть в момент, когда лезвие меча уже касается твоей шеи!..

— Куда мне до тебя, — ответил Михаил и уставился на блестящую никелированную платформу, что выехала со стороны кухни. — А это...

— Приветствую вас, сагиб, — сказала платформа звонким голоском Сири. — Что приготовить?

Азазель на мгновение с изумлением уставился на это чудо, где на платформе такой же блестящий хромом цилиндр, из него короткий штырь, а сверху шар размечом с кулак. Из цилиндра торчат четыре манипулятора, везде блестящий металл, даже колесики сверкают, как начищенные, только на уровне пояса что-то розовое на цилиндре, похожее на приоткрывшую створки устрицу, а так в остальном все понятно, это и есть та вещь, которую выпрашивала Сири.

— Ага, — сказал Азазель, — уже успела, даже меня не дождалась?.. Ладно-ладно, не оправдывайся!.. Поздравляю...

Она подкатила к нему и нежно обняла манипуляторами за шею.

— Спасибо, дорогой!

Голос ее звучал нежно и проникновенно.

— На здоровье, — ответил он с чувством. — Ты хороша... эх, зря я не раскошелился на bipedную модель, их только что выпустили в экспериментальной серии.

— Сагиб?

Он отмахнулся.

— Да знаю, что дорого, но что не сделаешь для своего удобства? Вон для Мишки элитную эскортницу арендовали, а у меня ты, моя умница.

Она завизжала счастливым тоненьким голоском:

— Сагиб, это же чудо!.. Если вы не шутите... или шутите?

— Не шучу, — заверил он. — Ты мне уже нравишься, но в bipedности будешь еще краше, гибче и нагибаться сможешь... я имею в виду, цветочки собирать. Только гироскоп нужно будет заказать помощнее, чтоб голова не качалась.

Михаил не понимал, о какой bipedности речь, сходил в туалет, помыл руки, хоть так и не понял смысла этого ритуала, видимо, что-то религиозное, а когда вышел, сразу направился на кухню.

Азазель крикнул вслед:

— Ты уже совсем современный, Мишка!.. Телевизор даже не врубаешь, а с порога, как бывший гомо сапиенс, сразу за обеденный стол и за пиво.

Михаил огляделся по сторонам.

— А где пиво?

— А вот пива у нас не водится, — злорадно и в то же время с печалью сказал Азазель. — Хотя пиво люблю, но жизнь такая, ни на минуту не расслабиться, тут же попользуют. Потому у меня рулят стимуляторы и вообще любые подстегиватели. Среди людей спать нельзя, тут же сожрут.

Глава 13

Азазелю часто звонили, он обычно отвечал некими кодовыми словами, а то и вовсе номерами, редко-редко снисходил до развернутых разговоров, в которых Михаил все равно ничего не понимал, в таких беседах слова значат одно, а смысл спрятан намного глубже, но за десер-

том, отвечая на звонок, насторожился, брови чуть приподнялись, а устремленный на стол взгляд стал острым.

— Хорошо, — ответил он наконец. — Посмотрю, что смогу.

Он сунул смарт в нагрудный карман, Михаил молчал, Азазель доел пирог и поднялся.

— Я ненадолго, — сообщил он.

— Помощь нужна? — спросил Михаил.

— Пустяки, — заверил Азазель. — Даже упоминать не стоит.

— Снова секреты? — сказал Михаил.

— Все скажу, — заверил Азазель. — Потом. Чуть позже или попозже. Потерпи. Идет подготовка к некой тайной операции, такой тайной, что аж жутъ!.. Нам же только тайны подавай, без тайн что за жизнь?.. Так, существование.

— Свинья, — сказал Михаил. — Козел хермонский.

— Пока потренируйся, — напомнил Азазель. — Побучайся, поупражняйся. Ты элементаль, а не элементалишь!.. Я бы обязательно разэлементалился так, что все элементы передо мной строем бы взад-вперед, а еще и честь отдавали при каждом шаге. А ты даже кофе покупаешь!

Михаил пожал плечами.

— Я пока возьму твой авто, не против?

Азазель сделал широкий жест.

— Твои права в бардачке, коньяк и сигары помнишь где, только пристегиваться не забывай.

— Не забуду, — буркнул Михаил с заметным разочарованием, все-таки был шанс, что Азазель пригласит поучаствовать. — А машину не поцарапаю и не стукну, не бойся. Я же вижу, как уже затрясся при одной только мысли!

— Мысли у меня яркие, — согласился Азазель. — Почему я не стал художником?

Он исчез прямо от стола, а Михаил некоторое время сидел в одиночестве, двигая чашку на столе, переворачивая вверх дном в воздухе и заставляя так висеть даже в те моменты, когда отводил взгляд. Попытался приподнять кресло, но даже не сдвинулось с места, хотя Азазель уверяет, что может поднять даже гору, но для этого нужно что-то нащупать в себе или поймать, а то он в самом деле на эту чашку тратит столько силы, будто передвигает целый город.

Когда устал и почти истощился, в голову пришла здравая идея, в самом деле сесть в автомобиль и прокатиться по городу, привыкая к быстро меняющейся жизни людей, которых обязан защищать изначально, но с огромным запозданием приступил к этому делу только теперь.

Автомобиль вынес его из подземного гаража в яркий солнечный свет, день смотрится праздничным, хотя вообще-то обычный, люди красивые и нарядные, мир чист и прекрасен, впереди высотные здания, достигшие вершин облаков, современные вавилонские башни, но против них Господь почему-то ничего не имеет. Неисповедимы его пути, и тайной скрыты помыслы. И не потому, что таит, просто понять их человеку сложнее, чем бактерии — человека...

Некоторое время он колесил по улицам, стараясь полностью войти в этот ритм и сбросить страшное напряжение, когда просчитываешь судорожно каждый шагок и каждое слово. Люди вполне автоматически реагируют на запрещающие или разрешающие знаки светофора, указатели, предупреждающие надписи и пиктограммы, у водителя подошвы как будто сами по себе касаются педалей газа и тормоза, любой за рулем еще и поглядывает по сторонам, разговаривает по связи, замечает рекламы на домах и красивых женщин на тротуаре, а вот он все еще держит все под контролем, не

позволяя себе ни взгляд в сторону, ни даже иную мимику, чем позволено сосредоточенному на предстоящей работе в офисе.

Через пару часов прижал автомобиль к обочине, чувствуя, как то ли от нервного напряжения, то ли еще почему его организм возжелал сожрать что-то вроде большого гамбургера или чизбургера, а если этого ему не дать, то он в отместку начнет капризничать, требовать и портить настроение.

Рука то и дело дергалась к смарту, где указан всего один номер, стоит его нажать, как появится смеющееся лицо Синильды, но огромным усилием воли, борясь с собой, останавливался и переводил мысли на что-то другое.

В кафе с вынесенными на тротуар столиками предложили еще и горячий кофе в стаканчиках, он расплатился карточкой, очень довольный, что сумел, хотя заметил по взгляду молоденькой продавщицы, что та узнала новичка по его не совсем уверененным движениям, но ничего страшного, технологии чуть ли не каждый день новые, только мальчишки хватают с лету, а солидные люди во всем солидные.

С большим пластиковым стаканом в одной руке и гамбургером в другой он повернулся к автомобилю и увидел еще издали, как там остановились двое мужчин, один наклонился и заглянул в окошко.

Михаил с ходу потребовал:

— Какого хрена вы здесь делаете?

Первый мужчина выпрямился, крепкий и жилистый, взглянул с холодным безразличием.

— А вам какое дело?

— Потому что это мой автомобиль, — отрезал Михаил. — Что вы надеетесь в нем увидеть?

Мужчина посмотрел уже с подозрением.

— И давно господин Азазель продал вам эту машину?

Михаил отрезал:

— Он не продавал, я по доверенности!..

— Что, — поинтересовался мужчина с некой странной ноткой в голосе, — он вам настолько доверяет?

— В достаточной мере, — отрезал Михаил. — Так что топайте прочь, а то полицию вызову!

— Да хоть милицию, — ответил мужчина. — Я сам из органов. А где господин Азазель? Он не отвечает на звонки.

Михаил пожал плечами.

— Звоните еще. Воспользуйтесь Скайпом, Вайбэром, мессенджером или чем угодно!

— Сигнал не доходит, — ответил мужчина и взглянул на него испытующе. — Вы его приятель?

— Коллега, — ответил Михаил с холодком.

Тот продолжал рассматривать его пытливо, второй чуть отступил, показывая, что он просто оказался рядом.

— Коллега, — повторил мужчина с сомнением, — господин Азазель обычно помалкивает о коллегах. Вообще впечатление, что он всегда один...

— Не всегда, — отрезал Михаил.

— Тогда, — проговорил мужчина с некоторым сомнением, но в то же время с надеждой, — если вы его коллега... может быть, в состоянии помочь?

— В чем? — поинтересовался Михаил.

— В одном деле, — ответил мужчина. — Позвольте представиться, капитан Бойченко, отдел особо тяжких. Хотя вообще-то там не только тяжкие, не пугайтесь, но чаще просто... нестандартные.

Он умолк и смотрел в упор. Михаил ощущал недосказанное, тоже посмотрел внимательно и изучающе.

— И что... Азазель помогал вам?

— Да, — ответил капитан. — Сейчас как раз тот случай, но господин Азазель недоступен, такое с ним быва-

ет, но в то же время дело срочное. Вы понимаете, о чем говорю?

— Нет, — ответил Михаил, — но у меня много свободного времени, я здесь в отпуске, потому могу помочь... чтобы облегчить работу своему... коллеге.

Капитан сказал с облегчением:

— Тогда поедем прямо сейчас?.. Не будете же проводить отпуск, бесцельно гуляя по улицам?

Михаил кивнул, капитан указал жестом на черный джип, припаркованный рядом. Похоже, мелькнула мысль, эти ребята, не дозвонившись, засекли расположение автомобиля Азазеля и прибыли точно к нему.

Молчаливый спутник капитана так же, не сказав ни слова, сразу сел на заднее сиденье, а Михаил опустился на правое, рядом с капитаном.

Краем глаза заметил рядом с соратником капитана мигалку, которую при случае можно быстро выставить на крышу, так что да, они в самом деле, похоже, имеют отношение к полиции или силовым структурам.

— Вы с господином Азазелем работаете? — поинтересовался капитан.

— Нет, — ответил Михаил, — просто на рыбалке познакомились. Мы оба эти, как их, рыбаки. Даже рыболовы.

Капитан сдержанно усмехнулся, кивнул и дальше за всю дорогу ничего не спрашивал.

Дорога вывела за город, где расположены бесконечные ряды гигантских складов. Именно сюда начали приходить первые тяжелые грузовики, снабженные автопилотами, где их разгружают такие же автопогрузчики без участия людей, а затем грузовики отправляются обратно, потому что междугородние трассы освоить легче, чем запоминать все сложные развязки в самом городе и успевать реагировать на пешеходов, лезущих

под колеса, и туповатых домохозяек за рулем, что купили права, а еще и во время движения пытаются подкрашивать губы.

Когда въехали на территорию одного склада, к автомобилю подбежали двое в форме военизированной охраны.

Один сразу доложил торопливо, едва капитан Бойченко вышел из машины:

— Илья Семеныч, и здесь все глухо!.. Никаких следов. Все двери на кодовых замках, опломбированы. Почерк тот же, что и в обоих предыдущих... хищениях частного имущества.

Капитан повернул голову к Михаилу.

— Кто-то очень ловко обворовывает склады фирмы «Ямалзолото». Мы уже сломали головы, стараясь понять, как это им удается обойти все системы и вынести тяжелые ящики, которые можно вывезти только на автопогрузчиках и через ворота!

Михаил пробормотал:

— Надо осмотреть сам склад.

Охранник бросил короткий взгляд в сторону Михаила.

— А товарищ...

— Это коллега господина Азазеля, — пояснил Бойченко. — Того самого.

Охранник спросил с сомнением:

— А этот товарищ в курсе...

— Кто знает, — ответил Бойченко, — но у товарища отпуск. Он свободен, готов от скуки помочь...

— Гм, — сказал охранник, — это хорошо, однако... Впрочем... Я уж думал, таких специалистов, как господин Азазель, днем с огнем искать по всему свету и то вернуться с пустыми руками... В общем, товарищ коллега господина Азазеля, на этом складе та же странность, что указывает на одну и ту же преступную группу. Украдены слитки серебра. Сразу с ящиками.

Михаил не понял, в чем странность, перевел взгляд на Бойченко. Тот пояснил коротко:

— Странность в том... что, как бы это сказать... более ценное не тронуто... Там на складе есть и золотые слитки, и где-то с килограмм алмазов, которые здешние ювелиры огранят в бриллианты и продадут в сорок раз дороже.

— Но взяли только серебро? — уточнил Михаил.

Бойченко кивнул, Михаил заметил, что оба с охранником очень внимательно наблюдают за его лицом.

— Да. Странный случай, верно?

Михаил пожал плечами.

— Да не очень. Видимо, им потребовалось именно серебро.

Бойченко и охранник переглянулись, Бойченко пробормотал:

— Впервые на моей практике серебро предпочитают золоту... Да и алмазы не прихватили, что вообще ни в одни ворота.

Охранник сказал тихонько Михаилу:

— Но вы не удивились, верно?..

— Ничуть, — ответил Михаил. — А что удивительного, что кому-то серебро нужнее золота?

Охранник пробормотал со странной ноткой:

— Да, конечно... Что тут удивительного? Ничего удивительного... Хотя я работаю последние десять лет начальником фирмы неведомственной охраны, а раньше прошел через дюжину всяких разных компаний в горячих местах планеты, но никогда с подобными странностями...

— Когда, — поинтересовался Михаил, — были предыдущие кражи?

— Вчера, — ответил охранник. — На складе в Монино. А до нее две точно такие же. Укради серебро, оставив золото.

— Давно?

— Позавчера, — ответил за него Бойченко, — и по-запозавчера. В день по краже.

— У «Ямалзолота» еще есть места, — поинтересовался Михаил, — куда приходит с Севера их золото?

— Еще один склад, — доложил охранник. — На выезде с МКАД на Симферопольское шоссе. Это уже последний.

Михаил предложил:

— Не лучше ли съездить туда прямо сейчас?..

— Зачем?

— Если вашим ворам серебра покажется мало, на-ведаются и туда.

Бойченко подумал, кивнул охраннику.

— Подгони автомобиль. Возможно, у злоумышленников есть прибор, засекающий запасы серебра?

Тот с сомнением посмотрел в сторону Михаила.

— Даже если есть... и что?

— Да так, — ответил Михаил, — если за три ночи ограбили три склада, то на четвертую могут ограбить и последний.

Глава 14

Три склада, как объяснил Бойченко по дороге, «Ямалзолото» построил на свободном месте, купив участки земли, а когда потребовались еще помещения, попросту арендовал заброшенный завод с его пустую-щими складами.

— Сейчас там еще бардак, — сказал он, — но на безопасности это не сказывается. Все ворота на запоре, окон на первом этаже нет вообще. Пломбы на месте. Если и оттуда серебро исчезнет вместе с ящиками, то я уже и не знаю, что происходит...

Он бросил выжидающий взгляд на Михаила, тот проговорил, повторяя слова Азазеля:

— Мир меняется. Воры тоже меняют методы, что-то придумывают новое...

— Да, — сказал Бойченко со вздохом, — за всем не уследишь... А надо!

Охранник, что не охранник, а руководитель вневедомственной охраны, помалкивал за рулем, гнал и гнал автомобиль, где превышая скорость, где срезая углы, дважды пересек сплошную двойную, наконец далеко впереди показалось угрюмое высокое здание заводского корпуса, серое, словно покрытое пылью.

Бойченко сказал невесело:

— Я хорошо помню, когда завод только начали строить... И вот уже все устарело, пришлось бросить вместе с ценным оборудованием.

Охранник откликнулся, не отрывая взгляда от лобового стекла:

— Он хоть двадцать лет продержался!.. А у нас только-только выстроили завод по производству видеомагнитофонов, как пришли компьютеры, и все, завод пришлось закрывать. Все теперь так быстро, не успеваешь «мама» хрюкнуть!.. Скоро даже строить заводы не будут успевать, как вся их будущая продукция устареет.

Ворота громадного помещения закрыты, но прямо в них распахнута калитка, возле нее несколько человек с жаром размахивают руками, спорят, а когда автомобиль остановился неподалеку, все умолкли и повернулись к прибывшим.

Бойченко вышел первым, вскинул руки.

— Пока ничего не известно, но мы работаем, работаем... С вашего позволения пройдем вовнутрь. Что узнаем, тут же сообщим.

Михаил молча, напуская на себя таинственность, прошел с ним и начальником охраны через железную калитку.

На складе темно, он хотел было воспользоваться фонариком, но если похитители серебра уже здесь, могут скрыться раньше, чем их обнаружат, двинулся вперед осторожно, стараясь ничего не задеть, что может звякнуть или скрежетнуть по металлическому полу.

Вдоль стен в несколько рядов толстые трубы и связки цветных проводов, всякого рода станки с числовым управлением, что устарели раньше, чем износились, ограды и перегородки, мостики, две кран-балки со свисающими на толстых обрезиненных шнурах продолговатыми пультами с цветными кнопками.

Еще некие чаны, цистерны, две металлические лестницы наверх, там такое же переплетение конструкций из толстого железа, массивные стеллажи с покрытыми пылью деталями к механизмам, что тоже вынужденно уступили место более совершенным.

— А вон там, — сказал он и указал на окно в стене у самого потолка, — смотрели?.. Следы какие-то...

Начальник охраны посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Стена ровная, как стекло! Ну, почти. И никто туда не ходит, даже кран-балки. Да и электричество здесь давно отключено.

Бойченко быстро взглянул на Михаила.

— Полагаете... по стене?

— Есть же эти, — сказал Михаил, — что по стенам лазают? Хомопауки?.. А если еще присоски на ладони, как у гекконов...

Охранник сказал возмущенно:

— Никакие присоски нас не выдержат!.. У геккона хвост, а у нас жопы, как сто гекконов!..

Бойченко покосился на Михаила и ответил как-то замедленно:

— Но, может быть... новые технологии...

— Да, — подтвердил Михаил, — новые технологии. Как бы вот... Наука на марше и все такое...

Охранник возмущенно хрюкнул и умолк, а Бойченко подтвердил с готовностью:

— Да-да, новые технологии. Недаром же украли серебро, а не золото! Значит, не простые воры.

И снова в его словах Михаил уловил двойной смысл и некий намек, который он может знать, но может и не понять, если не в теме, потому Михаил лишь кивнул, сказал с подчеркнутым равнодушием:

— Да, пикотехнологии... на марше. Строем, в ногу... Пойду взгляну малость... Место этого... как его... будущего возможного преступления... обозначим в общих чертах и резах...

— Да-да, — сказал Бойченко со значением в голосе, — вам лучше взглянуть... свежим взглядом.

Михаил кивнул и двинулся через просторное помещение, некоторое время слышал позади шаги, но затем, зайдя за ряд массивных ящиков, резко ускорился, переместился в другую половину, ничего по дороге не пропуская из виду, а там остановился и осмотрелся, чувство тревоги говорит, что нечто опасное присутствует или совсем недавно присутствовало, но сейчас уже ничего такого вроде бы нет...

Он вздрогнул, из-за массивного корпуса токарного станка в трех шагах выглядывают ступни ног лежащего человека. Осторожно обогнул станину, стараясь не приближаться, за ней распростерт вверх лицом человек, смертельно бледный, словно из него выкачали всю кровь, явно не дышит и вообще без признаков жизни.

Михаил, чувствуя нарастающую тревогу, всматривался внимательно, но нечто заставило быстро оглянуться, и едва успел увернуться от летящего прямо в лицо кулака размером с валун, которыми катапульты крушат стены крепостей.

Сдвинувшись в сторону, перехватил руку, с силой рванул вниз, чувствуя, что ломает ствол дерева. Нападавший взвизгнул, голос нечеловеческий, отшатнулся, но Михаил удержал, и вдруг сильный удар сзади по затылку бросил его на пол.

Уже грохнувшись всем телом, успел увидеть, что мертвец вовсе не мертвец, уже на ногах, хотя все такой же смертельно бледный, морда удлинилась, в пасти длинные острые зубы. Бросились дружно вдвоем, Михаил откатился в сторону, чем явно удивил и озадачил обоих, после такого удара подняться, да еще достаточно легко...

Пистолет он выхватил с такой скоростью, что сам бы удивился в другое время, выстрелил, один из нападавших покачнулся, второй взвизгнул громче и, прыгнув вверх, как кузнецик, ухватился за балку, во мгновение ока оказался на ней и пробежал на другую сторону с такой непостижимой скоростью, что Михаил лишь провел стволом пистолета, но стрелять даже не пытался.

Когда он оглянулся на того, которому сломал руку, тот уже юркнул за станину, а там, пригибаясь и прячась, понесся прочь, только мелькнула тень от далекой лампы.

— Я тоже умею лазить, — буркнул он и, подпрыгнув, ухватился за поручень ограды на втором этаже, вскинул себя на металлическую площадку, опоясывающую здание цеха, там видны двери, но ни одна не распахнута, а это значит, либо успели выпрыгнуть через окно, которое под самой крышей, либо прячутся здесь...

В захламленном станками помещении неуютно и страшновато, он медленно передвигался, прислушиваясь и принюхиваясь, получить по голове не очень-то и хочется, могут ударить так, что и череп элементала не выдержит, он пока не знает его прочности...

Мелькнула тень, он подавил импульс тут же броситься в ту сторону. Противников двое, погонится за

одним, второй самое малое, что может сделать, — дать подножку, а там навалятся вдвоем...

Вдалеке послышались быстрые шаги бегущих людей. Бойченко и охранник вынырнули из-за станков запыхавшиеся, с пистолетами в руках, охранник вообще хватает воздух широко раскрытым ртом, словно рыба на берегу.

Бойченко спросил хрипло:

— Мы услышали выстрелы... Что это было?

Охранник сказал прерывистым голосом:

— Я видел... видел... они что, шкуры на себя... напялили?.. и прыгают как-то не по-людски...

Бойченко сказал непослушными губами:

— Нам могло показаться...

Михаил сказал недовольно:

— Какие-то секретные эксперименты секретных лабораторий... Сейчас это все официально под запретом, но вы же понимаете, науку остановить не проще, чем переубедить женщину. Любая страна старается себя обезопасить, потому вот так тайком и генетические коды редактирует... и вообще мутантов творит. Но за то, что какие-то вырвались на свободу, я бы службе безопасности головы поотрывал!

Он сам ощущал, что говорит совершенно искренне, хотя имел в виду службу охраны порталов ада, но Бойченко вздохнул с сочувствием, сказал дрожащим голосом:

— Там нужно установить автоматические системы уничтожения всех, у кого несанкционированный допуск... И не доверять охрану ученым!

Михаил сказал коротко:

— Оставайтесь здесь. Я прослежу, куда могли скрыться те двое.

— Это опасно, — возразил охранник. — Я лучший стрелок в нашем отделении!

— Ждите, — велел Михаил и, зайдя за ближайший великанский станок, сделал скачок в том направлении, куда метнулись фигуры похитителей серебра.

Он едва не прыгнул им на спину, оба уходят тяжелыми прыжками, держа в передних лапах по деревянному ящику.

Зачувяя его, обернувшись, Михаил не стал вызывать меч, моментально выхватил пистолет с бронебойными пулями и выстрелил дважды в оскаленные морды.

Головы дернулись назад с таким хрустом, словно ломаются шейные позвонки, но тут же вернулись на место, а крупные глаза, привыкшие к темноте, начали наливаться кровью.

— Да сдохните, твари, — прошипел он, выстрелил еще, всаживая каждому в голову по две пули, а пока демоны спешно заращивали раны, не выпуская из лап ящики, он бросил пистолет на пол и вскинул обе руки к небу.

— Меч!..

Оба демона тоже выронили ящики и ринулись на него с непостижимой скоростью. Ладони Михаила ощутили холодную рифленую рукоять, ударил без раздумий, чувствуя, что попал, увернулся от второго, тот пролетел в прыжке мимо, но кончик меча достал его в спину.

Первый рухнул молча, рассеченный почти надвое, второй дико закричал так, как не кричит ни один зверь, ни одно существо.

Михаил тяжело дышал, чувствуя, как сердце едва не выпрыгивает, лезвие меча горит в полутьме зловещебагровым огнем, но в пол не погружается ни на дюйм, хотя оперся на рукоять всем весом.

Вдали мелькнул свет фонарика, потом еще пару раз, вскоре Михаил услышал топот ног и различил в слабом лунном свете бегущих в его сторону Бойченко и охранника.

Ощущение рукояти под ладонью исчезло, он едва удержался на ногах, когда меч исчез, а багровый свет погас.

Из темноты вынырнули оба запыхавшиеся, охранник прохрипел, хватая раскрытым ртом прохладный ночной воздух:

— Ну и бегаете... Мы вас просто потеряли из виду...

Бойченко спросил быстро:

— Куда побежали?

— В ад, — ответил Михаил совершенно серьезно, хотя, понятно, поймут иносказательно, — но добычу... бросили.

Охранник доковылял до брошенных ящиков, приподнял один, убедился, что пломбы на местах, а Бойченко, заметив что-то почти под станиной, поднял пистолет Михаила и, взвешивая на ладони, сказал задумчиво:

— Тяжеловат...

— Новые технологии, — ответил Михаил и ощутил, что делает вообще немыслимое совсем недавно: врет легко и без усилий. — Там главное — пули.

Для достоверности он вытащил обойму и показал два оставшихся патрона: удлиненные и со зловеще-красными головками.

— Бронебойные? — спросил Бойченко с уважением. — Или разрывные?

— То и другое, — согласился Михаил. — И еще не то с урановыми наконечниками, не то с еще какой-то хренью, я не специалист. Опытные образы, в серию пойдут только после испытаний.

Он сунул пистолет в кобуру, а охранник, потрогав и второй ящик, сказал с облегчением:

— И этот цел. Хорошо...

Бойченко спросил со значением:

— У вас было не два... патрона?.. Мы слышали выстрелы.

— Да, — ответил Михаил и прямо посмотрел ему в глаза, — увы, задержать не удалось... Сбежали оба.

— Жаль, — сказал Бойченко тем же тоном. — Сбежали... совсем?

Михаил уловил подтекст, кивнул.

— Да. Уже не вернутся.

— Какие-то следы остались?

Михаил развел руками.

— Увы, это господин Азазель специалист по галантейному обхождению, а я человек простой. Никаких следов. И уже, как сказал, не вернутся. Никогда.

Лицо капитана просветлело.

— Да, господин Азазель умеет распутывать сложные случаи, но сейчас важно было просто остановить... немотивированные грабежи. Вы это сделали, сейчас это самое важное. А появятся сложные... Надеюсь, господин Азазель к тому времени вернется... с рыбалки.

— Да, — ответил Михаил осторожно, — обычно он отлучается ненадолго.

Они пожали друг другу руки, Бойченко сказал тихонько:

— На всякий случай... нам не мешало бы обменяться номерами телефонов. Вы нам здорово помогли, а мы можем помочь тоже, хотя у нас нет специалистов вашего уровня, но зато датацентры, информационная база... В каких-то случаях можем мобильными группами быстрого реагирования...

— Да, — ответил Михаил. — Это не помешает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Азазель уже за компьютером на кухне, работает с клавиатурой и одновременно жрет, запивает крепким кофе и с азартом управляет голосом и жестами картинками, графиками и спутниковыми снимками на двух широких экранах.

— Нагулялся? — сказал он, не поворачивая головы, и Михаил понял, что если уже он наловчился видеть ранее невидимое по движению воздуха, температуре тела, запаху и прочим неразличимым простым смертным сигналам, то Азазель вообще в этом мастер. — И морда сытая, довольная... Есть будешь?

— Ты же сказал, морда сытая?

— Это в другом смысле, — пояснил Азазель. — Сири, обслужи гостя!.. Да не так, как сразу вообразила, я же знаю, какие сайты тайком посещаешь, а накорми, напои, а спать он сам просится.

Он наконец повернулся на вертящемся кресле к Михаилу.

— В стриптиз-клуб ходил?

Михаил сел, обеими руками придинул тарелку с горячей едой, что услужливо достала из духовки Сири сразу четырьмя манипуляторами, Азазель посмотрел на нее строго, и она тут же вытащила из безразмерной духовки другое блюдо, словно это не печка, а принтер,

быстро готовящий; или, как говорят, печатающий любую еду.

Михаил даже на минуту заколебался, рассказывать Азазелю или не стоит, но тот все равно узнает, а это нехорошо, потому, пока Азазель жадно и с огромным удовольствием продолжал насыщаться уже за компанию, как он объяснил, коротко пересказал, что вот к нему подошел капитан Бойченко, предложил нечто, сославшись на Азазеля, и что за этим было дальше.

Азазель ел молча, только за ушами трещало, а когда Михаил закончил, он уже отодвинул пустую тарелку, где остались только обглоданные бараны ребрышки, и взял с поддона кофейного автомата большую чашку с горячим парующим кофе.

— Чувствую, — сказал он, — ты теперь, как всякая пуганая ворона, дуешь и на воду... Подвинь мне вон то сдобное печенье... Нет, которое с вафлями. Спасибо! Уверяю тебя, я ни при чем.

Михаил пробормотал:

— Допускаю и такое... Хотя, зная тебя...

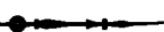
Азазель помотал головой.

— Уверяю тебя, никакая не подстава, не проверка. Вообще ничего конспирологического!.. Капитан Бойченко существует, я ему пару раз оказывал некоторые услуги. Может, больше, чем пару раз, это не суть важно. Спасибо, что помог, хоть и аристократ.

— Не за что, — буркнул Михаил. — Я сделал то, что сделать было нужно. Тем более ничего особенного. Но если демонов здесь, на земле, становится больше, неужели подобное не замечается?

Азазель вздохнул.

— Если бы. Как я уже сказал или не сказал?.. мы, руководствуясь чувством не только милосердия, но и высшей справедливости, которую, естественно, знаем

только мы, приняли решение не допускать сюда, в мир людей, всяких неадекватов.

— Мы, — уточнил Михаил, — это те двести сумасшедших, что вслед за тобой спустились с небес к людям?

— Не вслед, — ответил Азазель, — а вместе.

— А есть разница?

— Большая, — отрубил Азазель недовольно. — Они не последователи, а соратники. Сейчас мало что от них осталось, как я тебе уже говорил, но закон мы приняли жесткий. Мы милосердны к людям и всем тварям, но только если и те милосердны и законопослушны. Человеку или кому-то подчиняться необязательно, а закону нужно!

Михаил сказал хмуро:

— А законы пишете вы, как удобно.

Азазель проигнорировал, сказал строго:

— Из ада допускаются беглецы, которые жизнь среди людей сочтут за великое счастье и ни в коем случае ни в чем не проявят своей природы демонов. Несогласники должны уничтожаться как можно скорее и... без следов. Об этом было объявлено всем-всем. В аду это знают.

— Вот-вот, — сказал Михаил, — а как сами люди?

Азазель насторожился.

— Ты о чём?

— Что-то да становится известным, — пояснил Михаил. — Неужели все так умело скрыто? Как реагируют люди?

— По-разному, — буркнул Азазель. — С демонами, что в виде духов, успешно справляются экзорцисты, хотя их тоже считают жуликами и шарлатанами. С демонами во плоти чуть сложнее, приходится нам... Да, отвечаю, некоторые из людей сталкиваются с необъяснимым. Одни объясняют это глюками с перепоя, другие розыгрышами, но есть силовые структуры, что

в глубокой тайне сотрудничают с нами. Как вот капитан Бойченко.

— А народу знать не положено?

— Народ, — возразил Азазель, — сам предпочитает жить с головой под одеялом. И пусть живет. Испуганный народ, как олень, мчится куда попало и все ломает на пути. А ты чего интересуешься?

— Да так, — ответил Михаил уклончиво, — стараюсь понять этот мир... и его взаимодействие с миром скрытым, что хоть и скрыт, но очень даже реален. А ты где был?

— В мире скрытом, — ответил Азазель, зевнул и устало потянулся, — но реальном, хоть и воображаемом, я же поэт и романтик в глубине своей скверной чистой души, полной порока и святости.

— Что-что, — переспросил Михаил, — не понял!

Азазель снова сладко зевнул, сделал знак Сири, чтобы сделала еще кофе, да покрепче, покрепче.

— Почему не понял? Есть хочешь?.. Сладкое прочищает память.

— Мы только что поели, — напомнил Михаил сварливо. — У тебя в самом деле проблемы с памятью?.. Или вот так избирательно? Как будто я ни о чем другом, кроме еды, и думать не могу?

— А-а, — повторил Азазель понимающе, — поел, теперь мысли о теплой мягкой женщине? В которую, как сказал Маяковский, ночью хочется звон свой спрятать в мягкое, в женское?..

Михаил кивнул на большой экран, где в правом углу фото мальчика, а всю остальную площадь занимают подробные сведения о нем и фотографии помельче.

— Усыновить хочешь? И кем он у тебя вырастет?

Азазель отмахнулся.

— Ни у тебя, ни у меня ничего хорошего не вырастет для общества и подъема сельского хозяйства.

— Ух ты, признался...

— К тому же, — уточнил Азазель, — у этого ребенка есть родители. Прекрасные и добрые. Правда, сынишка у них родился дебилом... нет, идиотом. Какой-то генетический сбой. Разницу между дебилом, имбецилом и кретином знаешь? В общем, идиотия — это самая крайняя степень дурости. Даже ниже животного. Ел только с ложечки, срал прямо в штаны... Я бы такого за ногу и головой о стенку!

Михаил поморщился.

— А как к его идиотии... родители?

— Нянчились с ним до пяти лет, — ответил Азазель безглово. — А потом у него, как говорят врачи, в голове что-то восстановилось, срослись какие-то порванные или недостающие связи. В общем, стал не только нормальным, но подрос и пошел в первый класс, где теперь самый старательный и успевающий в школе. Учителя не нахваляются.

Михаил пожал плечами.

— Ты сам говорил, люди живучи.

— Да, — согласился Азазель, — такое бывает. Но когда две странности в одной семье, это настороживает.

Михаил зевнул, сказал со вздохом:

— Я уже насторожился. Как бы почти.

— Полгода назад у его матери обнаружился рак желудка, — сказал Азазель.

— Среди людей это обычность, — заметил Михаил. — Печально, однако...

— В четвертой степени, — продолжил Азазель. — Метастазы проросли везде, даже в обоих полушариях мозга. Ни операция, ни химиотерапия уже не помогли бы...

— Ну-ну?

Азазель посмотрел строго и произнес раздельно и четко:

— Как сказали потом врачи, она усилием воли сумела мобилизовать защитные силы организма! Иммунная система, что до того не распознавала раковые клетки и принимала за свои, здоровые, вдруг на последнем издыхании рассмотрела наконец-то гадов, набросилась люто и за пару недель растерзала всех до единой! Бедная женщина едва не умерла от перегрузки печени и почек, которым приходилось перерабатывать и удалять все эти отходы.

Михаил смотрел с интересом.

— И этот случай не уникален. Я читал о подобном в твоем же Интернете.

Азазель взглянул на него исподлобья.

— Для глуховатых могу повторить. Оба случая исключительны. Хотя и приходятся на три с половиной миллиона человек и на восемь миллионов каждый. Но, по моим базам данных, это первый случай, когда сходятся в одной семье.

— Когда-то да должно было такое случиться.

Азазель кивнул.

— Да, ты прав. И обезьяны могут напечатать «Войну и мир». Верю. Но если мне скажут, что вон там это случилось, я как-то не побегу смотреть на это вполне вроде бы вероятное чудо.

— Ты это к чему?

— Я все-таки, — сказал Азазель суховато, — проверю. Я как бы атеист, в чудеса не верю.

Михаил кивнул, дотащился до дивана, чувствуя себя безмерно уставшим. Жизнь среди людей выматывает бешеным ритмом, постоянно что-то происходит важное или опасное, сердце то почти засыпает, то колотится так, что вот-вот разнесет всю грудную клетку, а та мощь, которую удается взять от антисфирот, испаряется как бы сама по себе, даже когда он вот так лежит на диване.

Он, правда, не лег, у людей это считается чем-то неподобающим, только самый что ни есть плебс от кормушки сразу на диван, а сильные люди, что двигают мир, постоянно в работе, но сейчас пугает само это слово...

От большого настенного экрана донесся бодрый голос Азазеля:

— Судя по всем данным, в их семье все благополучно. Даже очень. Вот фотографии, а вот и сам парнишка.

Михаил повернул голову, Азазель двигает жестами по экрану фотографии мужчины и женщины, еще достаточно молодых, у обоих хорошие открытые лица, доброжелательный вид, таких каждый хотел бы в соседях, а еще несколько фотографий ребенка, начиная с младенца в пеленках.

С первого взгляда видно, что с ним не в порядке: застывшее лицо, все без улыбки, а все родители стараются ухватить для съемки момент, когда младенец улыбается.

Еще несколько таких же фото, а потом пошли чаще, где-то лет с пяти, живое улыбающееся личико, любопытные глазки, ходит и бегает по комнате, держа в руках игрушки.

Не поворачиваясь, Азазель сказал неторопливо:

— Но все-таки, все-таки... Надо взглянуть.

— Я с тобой, — вяло сказал Михаил.

Азазель посмотрел в его сторону с пренебрежением.

— А ты на что-то годен?

— Пара глотков из антисфироты, — заверил Михаил, — и снова на белом коне. Но могу и на черном, у меня он все равно белый.

Азазель покачал головой.

— Есть еще душевная усталость, она опаснее. Никакими быстрыми углеводами не убрать. В тебе душа Макрона, не забыл?

— Тогда... как?

— Либо отлежаться, — отрубил Азазель сурово, — либо дать себе пинка и встать!

— Я уже дал, — сообщил Михаил и поднялся. — Место наметил?

— Да. Готов?

— Указывай, — ответил Михаил.

Азазель ухватил его за плечи, Михаил как-то совсем бездумно сделал усилие для прыжка, Азазель же рядом, подошвы сразу оторвались от пола и моментально уперлись снова, только вместо стен квартиры простор, холодный ветер и дальние крыши домов.

— Прекрасно, — сказал Азазель, Михаил ощущил по тону, что тот в самом деле доволен. — Я задал точку финиша, а ты обеспечил перенос! Я даже пальцем не пошевелил. Растешь, Мишка. И не все истратил, верно?

Михаил прислушался к себе, кивнул.

— Да, что-то осталось... Где мы?

— На крыше, — сообщил Азазель насмешливо. — Я в этом городе не был, укромных мест не знаю, приходится в рилтайме по гугельным мапам... Пойдем вниз, к народу.

Глава 2

Михаил молча смотрел, как Азазель умело и чуточку хвастливо открыл запертую железную дверь, кивнул ему приглашающе, Михаил первым побежал по ступенькам вниз.

Слышно было, как Азазель гремит дверью, запирая снова. Михаил вышел на площадку к лифту, а когда появился Азазель, дверцы кабины приглашающе открылись.

Спустились чинно, как степенные люди, а не вскрывающие двери воришки. На улице прохладно, неприятный ветер и здесь, Азазель поморщился, огляделся по сторонам.

— Нужен автомобиль, — сказал он.

— Ехать далеко?

— Нет, — ответил Азазель, — просто древний зов цивилизации. Портит она всех нас, Миша. Я все серьезное привык решать в мягким кресле. Как и несерьезное. И чтоб со всех сторон гаджеты. Всякие. Даже ненужные, но приятные. Это как слоники на комоде в старину.

— Какие слоники?

— Фарфоровые, — ответил Азазель безразличным голосом. — Забудь, это лирическое отступление, я же поэт-импровизатор.

— В городе три пункта сдачи в аренду, — ответил Михаил. — Вон реклама.

Азазель отмахнулся.

— Долго возиться. Вон там, перед офисом, на стоянке, их штук пятьдесят.

— Воровать нехорошо, — напомнил Михаил.

— А мы не воруем, — пояснил Азазель. — Одолжим на часок, потом законопослушно вернем на прежнее место. Только не разбрасывай в салоне шкурки от бананов. И фантики от конфет.

— Можно подумать, — фыркнул Михаил, — ты сейчас их купишь!

— Куплю, — ответил Азазель серьезно. — Люблю смотреть, как ты борешься с адскими муками соблазна. Вернемся, велю Сири наготовить побольше блинчиков с мясом! Видел, ты их уничтожаешь быстрее, чем лесной пожар сухую солому в жаркий день в солнечной Калифорнии.

Михаил с надменностью промолчал, Азазель уверенно пошел в сторону охраняемой автостоянки, на ходу выудил из кармашка смарт, Михаил смотрел с неудовольствием, нашел время играть, но Азазель потыкал на ходу пальцем в экранчик, красный огонек перед ними на входе сменился дружелюбно-зеленым.

Все-таки Михаил нервничал, когда Азазель выбрал автомобиль, открыл и пригласил садиться на правое сиденье. За это время тревогу не поднял ни сам автомобиль, ни охранные системы на выезде, ни вообще никто в мире, словно их и не существует.

Азазель с насмешкой косился на взволнованного соратника.

— Перестань дергаться, — посоветовал он достаточно дружелюбно, хотя и раздражающей ноткой полного и тотального превосходства. — Со временем и ты сможешь.

— Я? Ни за что!

— Да, — согласился Азазель, — это уже тонкая работа, солдатская прямота только вредит. Но ты научишься. Говорят, если зайца бить, он сумеет спички зажигать. А ты умеешь? Чехов уже умел. Хотя у него спички были шведские, а какие давал зайцу, не знаю.

Михаил помотал головой.

— Это же нарушение!.. А нарушать законы нехорошо. Ты не знал до сих пор?

— Какое нарушение? — спросил Азазель мирно. — Простая взаимопомощь. Автомобиль вернем на то же самое место. Хозяин и не заметит.

— Нет, — отрезал Михаил. — Я же не такой наглый. И бесчестный! Брать чужое без спросу нехорошо.

— Я наглый, — согласился Азазель серьезно, — а это опасно. Чувство силы порождает уверенность, что перетекает в самоуверенность, а та ходит по краю пропасти... Но я как-то сладил, а тебе предстоит борьба с тем гадом в себе, которому противиться трудно.

Он не стал бесцельно ездить по городу, а то вдруг встретит тех, кто знает этот автомобиль, с полчаса проторчали во дворе, наконец Михаил взглянул на переднюю панель, где в уголке экрана быстро сменяются крупные цифры.

- Время идет.
- Знаю, — буркнул Азазель. — Пересядь назад.
- Будешь вести разговор по душам?
- Как получится...

Выждав, пока Михаил переберется и устроится на заднем сиденье, он неспешно сдвинул автомобиль с места и, выкатив на улицу, плавно повел в сторону школы, в которой, как указал расширенный поиск, занимается ученик первого класса Гена Коваленко.

После прозвеневшего звонка буквально через несколько секунд на широкие ступеньки крыльца высыпала целая гурьба первоклашек. Галдящие, как воробы, шумной стаей помчались к выходу со школьного двора, толкались, пихались, лупили друг друга портфелями.

Михаил покрутил головой в поисках желтого автобуса, Азазель обронил, не поворачивая головы:

— Это не Москва, дружище. Тут никто никого не возит. Все дети из ближайших домов. Кто сам, кого родители забирают. Мирная патриархальная жизнь. Как в старые добрые времена, которых на самом деле никогда не было.

- А тот мальчишка?

Азазель кивнул в сторону выхода из школьного двора.

- Вон идет. С ушами.

- Тоже ходит сам?

— Он же теперь нормальный, — напомнил Азазель. — А нормального зачем кому-то встречать, когда чуть дальше его дом? Даже дорогу переходить не приходится.

Из ворот выскочили трое ребятишек, Михаил старался определить по виду, кто из них может быть скрывающимся демоном, пока не выделил взглядом одного из первоклашек, конопатого и с оттопыренными ушами.

Азазель сказал со странной ноткой:

— Учись сразу высматривать, пригодится. Рыжий, с красными щеками... Самый чистенький, кстати.

Михаил всмотрелся, из трех мальчишек красные щеки у двух, только у одного еще и пухлые, почти отвисающие, таких всегда дразнят жиртрестами, вряд ли это и есть уже два года живущий в теле идиота демон. Никто не оставит себе облик, над которым смеются, похудеть для демона ничего не стоит, так что явно вон тот, что идет левее, крепенький и чистенький парнишка в аккуратном костюмчике, не новеньком, но чистом и подогнанном точно по фигуре, что плюс к карме его родителей, явно небогатым, но заботящимся о ребенке.

— Хорошо смотрится, — согласился Михаил. — Таких ставят в пример. Радость для родителей.

— Они настрадались, — заметил Азазель, — так что заслужили. Посматривай по сторонам.

Некоторое время он вел автомобиль на небольшой скорости, затем подал ближе к тротуару, едва не задевая колесом бордюр, а когда поравнялся с мальчишкой, крикнул весело:

— Гена, садись, довезу до твоего дома!

Мальчик зыркнул в его сторону и ответил с настороженностью ребенка, предупрежденного, что с незнакомыми мужчинами разговаривать не стоит, как и принимать от них конфеты или мороженое.

— Спасибо, — ответил он голосом воспитанного первоклассника, — но мне близко. Я уже почти дома.

— Я довезу, — предложил Азазель. — Садись. Вон твой дом, я знаю.

Мальчик сказал громче:

— Поезжайте, дяденька педофиля, без меня. А то я запомню номер и сообщу в милицию!

Михаил дернулся, пара прохожих уже услышали и повернулись в их сторону.

Азазель сказал вполголоса:

— Молодец! Правильно отвечаешь. Но я знаю, кто ты на самом деле и откуда прибыл. Из очень жарких мест. Сядешь или применить спецсредства?

Мальчик быстро посмотрел по сторонам, Михаил напрягся в ожидании неприятностей, тому стоит только крикнуть, как все бросятся защищать ребенка, начнут снимать на мобильники, но тот сказал громким голосом, явно рассчитанным на прохожих:

— Ладно, мама вас знает...

Азазель остановил автомобиль, мальчик сел на правое сиденье, Михаилу не было видно даже затылка, скрытого за высоким подголовником, а мальчишка тем временем дисциплинированно потянул ремень, щелкнул застежкой и с ожиданием посмотрел на человека за баранкой руля.

Азазель сдвинул автомобиль с места и тихонько повел его по правой полосе. Михаил видел, как он с интересом поглядывает на смиренного первоклашку.

— Ты допустил два прокола, — сказал Азазель, голос пока что звучал достаточно доброжелательно. — Идиоты, к сожалению, так и остаются идиотами. А ты вдруг стал полноценным ребенком. На самом деле мозг человека пока что в самом деле нечто непознанное, но не до такой степени. Идиотию пока не лечат. И сама она, увы, не восстанавливается. Это первое.

Мальчишка молчал, но Михаил пару раз перехватил в зеркале заднего вида его острый взгляд.

— Второе, — сказал Азазель со вздохом, — рак на такой стадии уже не лечится. Ты этого не знал?

Мальчишка пробормотал:

— Знал...

— Тогда зачем рисковал?

Он сказал слабым голосом:

— Она была всегда добра со мной. Она любила меня!.. И ухаживала за мной. Тем, идиотом. Как я мог не сделать для нее хоть что-то, если мог?..

— Ты подставил себя под удар, — прокомментировал Азазель. — Докопаться мог не только я. Ладно, рассказывай, как ты сумел попасть в такую семью настолько точно? Говори, дружище, у тебя выбора нет. Соврешь, то будь самим Вельзевулом, вернем в ад так же просто, как прочистим ноздри.

Мальчишка потупился, Азазель хмыкнул, наконец первоклашка пробормотал несчастным голоском:

— Мы обещали не говорить. Это тайна.

— Уже нет, — сказал Азазель. — Ты еще не знаешь, что такое компьютеризация, dataцентры, поиск по фото, по косвенным данным?.. Все твои контакты как на ладони!.. Судя по тому, что ты не ринулся нападать на первых встречных, ты уже знал, что тебе предстоит и как нужно себя вести... Кто встречал тебя на этой стороне Портала?

Мальчишка съежился, прошептал:

— Лучше умру, чем выдам.

— Благородно, — сказал Азазель. — Ценю. Но мы не палачи, а судьи. У тебя, как и у него, есть шанс, что не убьем... сразу, а сперва выясним, нанесен или не нанесен ущерб человеческому виду. Но если будешь прятать его имя, решим, что несет только вред, и убьем даже без «Здравствуйте!».

После мучительного колебания, Михаил видел, как мальчишка дергается, тот прошептал:

— Это Андрей Исаевич... Он очень добрый и хороший. Он всегда только помогает. Его адрес: Ярослава Гашека, двенадцать, квартира семьдесят четыре. Это на соседней улице. Я у него под наблюдением.

— Проверим, — пообещал Азазель, — а теперь давай о тебе. Что он сказал при первой встрече?

Мальчишка ответил торопливым и заискивающим голоском:

— Что я обязан стать примерным сыном!

— Примерным... это как?

— Вести себя достойно, — ответил мальчишка отчаянным голосом, — ни в чем не отличаясь от других детей. Быть не лучше других, но и не хуже. Ничем не выделяться.

— Хорошее правило, — одобрил Азазель. — А сейчас покажись настоящим!

Мальчишка пролепетал:

— Но я... такой и есть... Я в этом теле навсегда. И меняться не могу. Даже не пробовал.

— А каким был?

Мальчишка по-взрослому наморщил лоб.

— Дайте вспомнить... Это было так давно...

— Всего два года, — сказал Азазель сурово. — Давай пробуй изо всех сил.

— То была другая жизнь, — сказал он печально, — я о ней старался забыть. Здесь купаюсь в тепле и ласке, зачем помнить о тех ужасах?.. Но хорошо, хорошо, сейчас постараюсь... еще немного... дайте сосредоточиться...

Он пыхтел, напрягался, краснел лицом, кожа на лбу то шла глубокими морщинами, то натягивалась так, что вот-вот порвется, наконец начал меняться, меняться и наконец застыл в обреченной позе, превратившись в низкорослого мальчугана с бледной нездоровой кожей и выпученными, как у рака, глазами.

Азазель спросил с подозрением:

— Это все? Это твоя основная форма?

Демон сказал тонким голоском:

— Я из простых, у меня не бывает других форм!

Азазель бросил взгляд в сторону все еще молчащего Михаила.

— Что предлагаешь, мой суровый и крылатый инквизитор с длинным мечом?

— Решай сам, — ответил Михаил сдержанно.

— Хорошо, — сказал Михаил и повернулся к трепещущему демону. — Решение нашего трибунала таково... ты остаешься мальчиком Геной, ребенком Антона и Кристины Коваленко, учеником первого класса, живешь абсолютно той жизнью, как и положено детям в соответствующем возрасте, и растешь в полном соответствии с возрастом... Но ты совершил ошибку. Серьезную. Даже, можно сказать, смертельную. Тебя обнаружили мы, а это значит, могут обнаружить и другие. Правда, мы знаем о демонах в этом мире, а другие не знают, им понять ситуацию труднее, но все равно люди могут... Ты понял?

Мальчишка испуганно кивнул.

— Да.

— Дело не только в огласке, — сказал Азазель безжалостно, — хотя и это влечет немедленную смерть. Твою, конечно. Тобой могут заинтересоваться спецслужбы, они всюду лезут и все найденное стараются присобачить для своих гнусных целей. Если тебя найдут, в этом случае просто умрешь без всякого предупреждения. Ты сказки любишь?

Мальчишка вздрогнул, вопрос чересчур неожиданный, но пробормотал в ответ на требовательный взгляд Азазеля:

— Да, конечно...

— У нас тоже, — сообщил Азазель, — как в сказках: мы очень добры и снисходительны, потому два твоих прокола прощаем, но берем на мушку, за третий — смерть без всякой замены штрафом!.. А теперь вернись в нынешнее тело. Оно здорово? Без болезней?

Мальчишка кивнул снова, наклонился и замер, тело чуть увеличилось в размерах, обратное превращение в румяного и ясноглазого первоклассника прошло намного быстрее.

— Здоровое, — ответил он уже другим голосом, ясным и чистым. — У него только мозг был не в порядке.

Азазель оглядел его критически.

— Ты вырастешь достаточно крупным и сильным. У тебя будут соблазны еще до того, как начнут бушевать гормоны... Сил у тебя немного, но все равно восхочется сделать что-то такое, чего не могут остальные. Перед девочками побахвалиться силой или умением, старшекласснику дать в лоб так, чтобы уши отпали... Это и будет твоя третья ошибка, за которую убьем сразу, и ничто тебя не защитит.

Михаил добавил сурово:

— Помни, отныне ты и под нашим наблюдением. Шаг вправо, шаг влево — смерть. Береги своих новых родителей. Ничего не делай из того, что не умеют другие!..

Глава 3

Азазель подал автомобиль к тротуару прямо перед солидным домом старой постройки, остановил. Дверца распахнулась, мальчик Гена Коваленко отстегнул ремень, вылез, повернулся, заглядывая в машину.

— Я ничего плохого не сделаю, — пообещал он твердо. — Я не хочу и не стану огорчать моих папу и маму! Они в самом деле теперь мои папа и мама!

Азазель кивнул, мальчик захлопнул дверцу, и автомобиль под рукой Азазеля помчался по улице, быстро переходя на левую сторону.

Михаил сказал с неуверенностью в голосе:

— Уже второй раз встречаю демона, которого совсем не хочу убить. Что со мной?

— Отходи от трайбалистского мышления, — сообщил Азазель авторитетно. — Растешь как бы. Либералы сказали бы, начинаешь оценивать субъекта не по расе, цвету кожи или полу, а по его делам, что для тебя уже удивительно, но ожидаемо... хотя и не так скоро, как я думал. Я думал, солдат всегда солдат, а он как бы

не всегда, что дает хоть и слабые, но все-таки надежды. Пока призрачные, но можно успеть...

Он не сказал, что можно успеть, припарковал автомобиль возле старого неопрятного дома, такие в столице пускают на снос, но здесь регион беднее, дома служат дольше, дороги ремонтируют реже, а жители получают зарплату пониже.

— Навестим этого Андрея Исаевича, — напомнил он. — Не люблю конкурентов.

— Ярослава Гашека, двенадцать, — прочел Михаил с таблички на стене углового дома. — А ты неплохо ориентируешься в чужих городах. Как и в чужих квартирах.

— На что намекаешь? — спросил Азазель с подозрением. — Зато по чужим постелям не прыгаю!.. Из принципа. А если уж прыгнул, то она как бы моя по праву Первого Закона Господа, да будь благословлено Его имя за такое правило.

— Да, — буркнул Михаил, — ты вполне вжился в их жизнь. Всему находишь оправдание.

Азазель кивнул, всмотрелся внимательно в окна квартиры.

— Он там один... Не будем ждать. Давай я тебя придержу и направлю...

Михаил ощущил на плече его горячую ладонь, собрался и пошел, как ему показалось, по той линии, которую указал Азазель, в то же мгновение переместился в небольшую комнату, захламленную старинной мебелью и множеством книг, что занимают все полки вдоль стен, громоздятся на столе и даже высятся неопрятной грудой в углу, занимая почти треть комнаты.

Азазель рядом сказал тихо:

— Идет сюда из кухни...

В дверном проеме появился старик с большой расписной чашкой в руке, сделал пару шагов и наконец, ощущив что-то неладное, поднял взгляд от чашки, охнулся.

Пальцы разжались, чашка вывалилась из ослабевших пальцев. Михаил видел, как она падает, переворачиваясь и расплескивая чуть коричневатый чай, однако на уровне его домашних тапочек замерла, а брызги чая, не достигнув пола, собрались в огромную каплю и втянулись в чашку, что медленно поплыла к столу и там опустилась на край.

Судя по испуганно-ошарашенному лицу старика, это все проделал Азазель, он же сказал весело:

— Простите, мы гости непрошеные... но такая уж у нас работа. Приходим, когда не просят, и делаем то, что хозяевам не всегда как бы нравится. Вы и есть Андрей Исаевич?

Старик пролепетал:

— Кто... вы?

— Комиссия, — ответил Азазель. — Вы можете сесть и пить чай, а то остынет. Мы тоже с вашего позволения сядем, вам так спокойнее, верно?

Старик сел у стола, но к чашке не притронулся, смотрел испуганными глазами.

— Что вы хотите?

Голос его был слабый и дрожащий, то ли хорошо играет роль старика, то ли в самом деле стар и не притворяется.

— Отчет, — произнес Азазель жестко. — Вы наверняка знаете, демонам появление среди людей запрещено. Но вы появились сами... и перетаскиваете еще и других?

Старик посмотрел на него, перевел взгляд на Михаила, тот постарался выглядеть строгим и загадочным, снова взглянул на Азазеля.

— Я слышал, — произнес он так же слабо, — что кто-то из Древних незримо надзирает и жестоко карает... Потому я за всю долгую жизнь ни разу не нарушил ни единого правила людской жизни.

— Только поэтому? — уточнил Азазель.

Старик ответил со вздохом:

— В благородные намерения кто поверит, когда все вокруг врут?.. А вот в страх перед наказанием...

Все верно, подумал Михаил, но смолчал, Азазель только поморщился.

— А как ведут себя те, — сказал он жестко, — кого перетащили сюда?

Старик взмолился:

— Я никого не перетаскивал!

— А как здесь появился демон, что теперь в теле мальчишки? — спросил Азазель. — Гена Коваленко, не так ли? Думаю, он не один, верно?.. Говорите. И, предупреждаю, с нами не хитрят.

Старик сказал дрожащим голосом:

— Он там был так несчастен!.. А здесь я видел в глубоком несчастье двух хороших и добрых людей. Я подумал, что два несчастья можно превратить в счастье для них всех... Мне казалось, все так и получилось...

— Самовольство, — резко сказал Азазель. — Это наказуемо!

Михаил обронил:

— В основном запрещено и наказуемо.

— Хочешь сказать, — рыкнул Азазель, — могут быть исключения?

Михаил кивнул.

— Комиссия занимается глобальными проблемами. В мелочи не вникает. Одну из этих мелочей исправил этот...

Азазель спросил резко:

— Покажи свой облик!

Старик взмолился:

— Это мой и есть... Моя мать простая женщина, только отец демон. Да и то наполовину, это дед был чистым демоном, но он давно погиб, у нас там частые войны. Потому я такой вот...

— С кем держишь связь на той стороне? — спросил Азазель.

Старик вздохнул, поднял голову.

— Я готов принять смерть.

— Вижу, — отрезал Азазель. — Но в твоей смерти необходимости пока нет. До тех пор, пока не увидим нарушений. Других, как мы понимаем, тоже удерживаешь от глупостей?

— Стараюсь, — проговорил старик слабо.

— Вроде бы удерживаешь, — сказал Азазель с сомнением. — Мы бы заметили. Ладно, проверим еще разок. Пока что разрешим тебе жить и курировать этот район... но нам нужны все нити, что идут мимо нас на ту сторону.

Старик посмотрел на него в удивлении, потом с надеждой, но Михаил видел, как затем в его глазах простили сомнение и подозрение.

— Вы хотите прервать эти нити?..

— Это будет зависеть, — ответил Азазель, — от многоного зависит. Ты наверняка знаешь, мы позволяем жить среди людей адекватным демонам. Которые приносят пользу и платят исправно налоги. Но все должны быть у нас на учете. На строгом и неусыпном.

Старик пытливо всматривался в его лицо.

— Я слышал о падших ангелах, что продолжают охранять людской род...

— Ты не ошибся, — бросил Азазель. — Контакты! Все до единого!

Михаил молча поглядывал, как старик выкладывает Азазелю все имена и явки, осмотрелся в квартире, старенькой и захламленной, как часто бывает у стариков, у них это называется хозяйственностью и домовитостью, хотя это вообще-то неумение отличить важное от неважного.

Похоже, старик в самом деле счастлив жить вот так, ничего не старается приобрести сверх, хотя, наверное,

мог бы. Потому пусть решает Азазель насчет этого достаточно безобидного демона. Если, конечно, Азазель сумеет поставить его под неусыпный контроль, чтобы и сам неадекватных здесь не пристраивал к жизни, и сообщал, если такие где появятся.

— Михаил, — позвал Азазель, — кончай дремать, мы закончили.

Михаил спросил мрачно:

— Дом тоже уничтожаем?

Азазель улыбнулся одними глазами, оценив попытку Михаила держаться в роли грозного инквизитора.

— Соглашение достигнуто, — сообщил он, — здесь вроде бы все под контролем. Мы уходим.

Старик, еще не веря в спасение, проводил их до двери, но когда закрыл за ними, Михаил услышал стук задвигаемого засова, но это так, для успокоения, такое не спасет, их мощь чувствует, даже видел намек на нее, когда Азазель с небрежной легкостью мгновенно среагировал и спас чашку с пролитым чаем.

Уже на лестнице Михаил сказал неуверенно:

— Но здесь существует полиция, федералы, гвардия, даже чрезвычайники...

— Знаю, — буркнул Азазель настороженно. — И что?

— Это законная власть, — сказал Михаил уже несколько тверже. — Закон и порядок. Разве мы не должны подчиняться закону... хотя бы в какой-то мере?

Азазель прошел вперед, придержал дверь подъезда для Михаила с таким видом, что тот иначе попер бы, как дурная коза, прямо на стену.

— Ты верно сказал насчет какой-то меры, — заметил он. — Все верно, в какой-то мере. В этой самой мере мы даже сотрудничаем. Точнее, не сотрудничаем, полиция о нас не знает, однако мы делаем свою немаловажную часть работы на общество. Во имя его блага.

— Но закон...

Азазель прервал:

— У нас совпадение в базовой части. Насчет того, что зло должно быть наказано. А еще мне нравится пункт о неотвратимости наказания.

— Тогда почему не сотрудничаем?

Азазель вздохнул.

— Законы слишком... забежали вперед. Умники их разрабатывают, можно сказать, для двадцать первого века, а человек вообще-то только-только вышел из Средневековья. В целом, конечно. Есть такие, которых хоть сейчас в двадцать второй век, но хватает и таких, которым бы шкуры на плечи и каменные топоры в руки.

— Понятно, — пробормотал Михаил. — А закон различий не делает, перед законом все равны... так?

— Так, — согласился Азазель. — А вот мы гибче, согласен?.. И работаем эффективнее, потому что руки наши свободны от цепей уставов и параграфов.

Он снова прошел вперед и распахнул перед Михаилом дверцу автомобиля, тот так и не понял, учтивость это или какое-то издевательство.

— Садитесь, ваше сиятельство.

— Благодарю, — буркнул Михаил.

Азазель обошел автомобиль и сел за барабанку руля, лицо его оставалось озабоченным и даже недовольным.

— Но все равно, — сказал он, — контроль контролем, но слишком много демонов среди людей вообще-то чревато! Сейчастише воды, ниже травы, но если вдруг поднимутся?

Михаил молча смотрел, как он запустил мотор и вырулил на улицу, наконец проговорил с сомнением:

— Думаешь, могут?

— Если найдется лидер, — ответил Азазель. — Демоны плохо поддаются коллективной работе, но очень многие из них сильнее людей, а это решающий фактор.

— Тогда нужно ужесточать уже сейчас?

— Надо, — ответил Азазель, — чуть разгребемся с неотложным, сразу же...

Через полчаса, когда автомобиль оставили на стоянке на том же месте, где и взяли, Михаил все ждал неприятностей, когда выходили через ворота с датчиками, но ничего не случилось, наконец шепнул тревожно:

— Сигнализацию обманул, понятно, но откуда знал, что хозяин не заметит?

Азазель отмахнулся.

— Много факторов. Не говоря уже о том, что окна их офиса выходят на другую сторону. К тому же здесь очень мощная система защиты. А чем авто защищен круче, тем хозяин больше уверен, что его машину никто не сламзит. Иди вот сюда, место укромное, никто не заметит, что мы были, а потом нас как бы и не стало...

Глава 4

Михаил, очутившись в чуланчике, моментально вышел в прихожую, Азазель ничего не сказал в спину, что значит, удается управляться со скачками все быстрее, как и вообще все успешнее осваивается со своими возможностями элементала.

За спиной тихохонько звякнул смартфон. Михаил обернулся, Азазель с недовольным лицом выдернул из нагрудного кармана двумя пальцами мобильник, словно ядовитое насекомое, поднес к уху.

Михаил, насторожив слух, слушал скороговорку явно испуганного человека, лицо Азазеля с каждым мгновением становилось все злее, брови сдвинулись, наконец сказал раздраженным тоном:

— И что, никто не остановил?.. Ладно, если ближе никого...

Михаил терпеливо ждал, Азазель тяжело вздохнул, глаза блеснули нехорошим огнем, а когда сунул смарт обратно и повернулся к нему, на губах пропустила злая усмешка.

— Вот жизнь, даже отдохнуть не дают. Трудно быть подвижниками, верно?

— Что-то случилось? — спросил Михаил и покосился в сторону кухни, откуда валят зазывные ароматы и где сверкает хромом и никелем овеществленная Сири.

Азазель поинтересовался:

— Не хочешь попробовать решить проблемку самостоятельно?..

Михаил пожал плечами.

— Да я вроде бы уже пробовал.

— И получилось?

— Как будто не помнишь!

Азазель хмыкнул.

— Да я не очень уверен, что у тебя получилось. Ну ладно, когда-то придется под своим парусом!.. Нет-нет, склеивать ласты не собираюсь, но если желаешь приобрести опыт...

— Что нужно сделать? — перебил Михаил. — Не растекайся мыслью по стенам. И что за проблема?

Азазель сказал наставительным голосом:

— Демоны демонами, но беда чаще от людей, что неудивительно, верно? От людей все на свете, как плохое, так и очень плохое. А то и вообще... Это они находят и прочитывают древние книги, где заклятия хоть и зашифрованы, однако с помощью компьютеров удается прочесть достаточно легко. Единственное, что не позволяет прочесть все, — это старинные названия ингредиентов...

— Разве этого нет в старых книгах? — спросил Михаил. — Других авторов?

— Чародеи обычно используют местные наименования, — пояснил Азазель, — а то и придуманные лично... Вот если напишу «кролик» или «хомячок», а буду иметь в виду тебя, но вряд ли кто-то поймет... Ладно, неважно, это детали. Какой-то умник сумел прочесть одно старое заклятие...

— И вызвал демона?

— Да. Догадайся, что дальше?

Михаил пожал плечами.

— Ошибся в заклинании?

— Не в заклинании, — уточнил Азазель, — иначе бы демон не появился. Просто, будучи торопливым и жадным дураком, не продумал меры защиты.

— Понял, — ответил Михаил. — Демон утащил в ад? Азазель взглянул на него в изумлении.

— Я бы за это только спасибо сказал! Но демон гуляет сейчас на воле!.. Единственное добroе дело — сожрал того неудачника. Готов? Это надо быстро, пока не стало известно... Прибей его так, чтобы никаких следов, это просто, умеешь. Потом скакнешь прямо в наш чуланчик!.. Запомнил?.. Туда никто не заходит, повторяю. Прыгай смело. Понял? Это я могу куда угодно в квартире, а ты, как Попельушек, в чуланчик.

— Запомнил, — ответил Михаил. — Спасибо, Азазель.

— Поторопись, — сказал Азазель. — Демон еще там, в квартире, но нельзя, чтобы успел выйти... Нет-нет, погоди! Я сам тебя отправлю. У меня получится точнее...

Он развернул Михаила к себе лицом, с силой сжал ему плечи. Михаил спросил быстро:

— Демон из сильных?

Азазель фыркнул:

— Шутишь? Сильный и ногой не шелохнет, чтобы прибыть на зов какого-то человечика! Даже пальцем. Но нам и мелочь здесь ни к чему.

На миг вспыхнул свет, в то же мгновение подошвы Михаила уперлись в мягкий толстый ковер, в окно бьют лучи заходящего солнца, а из соседней комнаты доносятся раздраженное ворчание, треск дерева и скрип мебели.

Он перевел дыхание, момент скачка всегда чуточку тревожит, пальцы торопливо прошлились по кобуре скрытого ношения, пистолет на месте, и двинулся на шум.

Дверь в соседнюю комнату распахнута, он сдвинулся чуть и увидел в гостиной огромного демона, что выше его на голову, отвратительно серый, как гигантская летучая мышь, с красными, горящими злобой глазами и короткими заостренными рогами.

В лапах у демона стул, от которого отламывает по ножке, сует в пасть, жует и с отвращением выплевывает щепки.

— Пластик, — сказал Михаил, медленно приближаясь, — это невкусно, согласен.

Демон обернулся, вперил в него взгляд горящих глаз.

— Человек? — прорычал он. — Еще один?

— Да, — согласился Михаил. — Еще. Но в отличие от хозяина этой квартиры я блюститель порядка.

— Ух ты, — рыкнул демон. — И что блюдешь?

Михаил сказал строго:

— Как блюститель, я должен тебя истребить. Но ты сделал доброе дело, сам лишив жизни нарушителя, что собирался сделать я... Потому, посоветовавшись с собой, строгим, но милосердным, разрешаю вернуться в ад живым и неискаженным.

Демон гулко хохотнул.

— Правда?.. Какой ты добрый... Я тоже. Сожру только твою голову, а остальное оставлю на ужин.

— Не глупи, — сказал Михаил надменно. — Я же сказал, как блюститель порядка, я при исполнении. И я тебя исполню!

— А я тебя сожру, — сообщил демон. — Просто, без штучек.

— Ладно, — сказал Михаил. — Не хочешь добром, отправлю силой...

Договорить не успел, демон ринулся с такой скоростью, что рука только дернулась к рукояти пистолета, как демон ударил в него всей мощью огромной туши.

Похоже, в страхе он сумел как-то напрячь тело, все-го лишь легкий толчок, сухо хрустнуло, демона отбросило, словно ударился о каменную гору, а на пол свалился сломанный под корень рог.

Демон поднялся, помотал головой, на Михаила уставился с полнейшим недоумением.

— Ты... чего?

— А ты? — спросил Михаил. — На служителя закона и порядка? Даже правопорядка?

— А ты чего такой?

Михаил указал на рог посреди комнаты.

— Как ты мог? — спросил он строго. — Рога терять недопустимо. Лучше потерять полковое знамя, чем рог. Как будешь жить без рога? Хуже того, с одним?.. Поэтому я милостиво лишаю тебя жизни...

Он говорил и, рассматривая демона, прикидывал соотношение сил. Демон, как и предупредил Азазель, точно не из сильных, а это значит, можно обойтись без меча, благородное оружие по пустякам не обнажают.

Пальцы уже потянулись к рукояти пистолета, но странное ощущение силы, к которому еще не привык, начало заполнять с головы до ног, как горячая вода пропитывает вату, делая ее тяжелой и незнакомой. Незнаное ранее и чуточку пьянящее чувство, что может, как предупреждал Азазель, очень быстро довести до беды...

Наблюдая за демоном, который стал очень осторожным, он наконец-то впервые сумел сконцентрировать часть силы, полуоглушенный демон наконец пришел

в себя, сделал шаг вперед, поднимая обе лапы, и Михаил резко выбросил в его сторону руку.

Он сам ощутил, что сумел, впервые сумел, даже кулак разжал вовремя, выбросив из ладони нечто леденящее. Демон вздрогнул и застыл, на глазах превращаясь в сверкающую изморозью глыбу.

Михаил сам не ожидал, что демона охватит толстым слоем льда. Огромный и страшный, демон оказался в нем, как вмороженная в льдину неосторожная лягушка, Михаил видел распахнутый в беззвучном крике рот с двумя рядами острых зубов и вылезающие из орбит глаза.

В испуге, что натворил такое, он поспешил ударил кулаком по глыбе. Она не раскололась, а против ожидания разбрзгнулась мелкими блистающими осколками.

На миг показалось, что демон будет освобожден, сердце пугливо дернулось, однако промороженный насквозь демон успел стать частью льда, и в половине осколков оказались части его тела.

Михаил задержал дыхание, когда льдинки со звоном дорогостоящего стекла обрушивались на пол, быстро расплывались лужицами и моментально испарялись.

Через несколько секунд не осталось и следа, а так комната, как обычная комната, не скажешь, что здесь обитал чародей, пусть даже не самый удачный, разве что на полу опрокинутый стул с отломанными обгрызенными ножками, на которых хорошо заметны следы острых зубов.

— Фу-ух, — сказал он вслух, сердце колотится, как у зайца в волчьих лапах, — в самом деле получилось...

На всякий случай прошелся по квартире, Азазель сказал бы, что здесь обитает человек творческий, судя по беспорядку, даже очень творческий, демон только добавил признаков творчества.

Уже собрался совершить скачок в квартиру Азазеля, представил себе тот чуланчик как можно отчетливее,

это у Азазеля все легко, а ему приходится напрягаться так, что весь превращается в тугой комок нервов, как за спиной щелкнула входная дверь.

Он дернулся, быстро развернулся, рука метнулась к рукояти пистолета. В прихожей появилась молодая женщина с усталым нездоровым лицом, одета небрежно, очень миловидная, но явно и давно не следит за своим внешним видом.

Увидев Михаила, замерла в испуге и каким-то заторможенном голосом проговорила с трудом:

— А где... Яшка?

— Хозяин этой квартиры? — уточнил Михаил. — Его звали Яшкой?

Она медленно кивнула.

— Да.

— Почему?

— Не знаю, — ответила она растерянно. — Наверное, потому что он Яшка?.. А что с ним случилось? Где он?

— Он задолжал кое-кому, — пояснил Михаил. — И хотел еще обмануть. А такое не все прощают.

Она сказала трусливо скулящим голосом:

— Ой, я же говорила не связывайся с такими... Приторговывал бы спайсом, как раньше, за это теперь даже не сажают...

— А с кем связался? — поинтересовался Михаил.

Она взглянула на него пугливо.

— Когда вернется, прибьет...

— Не вернется, — заверил Михаил. — Такие не прощают.

— Братство Бафомета, — проговорила она тихо. — Больше ничего не знаю... У тебя спайса не найдется? А то у меня ломка... Да, уже пошла...

Он вытащил пару крупных купюр, опустил на протянутую ладонь.

— Купи себе что-нить сладкое.

И вышел, не закрывая за собой дверь, где на лестничной площадке вызывал лифт, а из уже двигающейся кабинки, сосредоточившись, сделал прыжок в чуланчик Азазеля.

Глава 5

На миг закружилась голова, чего не было, когда Азазель переносил, оперся о стену, вздохнул пару раз. Стены перестали покачиваться, он отодвинул засов и вышел в прихожую.

Из кухни донесся отвратительно бодрый голос Азазеля:

— А-а, вернулся?.. Ну как, развлекся?

— Таким не развлекаются, — заметил Михаил строго. — Что такое братство Бафомета?

Азазель на кухне, забросив ноги на стол, просматривает что-то на широкоформатном планшете, хмурил брови, но когда появился Михаил, поднял голову и всмотрелся с интересом.

— А как же насчет приятного с полезным?.. Еще не освоил?.. Или это коня и трепетную лань?.. О братстве Бафомета не слышал, но сейчас взгляну...

Он быстро-быстро потыкал пальцем прямо в экран, всмотрелся, на лице вместе с удивлением отразилось и торжество.

— Ого, какие голубчики... Эта дрянь множится, как поганки...

— Тайное общество?

Азазель отмахнулся с пренебрежением.

— Считается тайным, потому что тайное так таинственно, ха-ха, завлекательно для дураков... На самом деле что попало в Инет, уже не тайное. В Вики пока еще ничего, просто не успели, но будет. Там о прикурках

пишут чаще, чем о великих ученых или мыслителях... Так-так, структура, иерархия... блин, они себя масонами возомнили, что ли?.. Те могут обидеться. Но численность сторонников растет, что и понятно, у нас дураков на сто лет вперед запасено... Их хотя не сеют и не жнут, а каждый день откуда-то новые вылезают...

Михаил опустился за стол, ноги в самом деле ноют, а в теле усталость, словно трудно и тяжко работал весь день, пренебрегая обедом и завтраками.

Азазель придвинул ему блюдо со сдобными домашними пирогами, еще горячими. Сири старается, отрабатывает полученную платформу и надеется на bipedную, хотя, конечно, уже даже он понимает, что ничего она вообще не думает, но так самим представлять интереснее.

— Тоже черные мессы? — поинтересовался Михаил.

Он взял, как велит этикет, ближайший к нему, тот сразу смялся в его ладони так, что стал тоньше папирской бумаги. Разозлившись на себя, он пренебрег правилами хорошего тона и выбрал самый крупный, хотя такой же нежный и сдобно воздушный, разве что с похрустывающей корочкой.

— Типа того, — согласился Азазель. — Сейчас какой только хреню не увлекаются, лишь бы не учиться и не работать!

— А что, — уточнил Михаил, — Бафомет в самом деле у них управляет?

Азазель посмотрел, как на помешанного.

— Бафомет?.. Да Бафомет абсолютно земными людьми не интересуется!.. И никогда здесь не был, с людьми не общался. У него там работы полно. Он еще и повоевать любит, он же глава вида демонов Силы!

— Козел? — спросил Михаил и пояснил: — У этого неудачливого мага пентаграммы по всей квартире и рисунки с Бафометом в виде козла.

— Бафомет выглядит вполне по-человечески, — ответил Азазель. — Это на гербе козел да еще в пентаграмме... Потому дураки и решили, что он сам козел! Некоторые из них и меня козлом называют.

Намек был слишком прозрачен, Михаил поморщился.

— Сам сказал, все мужчины козлы. Вот в этом смысле и ты козел хермонской породы, что еще круче нубийской!..

— У Бафомета красавица жена, — сказал Азазель, — и куча детишек. Старшего зовут Локисором, сокращенно Локи. С такой семьей он не пойдет руководить каким-то братством молодых дураков, которым только стекла бить на остановках транспорта да покрышки жечь... Забей, они не стоят нашего внимания. Поиграются и начнут создавать что-то другое, вроде обществ любителей трамвайных билетиков... Справился легко?

— Даже кое-что опробовал, — признался Михаил.

— Что?

— Я же элементаль, — напомнил Михаил. — Должен владеть стихиями. Ты говорил, что могу поджигать и замораживать.

Азазель вскрикнул встревоженно:

— Ты что, полгорода сжег?

— Успокойся, — сказал Михаил быстро. — Я пробовал магию замораживания. Не поверишь, получилось!.. Не знаю, если бы был демон посильнее, то, может, и не удалось бы, но это — как жабу в лед!.. Моментально, и не пискнул. А потом просто разбил эту глыбу.

Азазель выдохнул с заметным облегчением.

— Фу-у, а то я уж подумал.

— Еще бы, — сказал Михаил с сарказмом.

Азазель повернулся в сторону кухни, заорал весело:

— Сири, Мишка совсем голодный, потому сердитый!.. Напеки ему блинчиков с мясом штук двадцать!.. Это помимо самого обеда.

Он и сам поднялся, потянулся, Михаил выждал и пошел за ним следом на кухню.

Сири, быстро разъезжая вдоль длинного кухонного стола, быстро-быстро орудовала всеми четырьмя манипуляторами, готовила, жарила, пекла, а Михаил, наблюдав за нею с удовольствием, поинтересовался:

— Азазель... от ваших двухсот бунтующих ангелов, как ты сказал, мало что осталось?

Азазель хмыкнул.

— Только сейчас догадался, зачем ты здесь?..

— А что с ними?

Азазель поморщился.

— Ты же Бракиеля и Гамалиэля видел?.. Выходит, пасть можно не только в бою. Но на смену павшим должны вставать молодые и сильные?

Михаил сказал сухо:

— Я старше твоих соратников.

— Ты молод душой, — заверил Азазель. — Сири, мы занимаем королевские места за столом на кухне!.. Поторопись. Мишка уже ножку стола грызет, а у меня мебель дорогая, эксклюзивная, а он еще зарабатывать не начал...

— Кстати, — сказал Михаил с растущим подозрением, — ты говоришь, порталы из ада создать практически невозможно! Как и в ад. Но как же тот неудачник сумел вызвать демона?

Азазель отмахнулся.

— Он не создавал портал. В древности люди чаще общались с демонами. Для этого были созданы призывающие заклятия. Не всех, конечно, а тех, с кем наладили контакт... Времена шли, те люди померли, но некоторые заклятия остались в старых книгах... А портал — это врата, через которые прут незваными.

Некоторое время молча работали за столом ножами и вилками, наконец Михаил поинтересовался:

— Так что насчет Бракиеля и Гамалиэля?.. Они же не одни... пали?

Азазель прожевал здоровенный кусок мяса, сказал хриплым голосом:

— Фу, еле проглотил... Что жадность с нами делает?.. Да что ты о павших за столом? Нужны веселые песни!.. К примеру, ты же видел по Гамалиэлю, что когда пьет из сфиrot, он Гамалиэль, а когда из клипот — Нихшиэль?..

— Заметил, — ответил Михаил мрачно, — еще бы такое не заметить. Порок и святость?.. В святости удержаться трудно, а в порок скатываться легко?

— Это трюизм, — согласился Азазель, — или, как говорят теперь, капитанско очевидное. В порок скатываться легко, вот так отряд и теряет бойцов. Хотя, конечно, бывают исключения...

Михаил поднял взгляд на занятого разделыванием бифштекса Азазеля.

— Это ты о себе?

— Мне хвалу поют другие, — ответил Азазель, — а сам я сплошная и ничем не прикрытая скромность. Я несколько о другом.

— Ну-ну?

— Высшие демоны, — заметил Азазель, — в известной мере... гм... разносторонние личности. К примеру, Самаэль, Сатан и Люцифер хотя одно и то же, но в разных ипостасях он разный, понимаешь?.. Вижу, прямолинейным ангелам трудно такое уразуметь, вы все... гм... однолики. А вот люди, кстати, в разных ситуациях бывают как раз разными. Правда, у них это не так заметно. Ну разве что покраснеют от гнева или нахмурятся, а вот демоны могут меняться очень даже сильно... Как вон в Нихшиэле трудно узнать Гамалиэля, верно?

Михаил кивнул, с ответом замешкался, в голове промелькнула неожиданная мысль, настолько яркая

и неправдоподобная, что отбросил сразу, не успев пощупать, а теперь старался вспомнить, вдруг это озарение, но не получалось.

Мотнул головой, еще раз попытался, сказал с досадой:

— Что-то понял, хоть и странно все это... А к чему ты это сказал?

Азазель сделал большие глаза.

— Что, обязательно нужно к чему-то? А просто светский пустопорожний, но приятный треп на веранде с бокалом хорошего вина в руке?

Михаил в недоумении огляделся.

— А где веранда?

Азазель вздохнул.

— Нет у тебя воображения, Мишка. Потому тебе нужны обязательно женщины! Не художник ты, не артист, как были, скажем, великий Нерон или Калигула... Хотя это хорошо. Представляю себе армию из художников. Или, прости за бранное слово, артистов... С другой стороны — солдат всегда солдат!.. Это почетно. Во время войны солдатам вообще позволено больше, чем полководцам... И вообще солдат — последнее звено эволюции животного мира!.. Где пройдет олень, там пройдешь или проползешь и ты, Мишка! Одно меня беспокоит...

— Что? — буркнул Михаил.

— В ранце каждого солдата лежит жезл маршала, — сказал Азазель, — но ты уже и так архистратиг и маршал!.. Так что у тебя там лежит? Мне даже подумать страшно...

— Остряк, — сказал Михаил недовольно, — болтун. Как я понял, ты побывал недавно в аду? Что-то важное вызнал?..

Азазель отмахнулся.

— Опять за рыбу гроши!.. Почему в аду? А если я просто прошвырнулся по бабам? Ничто скотское мне не

чуждо... хотя люди стыдливо скотское заменяют словом «человеческое», как будто все остальное время теории единого поля разрабатывают или экспедицию на Марс готовят!

— Не бреши, — сказал Михаил. — Так готовимся к рейду в ад или нет?

— Нет, — отрезал Азазель твердо. — Одному мне вряд ли справиться, а коллег я не собираюсь подвергать неоправданному риску.

— Бианакит, — напомнил Михаил, — и Аграт хорошо себя показали в рейде под Сигором. Могли бы вчетвером... Тем более, как я понял, Аграт ад знает хорошо?..

— Как и здешний мир, — ответил Азазель, не сводя с него взгляда.

Михаил пробормотал:

— Да?.. А мне показалось, она вся оттуда.

Азазель посмотрел внимательно, вздохнул.

— Дотошный... Конечно, теперь до всего докопаешься?

— Да уж постараюсь, — ответил Михаил настороженно, хотя непонятно, на что Азазель намекает и к чему подталкивает. — Так что лучше выкладывай. Лучше ты сам, чем я, а то еще и додумаю.

Азазель вздохнул еще тяжелее, отодвинул пустую тарелку, жестом велев Сири сварить кофе покрепче, повернулся к Михаилу и прямо взглянул ему в глаза.

— Ты угадал, — произнес он. — Даже не угадал, а... просчитал верно и точно. Эта способность к тебеозвращается и на земле. Да, Аграт бывала в Содоме часто. Наша молодость, беспечная и разгульная, молодость существ, что наконец-то выскоились из-под опеки родителей и могут оторваться по полной... Мы и отрывались, как и все люди в городе! Почти все. Порок заразителен, скатываться в него легко, выбираться труд-

но. Тех, кто удержался, называют подвижниками, а это значит, их мало, понимаешь?

Михаил произнес сквозь сжатые челюсти:

— Говори яснее.

— Дело в том, — ответил Азазель тихо, — что большинство демонов, как и большинство людей, могли только опускаться и опускаться. Лишь немногие сумели понять, что происходит... Они вырвались, Михаил!

— Ты хочешь сказать...

— Да, хочу, но не знаю, на какой козе к тебе подъехать!.. Аграт покинула Содом задолго до того, как Господь обрушил на него свой гнев. Она повзросла или выросла, называй как хочешь, но дурачества стали ей неинтересны. Когда огненный ливень обрушился на долину Пяти городов, она в Египте изучала храмовые свитки, стараясь получше узнать историю и обычай древних народов. Понимаешь, Михаил, всему свое время. Если человек развивается, он бесится в юности, но потом отходит от дури, взрослеет и ведет себя по-взрослому. Конечно, взрослеют не все, большинство все-таки остаются молодыми идиотами до старости.

Михаил в недоверии покачал головой.

— А что Аграт?

— Михаил... Сам Иисус, посланник Творца, сказал, что раскаявшаяся блудница ценнее сотни девственниц. Девственницы еще могут впасть в грех, могут вообще из него не выйти, этот скользкий путь ведет только вниз, но кто из него сумел выйти, это в самом деле... настоящая чистота и подлинная непорочность. Это значит, грех не смог их победить, хотя и очень сильно старался.

Две большие чашки, наполненные до краев горячим кофе, поплыли по воздуху к столу. Азазель перехватил их, одну поставил перед Михаилом.

Михаил взял чисто механически, осушил, бездумно глядя перед собой, а когда Азазель торопливо подал ему свою, молча взял и сразу отпил половину.

— Ничего не решай, — попросил Азазель. — Сейчас вот не решай. Господь не зря дает людям, демонам и ангелам эти семьдесят два часа. Но уже утром и я, и Синильда будем готовы принять твой суд, не прекословя.

Михаил вздрогнул, все части головоломки мгновенно соединились, он ощутил, что постоянно растущее подозрение оказалось не игрой больного воображения.

— Синильда? — проговорил он, уже чувствуя, что задает риторический вопрос, — а она при чем?

Азазель проговорил нехотя:

— Не говори, что только сейчас догадался... Или в самом деле? Ты же докапываться начал давно... Да, Синильда и Аграт — всего лишь два лица, как вот ты, когда пьешь кофе в мягким кресле и дерешься с врачом — два разных человека. Я думал, ты начал догадываться, когда увидел, как Гамалиэль превращается в Нихшиэля.

— Тогда еще смутно, — пробормотал Михаил, — даже не понимая, что меня тревожит... Значит, Синильда со мной была сперва в одном облике, потом в другом?

— У людей это не так зримо, — согласился Азазель, — потому ты не сразу все понял... Конечно, Синильда, будучи в образе Аграт, ржала, когда ты отказывался с нею спать и важно вещал о верности Синильде! Но ты молодец, доказал очень важную вещь.

Глава 6

Михаил от стыда не знал, в какую скорлупу спрятаться, отводил взгляд, проговорил со злостью:

— Что еще я натворил?

— Ты победил, — сказал Азазель серьезно. — Отстояв свою невинность от настойчивой Аграт, а она может быть хитрой и очень напористой, ты кое-что показал ей.

— Да иди ты...

— В самом деле, — сказал Азазель. — Смех смехом, но ты указал, какую женщину предпочитаешь. Не страстную стерву, а милую и ласковую женщину, чуткую и верную. Настоящие мужчины выбирают женщин не в постелях! А Аграт делала ставку на постель и свои вольные вольности.

Михаил сказал с усилием:

— Но Аграт все еще Аграт... она не стала Синильдой полностью.

— Михаил, — вскрикнул Азазель укоризненно. — Никто из нас не совершенен!.. Даже лучшие и чистейшие люди общества время от времени тайком посещают кто казино, кто бордели... Да, понимают, так нехорошо, стараются так не делать, но иногда что-то в организме переключается, и срываешься помимо воли... Кто-то ненадолго, кто-то вообще одноразово, а некоторые, увы, катятся вниз и катятся... Синильда не покатилась! Она чиста.

Михаил слушал, слова доходят тусклые, лишенные смысла, словно все теряют по дороге из другой вселенной, а то чувство, что здесь называют депрессией, не навалилось, а оглушило, как молотом по темени.

Азазель молча налил ему в большой бокал вина, как подумал Михаил, и только когда взял из его руки и выпил, ощутил, как выдержаный коньяк опускается по горлани в желудок.

Он вспомнил, или это тело напомнило, как Синильда прижималась плечом, смотрела печально и преданно, а когда чувствовала его усталость, вздыхала так горько, что он не мог удержаться, чтобы не ухватить ее в объятия и не начать горячо уверять, что ничего трагичного, все просто прекрасно, он счастлив с нею.

И на самом деле, если слушать Азазеля, трагичным кажется только ему, но это у него, а не у других нечто прекрасное и светлое заслонила огромная черная гора, и он оказался во тьме, что и не тьма, но все же отсутствие прежнего радостного света.

Он тяжело вздохнул, чувствуя, как эта гора давит на грудь, но одновременно есть и ощущение странного освобождения, словно раньше был скован незримыми цепями, а теперь вот ветер вольности.

Азазель поднялся, сказал тихонько:

— Полежи на диване, отдохни. Вспомни Обломова, это у него была такая форма борьбы с мрачной действительностью. Свыкнись с новыми данными о мире. И еще... удержись.

Михаил буркнул:

— В чем?

— В прежнем, — ответил Азазель очень серьезно. —

У плоти очень мощные позывы. Не успеешь оглянуться и понять, что делаешь, а ты, оказывается, уже у них на поводу.

— Уже оказался, — ответил Михаил тусклым голосом.

— Там не только плоть, — напомнил Азазель. — Михаил, ты ощутил в Синильде чистую и светлую душу.

Михаил произнес суховато:

— А работа в эскорте как память о веселых днях Содома?.. Ладно, Азазель, давай пока оставим этот тягостный разговор. Мне нужно подумать и разобраться.

— Могу помочь, — предложил Азазель.

— Самому, — отрезал Михаил.

Азазель вскинул ладони, то ли защищаясь от напора, то ли признавая сдачу.

— Как скажешь. Так труднее, зато надежнее.

Он вышел из комнаты и с деликатностью притворил за собой дверь плотно и бесшумно.

Михаил, не зная, зачем это делает, поднялся и запер дверь на два поворота барашка, а затем вернулся к постели и рухнул, как подрубленное дерево.

В голове все перемешалось, внутри все разогрелось, вот-вот вскипит, мысли злые и суматошные, а когда в отчаянии ухватился за голову, легче не стало, только череп затрещал, а по всему телу стегнула острыя боль.

Сама Аграт, как сообщил однажды Азазель вроде бы вскользь, разъезжала на золотой колеснице и без промаха била золотыми стрелами, что было давно, сейчас в облике Синильды прекрасно водит автомобиль и так же без промаха стреляет.

Ладно, Азазель говорит, что среди людей и демонов многое изменилось, не то, что среди застывших в довольствии и блаженстве ангелов, однако материю Аграт является сама Махлат, которая во время стотридцатилетней ссоры Адама с Евой спала с Адамом и родила от него Ашмодея и множество других демонов!

Правда, Ашмодей помог царю Соломону построить великий Храм, а также передал ему «Книгу Ашмодея», ставшую источником мудрости царя, но затем хитростью забросил Соломона на край света, а вместо него несколько лет сидел на троне в Иерусалиме, и хотя правление его было прекрасным, но это было преступлением. Правда, Соломон сумел вернуться и доказать свои права на трон, но с того дня единое Израильское царство рухнуло, сперва распавшись на две враждующие части, а потом и вовсе.

Но Ашмодей когда хотел — помогал людям, когда не хотел — вредил, в то время как большинство демонов только вредили, но вот Азазель всегда и во всем помогает человечеству... как он утверждает, но та ли эта помощь согласно Великому Плану Создателя?

— Ничего не понимаю, — простонал он, — ничего не сходится.

Он ощущал, что говорит вслух, как выживающие из ума старики, поспешно закрыл рот, но опоздал: за дверью послышались шаги, тут же донесся отвратительно бодрый и жизнерадостный голос:

— Как насчет ужина? Сири такое приготовила, просто умница, язык проглотишь! Надо было раскошелиться на платформу раньше.

Михаил огрызнулся:

— Ешь без меня. Мне что-то не хочется.

— А мне пытаться в грустном одиночестве? — крикнул Азазель. — Звонила Синильда... Прости, я сказал, что ты о ней все знаешь.

Михаил ощущал, как холодаеет весь, превращаясь в кусок льда.

— И... что она?

— Повесила трубку, — ответил Азазель. — Странная идиома, верно? Давно нет телефонных трубок, а все еще говорим, будто живем во времена Эдисона.

— И что, — произнес он с трудом, — с Синильдой?

— Нужно время, — ответил Азазель, в его бодром голосе Михаил наконец-то уловил тщательно спрятанное сочувствие, ибо жалеть мужчин оскорбительно. — Размер у людей в самом деле не имеет значения, а вот время еще какое... Лечит, ну да, лечит.

Михаил промолчал, не зная, что сказать, а Азазель там, за дверью, подождал чуть, но ответа не услышал и ушел то ли в кабинет, то ли на кухню, где у него те же компьютеры, экраны и скоростная связь.

«Синильда», — повторил он мысленно, и в памяти всплыло ее нежное лицо, полное любви и ласки, почти наяву услышал ее тихий трепетный голос, но ее мать, могущественная Махлат, держит под рукой четыреста семьдесят восемь легионов демонов, а отцом Синильды-Аграт является сам великий Самаэль, верховный князь всех демонов, который сдержал руку Авраама, не

дав перерезать горло собственному сыну, но в личине Сатана является ангелом-обвинителем человека перед Всевышним.

— Ничего не понимаю, — прошептал он в отчаянии, — почему я думал, что мир прост и ясен?.. Или он и был? Для простых существ, которых Азазель зовет диванными хомячками, мир в самом деле прост?

Проснувшись с тяжелой, как гора, головой, некоторое время лежал с жуткой головной болью и слабостью во всем теле. Очень не скоро сумел заставить уйти или спрятаться где-то в глубине себя боль, потом нашупал нить антисфироты и долго тянул из нее темную мощь, со страхом ощущив, что за ночь как-то ухитрился опустошить все силы на некую титаническую войну с самим собой.

Издали иногда доносятся голоса, Азазель общается с Сири, то ли дает указания, то ли по обыкновению дразнит, жить без этого не может, а она жалобно пищит в оправдание, затем под дверь просочились ароматные и дразнящие запахи поджариваемой яичницы с луком, мяса...

Он смутно удивился, что несмотря на все егоочные метания и поиски кто виноват и что делать, организм требует пищи, потому что терзания терзаниями, но базовые потребности нужно удовлетворять, веселившись ты или впал в депрессию.

Азазель на кухне перед большим экраном двигает руками в воздухе, а тот, разбитый на множество оконшек, послушно выбрасывает на поверхность различные фото, чертежи, надписи и формулы, расчеты, снова фотографии как поверхности земли, так и морских глубин...

Заслышав шаги Михаила, Азазель быстро повернулся, свеженький и улыбающийся.

— Хорошо выспался?.. Ты должен отвечать «Спасибо, прекрасно», так принято! Тем более что я, как натура чувствительная, могу всю ночь переживать, что не окружил тебя должным комфортом и удобствами, к которым ты привык!

Михаил отмахнулся.

— Не переживай.

— Как можно? — возразил Азазель. — Не могу себе простить, что арфу до сих пор не купил! А так бы ты привычно играл и пел, играл и пел... Сири, на стол! Да не сама на стол, а то сломаешь, корова ты железная, а из духовки на стол!

Михаил опустился на стул, Азазель взглянул на него пытливо.

— Оживаешь?.. Вообще-то ты прав, Мишка!.. Надо спуститься в ад и дать Зарану по рогам.

Михаил насторожился.

— Чего-чего...

— По рогам, — повторил Азазель со смаком, — дать по рогам, а то и сшибить их на фиг. Я уже присмотрел место в прихожей, где их присобачим под вешалку. Заходишь так это эффектно и швыряешь шляпу на торчащий из стены рог!.. У тебя нет шляпы? Для такого случая заведем. Это же так круто. Я всегда восторгался, как в кино герой швыряет с порога шляпу и... никогда не промахивается. Даже если швыряет, не глядя через плечо. Да-да, через плечо не только показывают, но и швыряют! Хотя швыряют не только через плечо... Тебе какую шляпу: трибли, порк-пай, хомбург, цилиндр или легкомысленное канотье?.. Сири, ты не заснула? Накрывай стол!.. Чем-чем, не скатертью, конечно!

Михаил опустил локти на столешницу, чуть наклонился, всматриваясь в отвратительно бодрого Азазеля с угрюмым подозрением.

— Ты о чем?

Азазель картинно охнул.

— Как о чем? Что самое главное в жизни?.. Конечно, трофеи!.. Причем обязательно чтобы присобачивать на видном месте!.. Где-то в прихожей, чтобы все видели, как только входят, и начинали завидовать. Зависть — это такое прекрасное человеческое чувство, что придает остроту и вдохновение поэтам и всем прочим!

Михаил буркнул:

— А при чем здесь шляпы? Ты вообще о чем?

Азазель принял до крайности изумленный вид.

— Как о чем?.. Ты же так горячо настаивал на том, что Заана нужно наказать! Чтобы другим неповадно. Просто пламенно настаивал! Вот и растопил мое ледяное сердце красавца. Нарядного красавца! Видел, какие туфли я приобрел?

Он выставил ногу вперед и пошевелил ею, показывая туфлю с обеих сторон.

Михаил закрыл и снова открыл глаза, но кривляющийся Азазель не исчез, улыбается ехидно.

— Какие туфли? — проговорил Михаил мрачно. — Ты что несешь?..

— Правду, — ответил Азазель и посмотрел честными глазами, — а то и вовсе истину!

Михаил сказал зло:

— Ты же вечером так убедительно доказывал и даже доказал мне на пальцах, что спускаться в ад не будем! Не стоит, нельзя, непрактично, нерационально, и вообще идиотизм!

— Ну и что? — спросил Азазель в изумлении. — А мы что, не романтики?.. Мы же поэты безголовые, зато с сердцами! Нас пламенные сердца ведут, а не какой-то хилый разум, что появился только вчера и еще не встал на ноги!.. А сердца уже у динозавров были, у нас точно такие же, ничего не изменилось. Они нас ведут... гм... в общем, Мишка, гордись, ты меня переубедил!

— Ты... всерьез?

— Будет по-твоему, — сказал Азазель высоким голосом героя-подвижника. — Идем в преисподнюю, находим Зарана и сшибаем рога. Сумку возьми побольше, я не знаю, какого они у него размера. Лучше рюкзак туриста от фирмы «Людвиг Гегельский», у них самые вместительные, хоть и дорогие, зараза.

Михаил откинулся на спинку стула, расставил ноги пошире и, упервшись в бедра, пристально смотрел на Азазеля. Тот ответил победной нахальной улыбкой абсолютного превосходства.

— Признавайся, — проговорил Михаил тяжелым голосом, — где врешь?.. Ты не мог так быстро и беспричинно!

— Беспричинно? — спросил Азазель оскорбленно. — А зачем романтику причина? Мы поэты или не поэты?

— Не выкручивайся, — обвинил Михаил. — Почему поменял свое такое твердое решение?

Азазель в картинном жесте вскинул руки, но словно осознал, к кому взывает, поспешно опустил, а на Михаила посмотрел с непередаваемым выражением укора и вселенской скорби.

— Как ты можешь не верить мне? — спросил он патетически. — Художнику в душе, которого ведут по жизни чувства красоты и любви ко всему живому?..

— Художник, — прорычал Михаил. — Ты хоть одну картину намалевал?

— Художник, — возразил Азазель, — это состояние души, а не профессия! Нерон был по профессии всего лишь императором, но каким художником себя проявил?.. Весь мир помнит его художества! Как красиво Рим сжег, чтобы убрать все эти сраные деревянные домишкы и застроить город беломраморными дворцами?.. Глядя на него, и другой художник, Иван Третий, сжег

бревенчатую Москву и застроил ее каменными зданиями!.. Великих видим по их размаху и масштабам!

— И ты, — сказал Михаил с тяжелым сарказмом, — в их ряду?

— Точно, — подтвердил Азазель, — вот присматриваюсь, что бы сжечь...

— Не увиливай, — потребовал Михаил. — Чего вдруг передумал?

Азазель посмотрел на него взглядом, полным глубокой скорби. Михаилу показалось, что в глазах заблестели слезы.

— Мишка, — сказал он прерывающимся голосом, — ты даже не представляешь, как ты бываешь убедителен! Я ночь не спал, все думал, ворочался, старался найти доводы, чтобы переубедить тебя, но со скорбью признался себе, что не могу, ты прав, ты абсолютно прав! Никакая логика и рядом не лежала, когда приходится разговаривать с тобой, таким чистодушным и прекрасным! Так что идем по твоему зычному призыву, я имел в виду, трубному гласу, прямиком в ад, хоть и окольными тропками! Находим Зарана, сбиваем ему рога и прячем в сумку. Не забудь захватить свой рюкзак, он у тебя больше моего, ты же запасливы...

— Все брешешь, — сказал Михаил с сердцем, — но что тебя на самом деле убедило?.. По морде бесстыжей вижу, брешешь, как собака ксендза.

— Мишка!

Михаил вскинул руки.

— Все-все, сдаюсь. Хочешь брехать, бреши. Но я не поверю, когда и правду скажешь как-то нечаянно. Значит, собираемся? Что брать, когда выступаем? Кто с нами?

Азазель вышел на балкон, повернулся там на пороге.

— Клипот хорошо видишь?

— Лучше бы не видел, — отрезал Михаил.

— А зря, — сказал Азазель нравоучительно. — Подзарядись так, чтобы из ушей выплескивалось. В аду тоже можешь черпать обеими ладонями, но это как со смартфонами — никто еще не придумал моментальной зарядки. А пока заряжаешься, могут и прибить.

Глава 7

Сири, умело манипулируя длинными металлическими стержнями с гибкими пальцами на концах, уже заставила столешницу блюдами со шкворчащей яичницей, мясом трех видов и кучками салата из рыбы и трав, отъехала и наблюдает, готовая убрать пустую посуду или положить добавки.

Азазель, подавая пример, начал есть первым, Михаил тоже взял нож и вилку, поинтересовался медленно:

— Уверен, ты уже продумал... и просчитал до мелочей, как принято у таких безголовых поэтов...

— Не все, — возразил Азазель, — не все! Как сказал Наполеон, нужно оставлять место и для импровизации.

— А разве не все импровизации у тебя отрепетированы и отшлифованы?

— Мишка, — сказал Азазель с укором. — Отрепетированное проходило только в Египте, в Греции или в Риме!.. Уже Средние века подносили сюрприз за сюрпризом, а сейчас ни один год не похож на другой!.. Да что там год, с каждым днем все радостнее жить, хоть и страшнее!..

— Что брать с собой?

Азазель посоветовал:

— Ты ешь, ешь. Там жарко, жирок быстро сойдет, запасайся калориями. С собой брать много не придется, мы сами оружие. Конечно, мечи проверь еще и еще, у тебя с ними пока ясности нет...

Михаил некоторое время ел, чувствуя, что поглощает нечто вкусное, но все это оставалось где-то на втором

плане, вот что значит быть человеком, можно одновременно чувствовать себя и зверем, поглощающим еду, и тем существом, что заглядывает в будущее и старается предугадать, что там его ждет.

— Как туда попадем?

— Через портал, — ответил Азазель. — Если и есть другие пути, я о них не знаю.

— Портал...

— В Гееном, — досказал Азазель. — В один из отдаленных районов. Но не пугайся, там можно передвигаться... тоже быстро. Никаких запретов на это нет.

— Там все такие же?

— Только высшие, — пояснил Азазель, — но их достаточно много, так что подозрения не вызовем.

— Заран в Гееноме?

Азазель доел мясо и яичницу, придвинул к себе поближе тарелку с десертом.

— Точно не скажу, — ответил он, — но клан Малфуса в Гееноме, так что добираться туда проще... не просто, но проще, чем, скажем, попасть во второй или третий уровни. Малфус, если уже забыл, — его отец. Сейчас главное — попасть в сам Гееном. А там уже разберемся, в какую сторону плыть. Малфус — это не бес подзаборный или нол, его отыскать легко.

— А Заран?

Азазель взглянул на него с сомнением.

— Ты меня слушаешь? Мы к нему и потопаем. Сейчас фактически Заран правит кланом. А сам Малфус давно уже увлечен зодчеством. Просто изумительные дворцы строят, если верить слухам!..

Михаил сказал с иронией:

— Верить слухам из ада?

— Я никому вот так с ходу не верю, — сообщил Азазель. — Но все сходятся на том, что Малфус куда лучше в зодчестве, чем в правлении кланом.

— Еще бы, — сказал Михаил с той же усмешкой. — Дворцы видно издали! Зодчих запоминают лучше, чем правителей.

Он отодвинул тарелку, взял из манипуляторов Сири блюдо со сдобными пирогами.

— До тебя и сюда доходят слухи?

— А я любопытный, — сообщил Азазель, — как все творческие люди, и открыт для всего нового, интересного, необычного, порочного и восхитительного!.. Жизнь вообще-то хороша, Мишка! Ты не знал?

— Предполагал, — ответил Михаил. — Но она вправду хороша?

Азазель ответил с негодованием:

— Жрешь такие восхитительные пироги, а не уверен?.. Сири, он назвал пироги невкусными!

Платформа моментально подкатила к столу, Михаил запротестовал:

— Я такое не говорил!

— Говорил, — сказал Азазель кровожадно. — Сири, устрой ему бунт искусственного интеллекта!.. Хотя да, ты же женщина, тогда устрой ей сцену оскорбленной домохозяйки!..

— А я домохозяйка, — уточнила Сири, — или домработница?

Михаил вскинул руки.

— Сдаюсь!.. Пойду собирать рюкзак. Что берем из оружия?

Азазель вздохнул.

— Ничего.

— Даже пистолеты? — спросил Михаил. — В ад, насколько понял, их не знают. Это давало бы нам преимущество.

— Знаю, — сказал Азазель, — но нам лучше не отличаться от местных.

— А... преимущество?

Азазель пояснил чуточку раздраженно:

— Наше преимущество в том, если нас не раскусят. Потому что на земле ты вжился в роль человека, а там придется вести себя как рядовой демон! Именно рядовой, каких пруд пруди. Потому что старших знают в лицо если не всех, то многих.

— Хорошо-хорошо, — сказал Михаил, — ты не злись. Это не тупость, а естественное недоверие честного человека к прожженному жулику. А ножи?

— Ножи можно, — сказал Азазель. — Как это без них?.. Вилки брать не стоит, такие штуки в аду не водятся, будут вопросы, а нож возьми. Что за мужчина, если без ножа? Странные какие-то вопросы... Да, кстати, пистолеты тоже возьмем, ты прав, хоть и Мишка. В кобурах скрытого ношения, чтобы не бросались в глаза. А я подберу подходящие патроны. И запасные обоймы. Побольше, побольше, ты же хозяйствственный.

Михаил вздохнул, Азазеля трудно бывает понять, но уже как-то почти удается, потому начал складывать в рюкзак нужные в походе вещи, после чего Азазель посмотрел, одобрил, выбросил все и положил совсем другое.

— Автомобилей там нет, — предупредил он, — но если кому-то нужно перетащить тяжелое, используют бехемов. Это такие довольно могучие зверюки. Что-то типа быков, только покрупнее, зато бегают, как кони.

— Бехемы, — проговорил Михаил, морща лоб, — что-то знакомое...

Азазель сказал покровительственно:

— Ты знаешь множественное число от слова «бехема». Звучит как «бехемот» или «бегемот». В «Книге Иова» о нем сказано... Погоди, сейчас выведу на экран... Готово, смотри!

Михаил хмуро смотрел на текст, начертанный старой вязью: «Вот бегемот, которого я создал, как и тебя, траву, как вол, ест. Вот сила его в чреслах его, и мощь

его в мускулах живота его. Вытягивает хвост свой подобно кедру; жилы бедер его сплелись. Остов его — трубы медные; кости его — как прут железный. Он — начало творений Божьих; только сотворивший его может приблизить к нему меч свой. Ибо горы приносят ему корм, и все звери полевые играют там. Под лотосами он лежит, под тростником и в болоте укрывается. Лотосы покрывают его своею тенью, окружают его ивы ручья. Вздается ли река — не страшно ему; останется спокоен, хотя бы Иордан устремился в пасть его. Кто ухватит его возле глаз, багром пробьет ему нос?”

Он вздохнул.

— Багром... А если мечом?

— Не вздумай, — предупредил Азазель строго. — Он единственный экземпляр!.. Его называют бегемотом, потом что он равен по силе и размерам, да и по мощи, целому стаду бехемов. Это уникальное существо!.. Тебя не только правозащитники по судам затаскают, но и неправозаступники осудят.

— Да я ничего, — ответил Михаил. — Это если оно нападет...

— Просто удирай, — посоветовал Азазель. — Да и вообще... Не нужен нам бегемот, достаточно будет и бехемов!..

Михаил чувствовал, как во всем теле разрастается тревожно радостная дрожь, подрагивают пальцы, а по рукам прокатываются странные волны некой немедленной готовности. В человеке много чего непонятного самим людям, они это признают, но большинство даже гордятся, хотя другие досадуют и называют такое состояниеrudimentарным, доставшимся от диких обезьян.

Азазель собрал два рюкзака, небольшие по объему, Михаил с сомнением смотрел, как он умело меняет цвет на неопрятно серый, а блестящие металлические «молнии» и пряжки укрыла длинная некрасивая шерсть.

— У местных такие мешки, — пояснил он, встретив взгляд Михаила. — Из коз. Козы, как муравьи и люди, даже в аду живут!

— Хорошо, — ответил Михаил, — понял. Отправляемся?

— Боишься, что передумаем? — спросил Азазель. — Спасибо, Мишка. Это же меня Заран убить старается, не тебя. Или в тебе так высоко чувство гражданского долга?.. Потом объясню, что это, как только сам пойму. И ты стремишься сделать мир лучше, как строитель трансгуманистического коммунизма?

Михаил взглянул исподлобья. С Азазелем никогда не поймешь, когда говорит серьезно, а когда издевается. А издеваться может даже над собой, тут вообще не знаешь, обижаться или нет, ничего не понятно.

— А гранатометы? — спросил он.

— Мы сами еще те гранатометы, — сообщил Азазель серьезно. — Умей быстрее концентрировать то, что хапаешь из клипот. Мало кто умеет брать оттуда силу, так что пользуйся, раз уж так повезло!

— Повезло, — огрызнулся Михаил. — Он меня чуть не угробил!.. Да и сейчас я — как шизофреник с этим внутренним голосом.

— Голосом?

— Желаниями, — уточнил Михаил.

— Это темные желания, — напомнил Азазель, — в каждом человеке. Учись с ними жить. Иногда они даже нужны, даже если это голос динозавра, предков надо уважать... Все готово! А ты?

Михаил старался не показывать, как перед вообще то немыслимым переносом в ад его начинает трясти изнутри, проговорил как можно более ровным голосом:

— Готов.

Азазель взглянул со странным выражением в глазах, то ли пониманием, то ли сочувствием.

— Тогда начнем... Сделай вдох и задержи дыхание. Можешь сжать кулаки.

— Готов, — повторил Михаил и, задержав дыхание, сжал кулаки и напрягся всем телом.

Азазель опустил ладонь ему на плечо.

— Даю направление, а ты помогай. Это не на крышу небоскреба...

Глава 8

Это не было похоже на скачок, ад не на земле, хотя и называется преисподней. Никаких спусков, с силой рвануло из этого времени и пространства, вокруг сомкнулся хаос, абсолютная черная пустота, где даже чернота не черная, а просто никакая.

Так он висел эоны лет, столетий, затем подошвы уперлись в твердое, под ногами прокаленная красная глина, в лицо ударил сухой горячий ветер. Он понял со страхом и облегчением, что на самом деле перемещение из мира в мир длилось всего мгновение, а субъективные ощущения — всего лишь ложные ощущения.

Со всех сторон неприятно красные скалы, низкие, но острые, как зубы, а они с Азазелем оказались зажатыми на крохотном пятаке между ними, продуваемые таким сухим и злым ветром, что Михаил ощутил, как он начинает сдирать ему, словно наждаком, шкуру, инстинктивно съежился, а тело в ответ сделало ее то ли толще, то ли покрепче, и неприятное ощущение исчезло.

Азазель ткнул его кулаком в бок.

— Не спи. Мог бы не жадничать. А то я тащил тебя, как верблюд соломинку! Ту самую, что ломает бедному животному спину.

— Я старался, — ответил Михаил виновато.

— Да заметил я, — ответил Азазель, — заметил...

Я делал прокол, а ты — пролом, будто стадо упираю-

щихся слонов за тобой на толстой цепи! Потому ты все истратил, а я кое-что приберег. Теперь, не сходя с места, быстро присосись, как теленок к корове, к ближайшей антисфироте... Не туда смотришь.

Михаил повернулся, плечи передернулись, несмотря на жаркий воздух. В страшном мире, где только багровые, красные и оранжевые цвета, нельзя без дрожи видеть исполинские столбы антисфирот, что пронизывают вещественную вселенную так же просто, как тяжелый камень падает сквозь туман, а то и проще, вообще не замечая препятствий.

Азазель некоторое время всматривался в темную колонну с каким-то болезненным интересом.

— Это Хасер, — произнес он непривычно строгим голосом. — Да, нас выбросило возле Хасера.

— Хазер? — переспросил Михаил, стараясь вспомнить, где слышал это слово.

— Нет, Хасер, — повторил Азазель. — В ней моши меньше, чем в Рике или Торниэле. Те антисфироты такие же по размерам, но энергии по ним стекает от клипот больше. Наверное, потому что идет на Восток, а там для них сопротивления побольше.

Михаил проговорил с дрожью в голосе:

— Да ладно, Хасер меня вполне... Я перед прыжком сюда... или это нельзя называть прыжком?.. набрал моши достаточно, чтобы... даже и не знаю, зачем мне столько... но уже всю истратил... не знаю, что так...

— Восполнни!

— Да уже нашупываю, — ответил Михаил.

Он опустился на горячую землю, обхватил голову ладонями и сосредоточился, стараясь ощутить это родство с клипотами и коснуться каната антисфирот.

— Набирай больше, — сказал Азазель серьезно. — Еще не представляешь, что нам встретится.

Михаил спросил в тревоге:

— Но ты же знаешь?

— Далеко не все, — ответил Азазель. — Потому жить интереснее. Хотя знать, что впереди, хочется. Но нельзя. Пусть и нужно.

Михаил пробормотал:

— Если подойти к антисфироте ближе, смогу быстрее.

— Нельзя, — ответил Азазель сухо.

— Опасно?

— Возле антисфирот много всякой мелочи, — ответил Азазель с брезгливостью в голосе. — Издали черпать не умеют, как вон ты дотягиваешься или кто-то из великих демонов, потому жмутся поближе. Иногда им перепадают какие-то капли.

Михаил уже не слушал, медленно входя в непривычное пока что состояние, когда открываешь себя неведомой темной силе, опасной и плохо управляемой, но без нее в этом мире точно не выжить, даже Азазель не спасет.

Мелькнула мысль, что сглупил, Азазель верно сказал насчет головокружения от успехов. Все шло слишком хорошо и легко, нигде даже пальчик не прищемил, потому решил, что и дальше так будет.

Азазель то появлялся в поле зрения, то исчезал, Михаилу показалось, что сопит все недовольнее, но сам же сказал, что должен напитаться энергией под завязку.

Когда взглянул особенно требовательно, Михаил поднялся на ноги.

— Все, — сообщил он, — ну не могу я накапливать больше, не могу!.. Больше почему-то не лезет, хотя вроде бы мог бы, чувствую.

Азазель сказал безжалостно:

— Да, емкость твоих аккумуляторов маловата. Это ты от страха сжался, да? Ладно, а вдруг хватит?.. Бери шинель, пойдем.

Михаил послушно поднял рюкзак, Азазель быстро двинулся вперед. Под подошвами моментально взвились облачка сухой красной пыли, земля кое-где потрескалась от невыносимой жары, но, к счастью, это еще не обожженный кирпич, а пока лишь пересушенная глина.

Азазель шаг не убавлял, мелкие скалы сменились крупными, идти стало теснее, а потом каменные громады резко разошлись в стороны, открывая под страшным красно-багровым небом бескрайнюю и покрытую черным пеплом равнину, угрюмую и безжизненную.

Красный отсвет падает сверху зловещими волнами, пепел вроде бы шевелится и вздымается, как шерсть на спине исполинского зверя, но если присмотреться, замечаешь абсолютную неподвижность этого мертвого мира, однако стоит сместить взгляд чуть в сторону, как на том месте, которое только что рассматривал, снова начинается шевеление, способное довести до головокружения.

— Как тебе? — поинтересовался Азазель. — Мы в Гееноме, как ты и хотел.

— Я хотел?

— Но ты же так страстно уговаривал меня сходить в ад? Гееном — первый уровень, остальные восемь ниже, каждый один от другого на триста лет пешего хода. Если восхочешь ниже... еще за триста лет и туда доберемся. А сейчас, в Гееноме, главное — ничем не отличаться от местных. Передвигаемся, как и все рядовые демоны, а в этом никто из нас от животных не отличается. Никакого ускорения и прыжков через реки! Это по силам только небольшой группе высших демонов, а их всех знают в лицо. Или почти всех.

— Понял, — ответил Михаил сдержанно. — Ты босс.

— Наконец-то!

— Но когда завершим, — закончил Михаил, — я попытаю тебя козьей мордой во все твои промахи.

— Если доживешь, — ответил Азазель недобро. — За такие нечестивые угрозы я тебя оставлю здесь вообще навеки. Чтоб не позорил нашу благородную породу ангелов!

Михаил смолчал, разглядывая идущий сверху красноватый свет, наполняющий его тревогой и ощущением близких неприятностей. Присмотревшись, понял, что небо ни при чем, откуда здесь небо, свет от каменного свода, красного и пугающего размерами, словно смотришь изнутри на крышку великакского гроба.

Он зябко передернул плечами от жуткого ощущения безнадежности и ужасности этого места.

— Как же здесь... нерадостно.

Азазель возразил бодрым голосом:

— Мишка... не кривись. И не надо этого соболезнования во взоре. Тем, кто здесь родился, все привычно и нормально. Напротив, наше синее небо им может показаться не совсем как бы вот.

— Да я так, — буркнул Михаил чуть пристыженно, — это не сочувствие, а так... соболезнование, что ли... Или нет, понимание. Я бы лучше удавился, чем остался бы здесь жить.

— Тебе есть с чем сравнивать, — уточнил Азазель. — А они других мест не видели. И даже не знают, что такие существуют. Чукчи и эскимосы до сих пор в своих снегах, хотя вроде бы могут к теплому морю, а эти и слова такого не знают!

Михаил некоторое время шел рядом молча, поглядывал по сторонам, смиряя трепещущее в страхе сердце.

— Прекрасный мир сотворил Всевышний. Но ад создавал не он...

Азазель сказал с сочувствием:

— Да знаем, кто его создал. Пусть ненамеренно, и пусть не это вот, а просто глубокую дыру... Что так смотришь? Наши действия хотя часто заканчиваются пиши-

ком, иногда имеют продолжение уже без нас... как в этом случае. Так что, Михаил, все равно создатель ада — ты! И все это помнят. По крайнем мере, здесь. Так что можешь представить, если узнают, что ты оказался тут...

Михаил дернулся.

— Перестань.

— Ты же видел Москву? — спросил Азазель. — А ее основателем считается князь Юрий Долгорукий, что велел построить на реке Москве полдюжины хаток!.. Которые потом по названию реки Москвы тоже назвали Москвой.

— Перестань, — повторил Михаил. Он посмотрел по сторонам, чуточку втянул голову в плечи. — И так не до танцев.

Азазель сказал с неумолимостью в голосе:

— Не прячься от правды, хотя для небесного воинства это характерная черта. Не можете признать, что не все по вашей воле, а каждый шаг или жест, как брошенный в воду камень, порождает волны. Теперь неважно, что ад появился от падения Сатана и его команды. Тадыра разрослась в целый мир. Как нынешняя Москва не имеет ничего общего с теми жалкими хатками перво-поселенцев.

Михаил сказал с сердцем:

— Как ты обожаешь сообщать страшные новости.

— Для тебя это новость? — изумился Азазель. — А я думал, ты везде ходишь, бьешь себя в грудь и хвастаешь, что ад создал ты! А то и можно плакат на груди повесить. Или надпись на футболку. И продублировать на спине крупными буквами. Хочешь, броский шрифт подберу?.. Правда, такая футболка не совсем для ада, а для... гм, даже не представляю, где в ней лучше появляться?.. Разве что на тусовкахочных байкеров?

— Азазель, — попросил Михаил с тоской, — будь серьезнее. Меня всего трясет.

Азазель ахнул:

— Ты чего? А вдруг тебя не убьют, а встретят, как отца-основателя?.. Ты не просто свой, а отец родной, можно сказать... хоть и с натяжкой, большой натяжкой. Тебя в ноги целовать будут... Вдруг царем поставят?.. А что?..

— А твоего Юрия Долгорукого в нынешней Москве царем бы поставили?

— Тот основал всего лишь город, — напомнил Азазель, — а ты — целый мир. Продумай, пока медитируешь, новые справедливые законы... Первым делом меня визирём с большим гаремом!

— Что такое визирь?

— Тот, кто выдает визы и визирует подписи падишаха. Без подписи визиря любое распоряжение правительства недействительно. Буду выдавать визы на посещение ада, устроим аттракционы, казино и блэкджек со шлюхами... Хотя, гм, это уже есть в мире людей, причем в ассортименте...

Михаил вслушивался, как в тело медленно влиается и заполняет его от пят до кончиков ушей недобрая, но все же мощь.

— Да, — пробормотал он, — мне осталось только объявиться... Не знаю, как можешь шутить на такую крайне неприятную тему. Так бы жили в раю или на земле...

Азазель воскликнул с энтузиазмом:

— Мишка!.. Человек во всем должен видеть лучшее!.. Без оптимизма и веры в победу среди людей просто не выживешь! Там же такие звери, такие прекрасные хищные зверюги! А тут всего лишь простые примитивные демоны. Так что не отставай! Мы на коне, хоть и пешком.

Михаил покачал головой, Азазель картинно оптимистичен, сказал с укором:

— Что-то часто называешь себя человеком.

Азазель повернул голову, в глазах блеснул нескрываемый интерес:

— Еще не врубился?.. Сегодня узришь, а то и узрешь, что и ад подстроился под людей! Хотя здесь, как и у вас, наверху, людей сперва презирали. Но сейчас быть человеком — это в самом деле быть вершиной. Демоны нехотя, но признали. А вы там, на небесах, все еще из леса не вышли?

Михаил некоторое время шел молча, не желая отвечать на оскорбительный вопрос, но Азазель начал похмыкивать, пришлось напомнить с чувством собственного достоинства:

— Любой средний демон сильнее самого сильного человека. Забыл?

— Слон тоже сильнее, — отпарировал Азазель. — А про львов, тигров и всяких нильских коней вообще молчу! Но все они уцелели только потому, что человек оберегает их, немощных... Из демонов только те опасны, кто хоть чему-то поучился у человека!.. Одни, прижившись среди людей, другие здесь, в аду, не гнушаются общаться с теми, кого поджаривают на сковородках или на верталах... Кто из любопытства, кто по расчёту, но выиграли те и другие. Не выигрывают только те, кто ничем не интересуется. Таких, кстати, среди людей тоже полно. Так что тебе придется проявить, как говорится!

— Что... проявить?

— Силушку, — пояснил Азазель. — Не понял? Здесь скрывать свою мощь не придется, как на земле. У демонов она при себе, как кишкы или рога, разве что бесы и нолы у них простой рабочий скот. Потому будь готов бить быстро и круто. Иначе, если ударят раньше, я на твоем месте увижу мокрое место! А то и его не увижу, а это совсем обидно и оскорбительно для моего досто-

инства, а самое главное — не получу удовольствия от панэм эт цирцензес!

Он вперил взгляд в красное марево на горизонте, здесь он обманчиво близок, Михаил прислушался к себе, сказал с неуверенностью:

— Вроде бы напитался по самое немогу.

— То был первый шаг, — напомнил Азазель строго. — Теперь будешь учиться вытягивать энергию из клипод без всяких поз самадхи и падмасан. А то ишь, пока самадхаешь, тебя так западмасанят!..

— А... как?

— На ходу, — отрубил Азазель. — Даже на бегу, если припечет. А припекать будет.

Он сказал таким счастливым голосом, что восхотелось прибить его на месте, Михаил скривился и напомнил себе, что нужно оставаться ангелом, кем он себя и считает и ощущает, несмотря на свойства хаотичного элементаля.

А оставаться трудно, не свойственные ангелу чувства толкают на нелогичные и даже опрометчивые поступки, которые ничем не оправдываются и ничем не подкреплены, кроме глупо-детского: а я так хочу!

Азазель покосился на него со странным выражением на лице.

— Чего так задумался? Разве ангелы вообще раздумывают?.. Тем более те, что возле Небесного Престола? Ты действователь, а не всякий там размагниченный хомячок на диване... Из антисфирот таши постоянно. Сила должна распирать каждую клетку так, чтобы прутья решетки трещали и гнулись!

Михаил с подозрительностью посмотрел на свои руки.

— Во мне есть где-то клетки?

— Человек, — сказал Азазель со скорбной торжественностью, — весь из клеток! В них заключена и то-

мится наша свобода духа! Всевышний коварно дал нам свободу воли, чтобы не вытираять нос каждому двуногому. Теперь сами должны и обязаны ограничивать себя везде и во всем. Ограничиваи себя, Мишка!

— А ты? — спросил Михаил с подозрением.

— Что ты сразу на меня? Человек — эгоист, должен сперва себя совершенствовать. А я уж как-то в совершенном мире проживу и несовершенным... Я о других забочусь! Гуманист и альтруист на марше.

Михаил прислушался к себе, пошевелил плечами, напряг мышцы.

— Да, вроде бы... готов.

— Так быстро? — спросил Азазель с недоверием. — Ах да, ты же солдат, что всегда солдат. Ты прав, поспешать надо медленно, но успевать и как бы торопиться, но не спешить. Мир везде таков, что если не успеешь ты, успеют тебя. Как среди людей, так и здесь. Здесь хоть медленно, но все же ад тоже меняется. В отличие от!.. Сам знаешь, на кого указываю чисто вымытым пальцем.

Глава 9

Михаил посмотрел по сторонам, везде красная выжженная пустыня, воздух жаркий, а когда налетает ветер, то чуть ли снова не сжигает кожу, над головой низкий красный свод пещеры с нависающими сталактитами, что кажутся отвратительными наростами в исполинской части древнего дракона.

— Правда меняется?

Азазель сказал с нехорошой усмешкой:

— Михаил... Еще пару тысяч лет каждый уровень ада отстоял от другого на триста лет пешего хода, как я тебе уже сказал!.. Но сейчас уже лет на сто...

— Они что, — спросил Михаил с непониманием, — как-то сблизились?

— Расширились, — пояснил Азазель с той же покровительственной усмешкой. — А так каждый на своем месте. Когда-то солются, как Москва с Петербургом.

— А что... Москва и Петербург... солются?

— Так сказал сам Вяземский, — заверил Азазель. — Он был против царя, таким людям верить обязательно, какую бы хрень ни спороли. Так принято в либерально-демократическом.

Михаил тревожно поглядывал по сторонам, но куда ни глянь, всюду огромная выжженная пустыня с полопавшейся землей из красной глины. Трещины в основном мелкие и неширокие, но некоторые приходилось перепрыгивать, и всякий раз снизу чуть ли не подбрасывало раскаленным воздухом.

Пару раз Михаил успевал заметить далеко внизу багровые реки расплавленного металла.

Азазель вытянул руку.

— Вон там... посмотри! Что-то непонятное...

Михаил прищурился, сухой воздух выедает глаза, все еще чувствует себя человеком в человеческом теле, никак не привыкнет, как настаивает Азазель, ощущать мир вокруг как родной, тогда и через ручей с расплавленным металлом сможет перейти вброд, не ощутив жара.

— Что там? — переспросил он. — Вроде бы котел... если с кипящей водой, то там могут быть грешники, огонь вон под котлом полыхает вовсю... Одного не понимаю...

— Откуда один-единственный котел в пустыне? — договорил Азазель. — Да, загадка... Может, остальных амнистировали?.. Ты куда?

— Надо взглянуть, — сказал Михаил. — Это же со всем по пути.

Азазель сказал сердито:

— Если вот так будешь везде останавливаться...

Ладно, но будь настороже! Это может быть ловушкой.

Михаил победно ускорил шаг, чувствуя, как Азазель с неохотой тащится сзади.

Котел приближается с каждым шагом, весь из ста-ринной черной меди, размеры позволили бы разместить человек десять, но над поверхностью кипящей воды появляется и сюда скрывается одна-единственная голова с прилипшими ко лбу седыми волосами.

Михаил замедлил шаг, от котла несет жаром, а когда сделал еще шагок, понял, в котле не вода, а кипящее масло, что обжигает намного сильнее.

Грешник увидел их, развернулся, на худом скуластом лице отразилось изумление.

— Вы кто? — крикнул он сорванным от крика голосом. — Здесь уже давно никого!

— Просто гуляем, — быстро ответил Азазель, опережая Михаила. — Туристы-экстремалы. Как там в масле, здорово? Как сыр, верно?

Мужчина вскрикнул хриплым голосом:

— Допущена ошибка!..

Михаил приготовился добросовестно выслушать, но Азазель бросил с небрежностью:

— Все они так говорят. И что вообще судебная система неправильна. И одни сатрапы!.. Пойдем дальше, здесь все ясно.

Грешник прокричал отчаянным голосом:

— Я в самом деле грешил много и был осужден на максимальный срок, на все двенадцать месяцев!.. Но обо мне забыли, и я здесь уже две тысячи лет!..

Михаил буркнул:

— Какие двенадцать месяцев? Что он несет?

Азазель посмотрел на него как-то странно.

— Мишка... Двенадцать месяцев в аду — это всегда было максимальным сроком. Потому кадиш по умершему читали всего одиннадцать месяцев, нельзя же предположить, что их родственник входил в число немногих

самых великих грешников?.. Но с этим умельцем в самом деле могла быть допущена ошибка. Судя по тому, что он в кotle в самом деле уже две тысячи лет...

Михаил буркнул:

— А при чем тут...

— Пришло молодое и свирепое христианство, — пояснил Азазель, — с его немилосердными законами. Присвоили почти все старое наследие, как и принято у варваров, в том числе и ад. А всех грешников решили мучить вечно, вплоть до Воскресения всех мертвых и окончательного Суда над всеми. Юные революционеры всегда во всем перегибают!.. Но, конечно же, осужденных судом прошлого созыва нужно было отпускать по истечении их сроков наказания.

Заключенный время от времени отталкивался ногами от дна и выныривал, но быстро терял силы и погружался с головой снова, но Михаил все время чувствовал на себе его полный надежды и отчаяния взгляд.

— Никогда не думал, — пробормотал он, — что законы в аду поменялись так резко... Значит, в самом деле страдает из-за ошибки?

Азазель отмахнулся.

— Скорее всего. Но ты чего уперся?.. Пойдем! Нужно мир спасать, а ты раздемократничался!.. Подумаешь, на одного-двух больше... Это неизбежные потери среди мирного населения при масштабных исторических событиях. Была революция, браток!.. Христианство — это такая революция, и столько крови, что потери во всех предыдущих войнах такая мелочь, плонуть и растереть!

Михаил постоял, сердито глядя на него из-под наспленных бровей.

— Но это же несправедливо?

— Мир несправедлив, — согласился Азазель философски. — Что встал? Пойдем его спасать, хоть он и несправедлив, но прекрасен и, как говорят, удивителен!

В чем постоянно убеждаюсь, стоит только на тебя посмотреть.

Михаил пробормотал:

— Но это как-то не... Ты же освободил Бианакита?

Азазель покачал головой.

— То из земной тюрьмы, а это из ада!

— Любая тюрьма — плохо.

— Бианакита я собирался использовать, — напомнил Азазель. — А этот нам на что?

— А просто делать добро? — сказал Михаил сердито. — Не пробовал? Как насчет простого милосердия?

Азазель развел руками, а Михаил покачал головой, тяжелыми шагами вернулся к котлу с грешником.

— Раскаиваешься? — спросил он сурово.

— Еще бы! — вскричал тот. — Я раскаивался еще в день суда, но кто меня слушал?

— Ты услышен сейчас, — с торжественностью в голосе и некоторой трубностью сказал Михаил.

Он подошел к котлу вплотную, тот раскален чуть ли не докрасна, однако мощь элементала тихо шепчет в мозгу, что ему по силам здесь многое, и он, задержав воздух в груди, уперся в металлический бок плечом.

Гигантский котел качнулся, несмотря на громадный вес и массу. Михаил чувствовал ослепляющий жар, но в то же время с ликование понимал, что цел, нет ожогов, нет даже боли, сущность элементала принимает этот жар как собственный.

Грешник вскрикнул:

— Что ты делаешь, сам горишь!..

Михаил подсел чуть, уперся сильнее и начал разгибать ноги, чувствуя, как приподнимается край котла, еще приподнимается, еще чуть... ,

Кипящее масло отхлынуло к противоположному краю, зашипело, пролившись первой струей на землю с той стороны.

Он нажал сильнее, котел накренился еще больше. Грешник вскрикнул, его вынесло потоком кипящего масла на выжженную землю. Михаил со вздохом облегчения опустил котел на место.

Азазель подошел, осмотрел ему плечо.

— Даже пятна не осталось... Извини, что не помог, но что сходит с рук тебе, мне могло не сойти.

Михаил отмахнулся устало.

— Знаю, для того ты меня и заманил.

С той стороны котла, оскальзываясь в быстро впитывающемся в выжженную землю масле, поднялся на четвереньки, разогнулся и выбrel, раскачиваясь из стороны в сторону, грешник.

Мокрая одежда облепила его худую костлявую фигуру, глаза огромные, спросил с прищиханием:

— Кто... кто вы?

Азазель отмахнулся.

— Мы люди скромные, имена скрываем, даже когда по чужим квартирам шарим.

Он спросил с надеждой:

— Можно мне с вами?

— Заморишься, — ответил Азазель. — Чтобы с нами, нужны длинные ноги и короткий язык. Спрячься либо найди работу. С твоим опытом не пропадешь. А то и сумеешь выбраться в мир живых.

— Но вы же оттуда?

Азазель покачал головой.

— Так тебе все и скажи.

— Вы уже этим сказали!

— Слишком умный, — заметил Азазель строго.

А умных нигде не любят.

Когда они уже отдалились, тот прокричал им вдогонку:

— Я маг Гермес Трисмегист!.. Если понадоблюсь... я весь ваш... Только назовите мое имя, я услышу.

Михаил время от времени поглядывал наверх, но всякий раз больно ударялся взглядом о багровый свод и поспешно опускал голову.

Азазель посмотрел с интересом, поинтересовался с некоторой ехидцей:

- Что там, кроме летающих тварей?
- Странно здесь все, — ответил Михаил.
- Правда?

Михаил проигнорировал язвительность в голосе Азазеля, молча протянул руку и резко повернул сжатый кулак в сторону.

Крупные валуны впереди сдвинулись с пути вправо и влево, освобождая дорогу.

Азазель озадаченно присвистнул.

- Гляди, осваиваешься!
- Что значит осваиваюсь? — спросил Михаил с подозрением. — В чем-то да, чувствуя себя здесь сильнее, чем на земле. Это что, сила Кезима в родных местах проявляется лучше?

- Теперь это твоя сила, — заверил Азазель. — Еще не понял, в чем дело?

— Нет.

- Антисфироты, — пояснил Азазель. — Здесь их мощь сильнее. Намного. В мире людей черпал по капле и запасал в себе, а здесь можешь сразу... что вообще-то опасно, но насколько заманчиво!

Михаил удержался от желания попробовать снести впереди скалу, а то расстоялась тут почти на пути, как смеет, спросил настороженно:

- Соблазн?
- Борись, — посоветовал Азазель. — Вся жизнь людей — борьба с соблазнами. А ты сейчас человек!

Некоторое время они шагали быстро и молча, наконец Михаил буркнулся:

— Я грешникам не верю.

— Чё? — спросил на ходу Азазель, не поворачивая головы. — Ах да, ты еще не успел увидеть нашу демократию во всем блеске... Теперь то, за что раньше сжигали на кострах, уже признак доблести. Все поменялось, Мишка... доблесть и честь объявлены варварством, а непотребство — признаком цивилизованности, чему народ, понятно, рад...

— Народ дичает? — спросил Михаил.

— Смотря что считать народом, — буркнул Азазель. — Девяносто девять процентов этой двуногой биомассы не народ. Народ — это крохотная кучка подвигников, что тащит это исполинское стадо к свету. Недаром Господь пообещал Аврааму, что если тот отыщет хотя бы десять праведников на весь огромный Содом, пощадит город и всю Долину Пяти Городов...

Глава 10

Он умолк, всматриваясь в красную реку впереди. Над нею зарево от плывущей магмы, раскаленный поток несет кричащих людей, что иногда пытаются выбраться на крутой берег, похожий на брюхо исполинской рыбы без чешуи, но соскальзывают обратно.

— А это место придется обойти, — сказал он.

Михаил указал на высокий арочный мостик чуть ниже по течению.

— А по нему перебежать?

Азазель буркнул:

— Можно. Но, зная тебя, чувствуя, застрянешь.

— С чего вдруг?

— Увидишь, как несет кого-то из знакомых или известных... Ну, политиков, писателей, шоуменов, бросясь спасать... или, наоборот, тыкать палкой, чтобы сволочь занырнула поглубже!

Михаил ответил с раздражением:

— Ты всерьез?.. Тот грешник просто застал врасплох, а так вообще-то я верю в справедливое правосудие... в общем. Так что увидишь, даже не посмотрю в их сторону!

— Ловлю на слове, — сказал Азазель.

Михаил надменно вскинул голову, но тут же спросил:

— А вот там это что?.. Кресты?.. И на них распяты люди?.. Живые?

— Верь в справедливость правосудия, — бросил Азазель с горькой насмешкой. — Когда Красс велел распять вдоль дорог пять тысяч восставших, что пошли за Спартаком, он действовал как исполнительный солдат, строго по закону! Тех времен, конечно. Это сейчас бы его назвали военным преступником и затаскали по судам международных трибуналов.

Михаил старался не смотреть в ту сторону. Но дорога, как нарочито, чуточку вильнула и пошла вдоль столбов с распятыми, а потом потянулись ряды посаженных на колья. Все живые, страшно кричат в муках, корчатся, Михаил не сразу понял, что это не дорога из любопытства свернула в ту сторону, а караемых грешников расположили вдоль дороги, чтобы проходящие мимо как получали эстетическое наслаждение, так и ощутили масштаб воспитательной работы в целях повышения сознательности общества.

Азазель шел спокойным, но быстрым шагом, деловой и целеустремленный, по сторонам если и бросал взгляды, то лишь высматривая опасности, а также возможности.

— А где же демоны-мучители? — спросил Михаил.

— Все автоматизируется, — пояснил Азазель. — Эти заключенные уже не сорвутся ни с крестов, ни с кольев, а раньше вон там, вдоль берега, стояли тысячи демонов, вилами сталкивали выкарабкивающихся обратно... Какой примитив, верно?.. Потом кто-то, тот же Малфас, наверное,

придумал так укрепить и закруглить обмазанные мокрой глиной берега, что каждый будет соскальзывать обратно сам по себе... Прогресс на службе человеку. Ну, как бы.

Одна из рек с темно-красной магмой перегородила дорогу, Михаил вышел на край темной горки, что трещит под подошвами, а в разломы выстреливаются синие струйки дыма.

Азазель сказал тихо:

— Прыжок на ту сторону, быстро!.. Пока никто не видит.

Сам он исчез и тут же возник на той стороне. Михаил чуть замешкался, вспоминая то состояние, при котором способен вот так передвигаться, наконец очутился на том берегу, там под ногами такая же хрустящая корка остывающей земли и такие же дымки.

Азазель уже взбежал наверх, оттуда сказал серьезно:

— Потом отработаешь скорость. Пойдем! Никто нас не должен заметить... особенно здесь.

— Решат, что выбрались из реки?

— Не исключено.

— И как будем действовать?

— По обстоятельствам, — ответил Азазель. — Ты уже не простой исполнитель, Мишка!.. Не будешь думать сам, за тебя будет думать и решать Кезим.

Михаил умолк, даже чуточку стыдно за такие детские вопросы. Азазель прав, стратегия и основные этапы намечены, а всякие мелочи по дороге предусмотреть в состоянии разве что сам Всеышний.

Кресты с распятыми тянулись еще несколько миль, а когда начали вроде бы заканчиваться и Михаил вздохнул с облегчением, дальше пошли столбы с перекладинами, на которых в муках дергаются повешенные, что никак не расстанутся с жизнью.

Еще трижды пересекали реки с огнем, где среди багровой, а то и раскаленной до оранжевости магмы

плывут тысячи и тысячи кричащих людей, стонущих и рыдающих, вздывающих руки, кающихся, молящих о помиловании...

Азазель сказал быстро:

- Зажми ноздри...
- Что случилось?

Он видел, как нос Азазеля прижал крылья, перекрывая доступ воздуха, и сразу ощутил волну омерзительнейшего зловония, а впереди распахнулся вид на широкую реку с такими же крутыми берегами, где нечистоты несут тысячи человек, что часто скрываются под набегающими волнами, выныривают с ужасными криками, течение их переворачивает, бьет друг о друга.

Азазель буркнул:

— Вот уж у кого насморка никогда не бывает... Прямо как с полигона для американского спецназа скопировали!

— Как это? — спросил Михаил в непонимании.

— Там тоже приходится преодолевать канавы и бассейны с дерьямом, — пояснил Азазель. — Главное — выполнить задание и вернуться живым, а не красиво погибнуть, не желая запачкаться.

Михаил зябко повел плечами.

— Все-таки странно, что вообще не видно демонов-мучителей. Разве их не приставили истязать грешников?

— Им вверено осуществлять наказание, — пояснил Азазель педантично, — кого в котел, кого на шампур, кого вот так в реку. Я же объяснял, все делалось сперва вручную, теперь вот так... Что смотришь? Еще Архимед в своих Сиракузах умел автоматизировать простейшие процессы!

— Да как-то казалось...

Азазель буркнул с презрением:

— Демоны выполняют работу, указанную им Все-вышним. А для простых людей именно они и стали

казаться основными врагами. Это как ненавидеть полицию или гаишников!.. Простой народ не просто простой, а предельно простой, ведомый простейшим троизмом... Ага, вон там двое вроде бы не заключенные... Если нам повезет, то не бесы или нолы, а настоящие демоны...

Он остановился, присел за разбросанными камнями, выбрав покрупнее, и застыл, наблюдая. Михаил притаился рядом, жадно всматриваясь в приближающиеся в жарком красном мареве фигуры.

— Демоны, — шепнул Азазель довольно. — Довольно простые... Хорошо...

— Да, — прошептал и Михаил, — это да...

Но сердце застучало часто и тревожно. Демоны здесь в своем мире, где и стены помогают в буквальном смысле, мощь антисфирот проявляется отчетливее, так что одно дело сталкиваться с ними в мире людей, другое — тут. И здесь их миллионы, если верить Азазелю, пусть даже в этой части пусто, Азазель выбрал именно пустое место...

— Держись спокойно, — произнес рядом Азазель и, поднявшись, направился в сторону демонов.

Те заметили их, но не замедлили шага, как и не ускорили, крепкие и мускулистые с сухими жилистыми телами, на головах короткие рога, даже не сами рога, а тупые выступы, из-за спин выглядывают края деревянных щитов и рукояти не то мечей, не то топоров.

На поясах у обоих короткие ножи в кожаных ножнах, ноги голые от середины бедер, покрытые шрамами и коростой то ли от недавних ран, то ли от застарелой чесотки.

Азазель крикнул издали дружелюбно:

— Приветствую вас!.. Мы путники из дальних земель, ищем редкие минералы для зелья своего повелителя.

Демоны продолжали идти, а остановились только в трех шагах от обоих, Михаил ощутил неудобство, оба демона слишком звероватые, мощные, а вид у обоих такой, что если и умеют разговаривать, то... о чем они могут?

Один из демонов рыкнул:

— Здесь все принадлежит нашему повелителю. Мудрому и могучему Ксанфу!

Азазель сказал мирно:

— Хорошо, хорошо. Мы же не спорим! Нельзя, так нельзя. Тогда нам нужно добраться до резиденции великого Малфаса.

Демон посмотрел на него исподлобья.

— Зачем?

— Жаждем поучиться у него мастерству, — объяснил Азазель, — возведению дворцов. Это так прекрасно! И за такую работу хорошо платят.

Демон скривился.

— Убирайтесь прочь. Много тут всяких... На землях клана Малфаса теперь не жалуют чужаков.

— Теперь? — переспросил Азазель. — Но раньше вроде бы такого не было...

Демон прорычал:

— Прочь отсюда!.. Это раньше не было, когда правил слабый Малфас, а теперь во главе клана сам Заан Непобедимый!.. Великий и славный воитель!

Азазель сказал почтительно:

— Прости, доблестный воин. Мы очень издалека, куда еще не дошли вести ни о смене власти, ни о великом Заане... Он кого-то успел победить, что к его имени прибавилось такое красивое прозвище?

— Он победил Киркуса, — проревел демон, мощно вздувая грудь, — разбил Улакурда, отеснил за реку отряды Цедернека и принудил подчиниться своей власти самого Йгантера!

— Это великое достижение, — сказал с почтением Азазель. — Еще чуть, и сможет достичь еще более высокого прозвища, каким является «Заран Победоносный!.. Где он сейчас?

Демон, что начал было довольно улыбаться, когда Азазель назвал Зарана Победоносным, нахмурился, сказал резко:

— А сейчас убирайтесь отсюда! Пока я добрый!

Все это время Михаил присматривался ко второму, что не промолвил ни слова, даже вроде бы не шелохнулся во время разговора напарника с Азазелем, но рукоять топора уже в руке, щит на локте левой, а стойка вроде бы лениво расслабленная, но из тех, когда одним коротким движением превращается в плотную защиту с угрозой быстрой и опасной атаки.

Он тоже пару раз вроде бы невзначай скользнул взглядом по Михаилу, на лице ничего не изменилось, но Михаил как-то ощутил, что его тоже расценивают как опасного противника, который вовсе не бродяга, за которого себя выдает.

Азазель сказал жалобно:

— Нам нужно к великому Малфасу... Он слабый, но и мы слабые...

Демон, жутко искривив харю, протянул руку и ухватил Азазеля за плечо. Азазель жалобно вскрикнул, скорчился, но цапнул демона за локоть, после чего отчетливо хрустнуло. Демон вскрикнул утробным голосом, но Азазель поверг его под ноги, зверски заламывая руку.

Михаил увернулся от лезвия топора его напарника, тот чуть провалился вперед в слишком мощном замахе, а кулак Михаила с силой достал его в скулу.

Демон вздрогнул всем телом, топор и щит соскользнули на землю, а сам он медленно опустился, будто из тела выдернули все кости, и распластался у ноги Михаила. Из-под головы начала натекать кровь.

Азазель поднялся, крепко держа своего демона за шею.

— Ну что, — сказал он зловещим голосом, — был бы повежливее, остался бы цел. Михаил, как думаешь, его сразу придушить или сперва помучить?

— Делай, что хочешь, — ответил Михаил. Он поглядывал на своего демона, осторожно потрогал его носком ботинка. — А этот, похоже, все?

— Он здесь, — напомнил Азазель, — значит, не все... Эй ты, тварь дрожащая!.. Имя, звание, из какой части?.. Чем занимаешься?

Демон, кривясь от боли, прохрипел:

— Ничего не скажу...

— Скажешь, скажешь, — заверил Азазель и, обращаясь к Михаилу, пояснил: — Демоны не люди, у этих нет воли и стойкости, потому что они ближе к природе. Не выдерживают простейших допросов с применением... Другое дело — люди. Люди могут сломаться, если погрозить пальчиком или топнуть, но могут держаться, если даже изрежут на мелкие.

— И что будем с ними делать? — спросил Михаил. Он не сводил глаз с распростертого демона. — Пытать?

— Хорошо бы, конечно, — проговорил Азазель задумчиво, — посадить их обоих на колья. Это так потешно, когда заостренный кол входит в задницу все глубже и глубже, а ты заключаешь пари, где выйдет... Я знаю мастеров, у которых острье кола выходило из рта, представляешь?.. У остальных, увы, высывается в лучшем случае из-под мышки, а то и вовсе из живота, спины или из-под ребер. Никакого артистизма.

Михаил покосился на своего демона, тот все не рассыпается в пыль, а пальцы правой руки лежат слишком близко к рукояти топора.

— Некогда.

— Некогда, — согласился Азазель. — Потому стоит привязать вот там, на камнях, и бить по гениталиям

крепко и больно. Простой и хороший способ, идущий с древности, а освященные временем традиции нужно чтить. Обычно хватает одного удара, но кто же остановится, если принес веревку, возился, привязывал...

Он развернул демона к себе лицом и с силой ударил в пах. Демон завизжал, ухватился даже сломанной рукой:

— Я все скажу! Я все расскажу!

— Где владения Малфаса? — поинтересовался Азазель.

— Вы уже на его землях, — заверил демон.

— А что за Ксанф?

— Это один из его племянников!

— Хорошо, — сказал Азазель. — А замок Малфаса?

— У него их несколько!

— Я говорю о главном.

— Это близко, вон в ту сторону, всего через две реки и огненный лес, а там, в Черной долине, — его дворец!

Демон, которого сшиб Михаил, подпрыгнул прямо из положения лежа, рукоять топора уже в его руке, лицо с раздробленными костями залито кровью, но замахнулся быстро и точно.

Михаил, что все ждал этого момента, поднырнул под удар, ухватил демона за голову и резко повернул, слыша треск позвонков и щелчки рвущихся сухожилий.

Демон рухнул наземь, дернулся и почти сразу рассыпался. Азазель кивнул одобрительно.

— Что теперь с оставшимся? — спросил Михаил вроде бы небрежно, но сердце возликовало от быстрой и красивой победы.

— Да как-то слишком быстро, — буркнул Азазель с неудовольствием. — Я только начал... Это же такое приятное ощущение, когда по такому месту лупишь ты, а не тебя...

— Так что с ним?

Азазель отмахнулся.

- Для разнообразия садани разок по голове.
- Да как-то, — пробормотал Михаил, — подойти вот так к связанному и ударить...

Глава 11

Азазель вздохнул, отпустил демона и толкнул в спину. Тот, еще не веря, что его отпустили, сделал пару неуверенных шагов, затем неуклюже побежал прочь, придерживая сломанную руку.

Азазель без торопливости поднял с земли увесистый камень. Михаил молча смотрел, как он мощно размахнулся, камень вылетел из его руки и с хрустом ударил в затылок убегающего пленника.

Кровь и мозги брызнули во все стороны, демон тяжело рухнул на землю. Кровь запятнала почву на пять шагов вокруг, но она же начала исчезать первой, а потом с демона свалилась плоть, следом рассыпались кости, а белую пыль унес жаркий ветер.

— Вот и все, — сказал Азазель холодно. — Это чтобы не подходить и не добивать. Гуманистом можно быть только среди гуманистов, а не среди каннибалов. Хотя я вообще-то люблю гуманистов.

Михаил уточнил:

- Когда все вокруг гуманисты, а ты — Азазель?
- А-а, — сказал Азазель с удовлетворением, — понял! А все дураком прикидываешься. Пойдем! Хоть дороги нет, но когда есть направление, кому нужны эти дурацкие дороги?

Михаил с опаской посмотрел по сторонам.

- Только теперь понимаю, — признался он, — на какое опасное дело тебя подбивал.

- Ты настойчивый, — согласился Азазель.
- И хотя идти сюда ты сам решил, — уточнил Михаил, — по своим соображениям, мне пока

что непонятным, но все равно чувствуя себя виноватым.

— Это прекрасно, — сказал Азазель с пафосом. — Виноватый всегда работает и вообще старается лучше. Думаешь, зря подстроили, чтобы Адам и Ева чувствовали себя виноватыми? Мало того, для надежности на весь род людской возложили вину за так называемый первородный грех!.. Но зато какой результат, какой результат!

Михаил судорожно вздохнул, спросил с надеждой:

— Думаешь, справимся? А если Заран в другом месте?

— Со всеми вызовами справимся, — заверил Азазель чересчур уверенным голосом. — Самосуд плохо, но так как Заран решил взять закон в свои руки, то возьмем его и мы! И посмотрим, чей закон законнее, а чей беззаконнее.

— А какой, — спросил Михаил опасливо, — у нас закон?

Азазель бросил в его сторону взгляд, полный иронии.

— Человек остался таким же, — сказал он, — как и во времена римлян, но законы как-то слишком забежали вперед. Опередили... чересчур опередили. Потому будем придерживаться освященных временем и традициями, которые здесь понимают. И которые должны уважать.

— Око за око?

— Точно, — подтвердил Азазель. — Зуб за зуб, кровь за кровь, слово за слово, мы же все гордые и бескомпромиссные... Эту перепрыгнешь?.. Здесь такое кровавое марево, никто не увидит...

Лицо обжигает жаром, сквозь красный туман простиупили очертания черного берега, за ним медленно текущие потоки расплавленной земли, противоположного берега не видно.

— Прыгну, — ответил Михаил с неуверенностью, — но как далеко?

— Подстрахую, — сказал Азазель. — Но вообще-то учись видеть и сквозь такие досадные помехи...

— Две реки и огненный лес, — сказал Михаил. — Значит, потом еще такая же река и какой-то лес, а затем Черная долина с дворцом Малфаса?

Азазель, не отвечая, опустил на его плечо горячую ладонь, Михаил сосредоточился, через мгновение подошвы уперлись в поскрипывающую под ногами черную обугленную землю.

А поскрипывает потому, что островки застывающей земли прибивает к берегу, а в спину бьет горячий воздух от широкой реки расплавленной магмы.

Он торопливо взбежал вслед за Азазелем на кругой берег, тот остановился и приложил ко лбу ладонь козырьком.

— А действительно совсем рядом, — сказал он с удовлетворением. — Вон там другая река, чувствуешь по зареву?

— Очень большая, — сказал Михаил дрогнувшим голосом.

— Или жаркая, — согласился Азазель. — Представь себе, что там течет расплавленный до жидкого состояния вольфрам или рений?.. Ладно, готов к прыжку?

— Я тебе не кузнец, — возразил Михаил. — Прыгать вслепую?..

— Я вижу, — заверил Азазель. — Скакнем к реке, если боишься сразу на ту сторону. Правда, там кто-то есть, так что, возможно, стоит проявить осторожность, у вас же там все такие... осторожные.

Михаил нахмурился, намеки на трусость никому не нравятся, но безрассудная отвага вообще дурость.

— Рискуй, — ответил он кратко. — Если хочешь. Я с тобой.

Азазель кивнул, Михаил перекладывает ответственность за риск на него, а чего еще ждать от трусливых ар-

хангелов, которые шесть тысяч лет прожили в блаженном покое и ни разу не прищемили себе даже пальчик?

После прыжка он молча с брезгливой бесстрастностью взглянул, как огненная река несет тела людей, что горят и не сгорают, все кричат, и этот неумолчный крик сливается в единый тосклиwyй вой, полный безудержного отчаяния, страха и невыносимой боли.

— Отвратительно, — сказал рядом дрожащим голосом Михаил. — Почему так?

Азазель ответил, не поворачивая головы:

— Что делать, это история!.. Такие у людей были нравы. Пытки на каждом шагу, разнообразные казни, всех не перечислить, а ты хочешь, чтобы в аду было гуманнее, чем на земле?

— Но сейчас такого уже нет! — возразил Михаил.

— Ад, — заметил Азазель нравоучительно, — архаическая структура. Историческое наследие, которое надлежит охранять и беречь, как память о нашей великой истории... или чего-то еще, не помню. Это как бы тоже культура, которую нужно изучать и не прерывать с нею связи.

Михаил вскрикнул негодующе:

— Но в реке терпят муки тысячи людей!

— Вообще-то миллионы, — уточнил Азазель скромно, — да и не терпят, а как бы наслаждаются... только наоборот. Но что тебе люди? Всего лишь строители светлого будущего!.. Их не жалко. Зато какие пирамиды отрохали, какой городозвели на мертвых болотах, замостили их своими костями!.. Но все знают, что город построил великий Петр Первый. А потом пировал в нем и грозил каким-то шведам... Пойдем-пойдем, не останавливайся!.. Готов к прыжку через реку?.. Насколько могу видеть, там тоже распятые на крестах и прочее однообразие, посмотреть не на что. Мир раньше был более однообразным, это заметно.

— Не останавливаюсь, — огрызнулся Михаил. — Не беги, я не собираюсь никого спасать. В справедливость наказания верю, даже если оно несправедливое.

— Несправедливое?

Михаил крикнул зло:

— Лучше несправедливое, чем полное отсутствие!

— Грустно, — ответил Азазель, не оборачиваясь, — но ты прав, мальчик. Безде должен быть порядок, закон и правила. Хотя мы в душе романтики и флибустьеры вперемешку с корсарами, каперами и борцами с коррупцией.

Он ухватил Михаила за плечо, тот не успел рот открыть, как оказались на том берегу, хотя и у самого края раскаленного потока.

Азазель тут же красиво взбежал наверх, остановился, быстро осматриваясь, тут же унесся вниз, на ту сторону. Михаил последовал за ним, только охватил на ходу взглядом страшно потрескавшуюся от жары красную глинистую равнину, где из щелей поднимается черный дым, в воздухе сильный запах серы.

Иногда из трещин выплескивается красная шипящая магма, тут же застывая безобразными буграми и натеками.

Азазель двигается быстрым, но экономным шагом, Михаилу показалось, что можно бы ускориться, никто не видит, но тут же по земле промелькнула призрачная тень, почти незаметная, он вскинул голову и успел заметить уже исчезающую крылатую тварь с растопыренными кожаными крыльями.

— Две реки прошли, — сказал Азазель бодро. — Остался какой-то лес...

— Огненный, — напомнил Михаил сварливо. — Огненный лес!

— Огненный, — согласился Азазель. — Всего лишь. Что для тебя огненный? Это всего лишь родная приро-

да, у которой нет плохой погоды... По голове не бьет, есть не просит... Можно пройти, можно перепрыгнуть. Тебе, вижу, прыгать понравилось.

— Не понравилось, — ответил Михаил твердо. — Я не кузнецик.

— Но прыгаешь.

— По необходимости!

Оба с каждым шагом приближались к багровому зареву, навстречу мощно пахнуло сухим жаром, Михаил поглядывал на Азазеля, но тот, хоть и не элементаль, даже не щурится, глядя в яростное пламя, а дальше в огне просматриваются раскаленные добела каменные столбы, что, как понял наконец Михаил, и называют здесь огненным лесом.

Азазель пробормотал медленно:

— Думаю, не обязательно ломиться напрямик. Можно перепрыгнуть, можно обойти...

Он оборвал себя на полуслове, Михаил замер, из бушующего пламени вышел гигант в полтора человеческих роста, широкий и мускулистый, с толстой шеей, лицо безукоризненно прекрасное, всмотрелся в них и воскликнул в изумлении:

— Азазель?

Голос его прозвучал красиво и мощно, как зов серебряных труб, а лицо осветилось радостью, хотя Михаилу почудилось нечто недобroе в его красоте и безупречности.

Азазель пробормотал:

— Я тебя знаю?

Гигант покачал головой.

— Вряд ли. Я был еще ребенком, когда ты решил покинуть нашу общину и уйти в странствия. Я сын Энгоэля, который был среди тех двухсот... Твое имя стало легендой!

— Помню Энгоэля, — ответил Азазель с настороженностью в голосе.

— Азазель, — повторил гигант, его голос показался Михаилу прекрасной музыкой. — Вот уж не думал, что тебя увижу...

— Что ты здесь делаешь? — спросил Азазель. — В каком ты клане?

Гигант покачал головой.

— Зачем мне клан?.. Я один из первых нефилимов, сила моя безмерна. Никто не может меня заставить или принудить... А вот я могу.

В его насмешливом голосе слышалась отчетливая угроза. Азазель напрягся, сказал сдержанно:

— Что ты хочешь?

— Отведу вас в ближайший замок, — сказал нефилим. — Пусть разбираются с вами. Не пытайтесь сопротивляться. Азазель, ты всегда был силен, но я сейчас сильнее.

— Надо быть еще и умнее, — бросил Азазель. — Не видишь, нас двое.

Нефилим бросил короткий взгляд на Михаила.

— Зачем-то захватил с собой смертного?.. Ему здесь не выжить. Твои замыслы уже тогда для многих были тайной, Азазель... Но меня не обманешь, сейчас все просто.

Михаил смотрел на него с отвращением и злостью. Нефилим прекрасен потому, что сын ангела и земной женщины, тоже, кстати, красивой, у соратников Азазеля была возможность выбирать самых-самых, но у нефилимов нет души, в прекрасном теле находится простой зверь, как, собственно, и человек сам по себе зверь, если в нем нет души.

Нефилимы рождаются и живут, как обычные люди, только превосходят силой, а еще могут жить бесконечно долго, и все время их сила только растет.

Азазель сказал с неохотой:

— Ты один из первых, а теперь уже один из последних... Неужели ничего не понял и ничему не научился? Неужели наличие души так уж обязательно?..

Нефилим громыхнул уже с раздражением:

— Замолчи. На этот раз ты переиграл сам себя. Повернись, я наложу на тебя путы.

Азазель взглядом дал понять Михаилу, чтобы действовал, пока он отвлекает могучего нефилима, а сам сказал просительным голосом:

— Ты так и не сжалился в память о великом прошлом?

Нефилим взглянул на него с подозрением.

— Ты что задумал, Азазель?

Михаил с такой скоростью, что сам изумился, ухватил из пространства над головой черный меч, с силой нанес страшный удар. Блистающее абсолютным мраком лезвие в момент удара вспыхнуло белым плазменным огнем.

Нефилим страшно вскрикнул, лезвие рассекло плоть, оставляя длинную рану от середины спины и до поясницы, а он мгновенно обернулся к Михаилу.

Глаза налились кровью, он прокричал громовым голосом:

— Я бессмертен!.. И никто...

Азазель сказал с другой стороны мрачно:

— Другие времена, другие нравы.

Глава 12

Нефилим занес огромный кулак над головой Михаила, Азазель еще быстрее, чем Михаил, с огромной силой всадил багровое острие своего меча в позвоночник нефилима, рядом с раной, нанесенной мечом Михаила.

Струями выплеснулась оранжевая жаркая кровь, больше похожая на расплавленный металл. Нефилим судорожно извернулся, пытаясь зажать ладонями рану на спине, на лице дикое непонимание, почему не зажила моментально сама, не говоря уже, что никакое

оружие не может нанести ему вред, в глазах страх и отчаяние, как у ребенка, которому злые взрослые не разрешают ловить бабочек и отрывать им головы.

Кровь между пальцами бьет тугими струями, нефилим поднял взгляд на Михаила.

— Ты... ты кто?.. Что у тебя за...

— Закон, — ответил Михаил мертвым голосом. — Я Закон Божий.

— Но ты не...

— Я меч, — пояснил Михаил, — я есмь Его Меч.

Нефилим пытался что-то сказать, но не получилось, колени подогнулись. Михаил поспешно отодвинулся, исполин тяжело рухнул на колени, очень удобная позиция, чтобы одним ударом снести голову.

Азазель видел, что Михаил сдерживается от соблазна, сам бы он точно снес, не отказывая себе в таком удовольствии, но это Михаил, он всегда старается держаться достойно.

Нефилим упал на бок, перевернулся на спину, расплавленный металл крови растекается вокруг тела и тут же застывает, превращаясь в багровые наплывы, словно замерзающая на морозе кровь.

Михаил едва расслышал слабый голос нефилима:

— Кто... ты?

Азазель сказал быстро:

— Ты знаешь, кто я. Этого достаточно.

От громадного тела нефилима осталось меньше половины, но он все еще не отрывал требовательного взгляда от Михаила. Под его телом жарко вспыхнула его кровь, сильно запахло горелым мясом.

Азазель сказал мрачно:

— Почему у нас всегда получались такие неудачные дети?

Михаил молча смотрел, как на горячую плотную землю отваливаются куски мяса и кости, вспыхивают

на земле еще жарче и тут же превращаются в черный удушливый дым, что подхватывается ветерком и возгоняется вверх.

Остатки оболочки вспыхнули, как промасленная бумага, превращаясь в жирный черный пепел. Последним истаял громадный череп, он еще пытался щелкнуть нижней челюстью, однако кости рассыпались и тут же истлели на земле.

Михаил спросил тихо:

— Успел кому-то передать?

— Возможно, — ответил Азазель кратко. — Потому со всеми будь настороже, лишнего не болтай. Пойдем отсюда.

Михаил смотрел на черное пятно на красной глине, все еще повторяющее очертания громадного тела, Азазель перехватил мрачный взгляд соратника.

— Жаль?

— Чего?

— Некоторых, — пояснил Азазель, — ты вернул в ад, Теоганеля отправил на небесный суд, но нефилимы вне рая и ада. Просто исчезают. И все. И уже неозвращаются, как могут особо сильные демоны.

— Ад тоже не радость, — буркнул Михаил.

— Ад, — напомнил Азазель, — это исправительное место. Не только человек, даже ангел может, как говорят наши мудрецы...

— Какие это ваши?

— И ваши тоже, — ответил Азазель, — ты забыл, что у нас общие учителя?

— Нет у нас ничего общего, — отрезал Михаил.

— Значит, — сказал Азазель с удовлетворением, — мы не такие трусливые, помним. Даже в обыденной жизни человек с возрастом или новым опытом меняет цели, взгляды, идеалы... Что уж говорить про ад, где можно развлекаться, хоть и по-своему, столетиями!

Есть время пересмотреть всю жизнь и все достижения с победами и провалами... А вот если убил, то это на всегда.

— Абсолютная справедливость только у Господа, — отрезал Михаил, — да и то, думаю, он с нею не заморачивался, дабы не усложнять то, что все и так уж слишком.

Азазель шел впереди, не отвечая, огненный лес остался в стороне, пусть через него ломятся такие вот, как этот нефилим, а человек, если не в состоянии преодолеть препятствие, спокойно обойдет, не чувствуя урона своим чести и достоинству.

Когда Азазель резко остановился на вершине небольшого холма, Михаил уже догадался, что там их ждет в злобной готовности.

— Вот это диспозиция, — произнес Азазель непонятно. — Впечатляюще и даже красиво.

От подножия холма и дальше раскинулась во всю ширь чернота под красным сводом исполинской пещеры. Неведомый древний жар попросту скеж верхний слой глины, оставив вместо нее черный пепел, что частью впитался в землю, частью остался на поверхности.

Азазель полюбовался, как ветерок носит зловещие смерчи из конца в конец, повернулся к напряженному, как струна, Михаилу.

— Не по себе?.. Ничего, великая битва за передел влияния случилась здесь еще семьсот лет тому... Огромные армии сошлись, сражались трое суток. Крови было столько, что ходили в ней по щиколотку, но когда поднялась до колен, не успевая впитываться, Руакс рассердился и вмешался...

— Руакс?

— Первый из мироправителей тьмы, — сказал Азазель, — о нем сказано в Завете Соломона... Хотя сомне-

ваюсь, что Руакс способен был натворить такое. Скорее всего, ложный след, а тот, кто это сделал, испепелив обе армии, скрывает свое имя из опасения мести с той или другой стороны... Хотя такой гигант вряд ли устрашился бы мести. Скорее, не желает быть вовлеченным. Ладно, вон там, на горизонте, видишь?

— Смутно, — признался Михаил, — все в кровавом мареве.

— Сделаем небольшой подскок, — предложил Азазель. — Устал? Я помогу...

Михаил не успел рот открыть, как пальцы Азазеля ухватили за локоть, и он сразу ощутил, что воздух не так сильно пахнет гарью, а всего в миле впереди теперь высится конусообразная гора, не слишком высокая, но впечатляющая размерами.

Мелькнула мысль, что слишком точно расположилась в центре выжженной равнины, словно создана именно такой, но страшновато вообразить силы, сумевшие создать подобное.

Вокруг все та же черная выжженная долина, только подножие горы из красного камня очищено от пепла и напльвов застывшей земли. Гора сама по себе тянется вверх, а вершину венчает, как корона, чудовищная черная крепость с горящими окнами, словно тыква Хэллоуина.

Только это не окна, как понял устрашенный Михаил, а просторные проходы в залы. Видны отблески адского огня на каменных сводах, пламя красное и оранжевое, на верхних этажах окна едва светятся, а на нижнем как будто зажжены все светильники и полыхают все очаги.

Черная равнина, красная гора со срезанной вершиной и устрашающего цвета черная крепость, мрачная и пугающая...

Азазель вытащил из рюкзака бинокль, предложил:

— Хочешь взглянуть?

— У меня глаза зоркие, — ответил Михаил. — Но ты увидишь больше.

— Это точно, — согласился Азазель. — Это точно...

Он прильнул к окулярам, помолчал, потом проговорил тихонько:

— Народу там многовато, но вижу пока бесов и нолов...

— Бесы, — ответил шепотом Михаил, — понятно, а что за нолы, о которых ты уже который раз...

— Пролетариат, — сообщил Азазель так же тихо. — Бесы и нолы — это просто сервы. Часто вообще рабы. Большинство из них даже разговаривать не умеют.

— А какая между ними разница?

Азазель пожал плечами.

— Да вообще-то... Хотя да, бесы никогда не моются, в какой бы грязи ни повалялись, а нолы достаточно опрятные. Те и другие не любят демонов. Даже ненавидят. Ненавидят и боятся. Как любых эксплуататоров. Булыжник — оружие пролетариата!

Михаил прошептал:

— А вот те двое, что идут по верху стены...

— А-а, — сказал Азазель, — и без бинокля рассмотрел? Можешь, когда стараешься... То демоны. Правда, мелкие. Инкубы или суккубы, отсюда не разберешь, оба зачем-то в плащах. Хотя суккубов тыглядишь лучше, у тебя опыт... Это те, которые благодаря своим возможностям чаще других проникают в мир людей. Или структуре, как сказать точнее? Я же люблю точность, хотя и поэт в душе. Даже художник местами. Правда, с уклоном в экспрессионизм. Чародеи нередко пытаются вызвать демонов, чертят пентаграммы, выговаривают сложнейшие заклятия, но вместо вызываемого демона обычно приходят суккубы. Им только дай возможность...

Михаил буркнулся:

— Уже малость зная людей, рискну сказать...

— Ну-ну, рискни!

— Чародеи не очень-то и огорчаются?

Азазель хмыкнул.

— Тебе лучше знать. Одного из таких вызванных ты сам отправил взад.

— Нет, — напомнил Михаил, — я его там же на месте. Нужно брать смелость решать некоторые вопросы самим.

— А как же перекладывать на других? — воскликнул Азазель. — Мишка, ты не демократ!

— Неважно, — отрезал Михаил. — Нужно поступать правильно.

Азазель покосился на него со странным выражением в глазах.

— А ты мне нравишься все больше. Пожалуй, буду называть Михаилом... еще чаще.

Михаил промолчал, одно дело говорить твердо и уверенно, другое — чувствовать себя так на самом деле, потому всматривался в исполинскую крепость со страхом и дрожью во всем теле, стараясь выглядеть суровым и невозмутимым.

Выстроили ее, как успел сообщить Азазель, под руководством прадеда Малфаса, великого воителя Кегон-ралда, могучую и грозную, с толстыми стенами, рвом и защитным валом. Даже огромный мост переброшен через ров, но какой-то странный, деревянный, хоть и широкий, а к краям протянуты толстые канаты.

Азазель заметил, куда смотрит Михаил, сказал с иронией:

— Достроили позже. Демоны развиваются, в отличие от ангелов! Хотя не так быстро, как люди. Видишь, только-только освоили средневековые фортификации... Это подъемный мост.

Михаил не знал, какие такие у средневековых были фортификации, сказал тревожно:

— Какая-то стена без ворот... Как туда входят и выходят?.. Или все с той стороны?.. Но для такой огромной крепости нужно хотя бы по воротам с каждой стороны...

— Ворота есть, — заверил Азазель. — Эх, потащил я тебя сюда, не дав освоиться с наследием Кезима!.. Постарайся научиться видеть скрытое... Хотя успеешь вряд ли...

— Убьют раньше?

— Не обязательно, — успокоил Азазель, — хотя, конечно, вероятность такова, что на твое выживание не поставят и рубля. К тому же эти крепости соединены одна с другой тоннелями, а по ним демоны носятся гораздо быстрее.

Михаил взглянул с недоверием.

— По тоннелям?

— Долго рассказывать, — ответил Азазель. — Приими как данность. Как вроде гибертруб Маска. Да и надо ли тебе это сейчас?

— Тебе виднее, — ответил Михаил. — Значит, нам встретятся бесы и нолы. А чего все безрогие?..

— Не все, — утешил Азазель, — есть с рогами или рожками, хотя таких мало. Есть даже с крыльышками, хотя на таких не полетаешь. Зато многие с хвостами, если тебя это утешит... Или даже обрадует!

— А вот почему-то не радует, — буркнул Михаил.

— И не утешает?

— И не утешает, — ответил Михаил. — Меня бы утешило, если бы эта крепость провалилась под землю вместе со всеми этими бесами и нолами.

— Там не только бесы, — напомнил Азазель. — Старшие демоны простой работой не занимаются. Они там, внутри. А с ними будет очень непросто... Готов к прыжку?

— Не совсем, — ответил Михаил. — Дай пистолеты сперва достану...

— Рано, — сказал Азазель. — Прыгнем на крышу. Никто и не увидит снизу. А там подумаем, как пробраться вниз.

Михаил, чувствуя, как трепещет перепуганное сердце, ответил сурово и мужественно:

— Да, конечно, готов.

Мгновение спустя со всех сторон распахнулся красный мир, утопающий вдали в багровом тумане, а подошвы уперлись в слишком покатый гладкий камень крыши, скрепленный толстыми полосами металла.

Ни люка, ни двери, Азазель сказал с горестным вздохом:

— Не люблю портить произведения искусства и архитектуры, когда жег Александрийскую библиотеку, прям сердце кровью обливалось. К счастью, не у меня, я вообще-то обожаю вредить, как все революционеры, флибустьеры, оппозиционеры и прочие вредители сельского хозяйства.

— Это, — спросил Михаил настороженно, — к чему?

— Причиним некоторый вред архитектуре, — пояснил Азазель. — Учись делать бесшумно. Хотя с шумом и треском, конечно, интереснее и зрелицнее. Ты что больше любишь, хлеб или зрелица?

— Блинчики, — ответил Михаил.

Глава 13

Азазель уже опустил ладони к поверхности крыши, камень под ними накалился, приобрел вишневый цвет, но плавиться не стал, а сразу начал возгоняться сухим жарким воздухом с сильным запахом горящего металла.

Дыра получилась с красными краями, Азазель расширил ее диаметр, любовно и в то же время практически

закругляя острые заусеницы, эстет, полюбовался, хотя Михаил уже научился понимать, когда в самом деле беспечен, а когда делает вид.

— Ну вот, — сказал он вдохновенно. — Повторение — мать учения! Почти как в Сигоре, помнишь?.. Только там в подземелье, а тут... не совсем как бы подземелье, а даже наоборот. Там было скучно, а здесь сколько народу встретим! Ты же драться обожаешь, весь из себя раззудишься!

Михаил зябко передернул плечами.

— Ну и шуточки у тебя. Я веревку не брал!

— Веревок не напасешься, — ответил Азазель серьезно. — И вообще вешать нерационально. Проще рубить... Да ладно-ладно, сейчас присмотрю там, внизу, местечко...

Он опустился на четвереньки, долго вглядывался, наконец шепнул:

— Есть уголок...

— А как мы...

Он не договорил, Азазель внезапно цапнул его за лодыжку. Михаил не успел открыть рот, как оба оказались на краю потолочной балки под сводом в просторном помещении. Воздух внутри не такой сухой, как снаружи, пахнет горелым маслом, снизу слышатся грубые голоса.

— Тихо, — шепнул Азазель, — там слуги. Какого черта приперлись?.. Подожди, пусть уйдут.

Михаил огляделся, они у стены в темном закутке, снизу их не видно, балка толстая, Азазель перенес их точно. Снизу доносятся голоса грубые, раздраженные, Михаил еще не выглянул, а уже увидел в запахах и колебаниях воздуха косматых существ, похожих как на людей, так и на огромных обезьян, коротконогих и с длинными мохнатыми руками.

— Жди, — велел Азазель шепотом. — Пусть уйдут. Это слуги... Заменят чашки с маслом в светильниках

и уйдут. А потом ты разойдешься... Здесь тебе не чашки двигать!.. Бей, круши, ломай — на это ума не надо. Атомных бомб тысячи наделали, пока научились ими чашки двигать... в смысле, в мирных целях. Так и здесь, раззудись, Мишка!.. Пусть не препятствуют нашему нздраву. В основном твоему.

Михаил тихо шепнул:

— А твоему?

— Я что, — ответил Азазель с достоинством, — я скромный, интеллигент, всегда в стороне... Зато у тебя все нужное пойдет, ты же солдат, а не защитник природы и ее окрестностей, как вот я, к примеру. Если чашку разобьешь, никто не обругает, даже если вместо чашки этот дворец с его обитателями... А кто против... его тоже о стену, не нужна нам оппозиция! Пусть все знают наш здоровый гуманизм с человеческим лицом.

— Азазель, — попросил Михаил, — я знаю, ты меня так успокаиваешь и отвлекаешь, но так еще страшнее, не знал?

Азазель вытаращил глаза.

— Ты чего?.. Царь природы?.. Это человек царь!.. А еще и венец творения, во что мне и самому бывает поверить трудно, но раз сказано, что венец, то венец!.. Почему ты решил, что я о тебе думаю? Я себя успокаиваю, мне всегда страшно, я же ценность!.. А ты всего лишь солдат. Не тот солдат, так этот, как сказал великий демон Брехт.

— Вот теперь успокоил, — согласился Михаил.

— Я ж говорю, — воскликнул Азазель шепотом, — в психотерапевтах я бы такие деньги заколачивал!.. Смотри, уже уходят сиволапые. Им бы только Зимний брат, морды опухшие.

— Но брат будем мы, — уточнил Михаил, — а эти сиволапые в защитниках?

— Это работники, — сообщил Азазель, — а не защитники. Просто бей, кто подвернется, их не жалко. Честно говоря, мне здесь вообще никого не жалко, хотя я человеколюбист и правозащитник, пусть и крайне умеренный, а иногда и экстремальный.

Михаил иногда чуть заглядывал за край, проверял, как последние слуги внизу наполняют чаши светильников и уходят, и спросил тихонько:

— А охрана... как всегда, у входа?

— Придет и ее очередь, — пообещал Азазель. — Мы сейчас в прекрасном диком времени, где нет полиции, а правит сила!.. Потому нет нужды арестовывать. Кто не с нами — тот против нас. Помнишь, крестоносцы готовились к штурму города, и один спросил священника, как отличить верующего от безбожника. Священник ответил мудро: убивай всех, а Господь разберется, кого в рай, кого в ад...

— Понял, — ответил Михаил сухо. — Это себе такое скажи. Я не очень-то готов здесь щадить кого-то.

— Тогда прекрасно, — сказал Азазель. — Стреляй на поражение сразу. Здесь не сбегутся на звуки выстрелов. Местные, к счастью, не знают, что это такое.

— А это честно?

— В войне вообще нет чести, — ответил Азазель мудро. — Говорят о чести и доблести те, кто сам в бой не идет, а красиво и величественно посыпает других умирать за идеалы. К тому же часть демонов могут использовать боевую магию. А это нечестно!

— А если мы?

Азазель сказал оскорбленно:

— Ты чего такой зануда? Понятно же, нам все можно! Потому что мы несем добро и разрушение!

Михаил поинтересовался осторожно:

— А как отличить тех, кто с боевой магией?

Азазель скривил губы.

— Господь разберется, забыл?

Он прислушался, внизу тихо, пробежал на ту сторону зала по потолочной балке, она толщиной с туловище толстого человека, оступиться трудно, через равные промежутки с нее свисают толстые канаты с массивными светильниками из меди.

Свечи горят ярко, освещая расположенный внизу зал, просторный и с минимумом мебели, где только большой овальный стол и с дюжину кресел с прямыми высокими спинками.

Азазель уже пробежал к стене, а там в камне ступеньки для слуг, тем иногда приходится подниматься на балки и смазывать жиром места, по которым скользят канаты, раз уж никто не подсказал, что проще поставить там хитрые такие колесики, именуемые блоками, и вообще наделали бы полиспасты с тялями.

— Тихо, — шепнул Азазель, — кто-то идет.

Михаил пробормотал:

— Это их жилье... Они тут все время ходить будут.

— Ты прав, — согласился Азазель. — Это надо прекратить, тащить и не пущать.

Он соскочил с балки, а Михаил, видя, как он приседает для прыжка, поспешил сиганул следом. Один из демонов что-то ощутил и начал поднимать голову, Михаил обрушился на его плечи ступнями, а второго ударили кулаком в темя.

Азазель поднялся с трупа третьего, спокойный и уверенный, сказал с одобрением:

— Одному сломал спину, а другому череп?..

— Вроде бы, — ответил Михаил.

— Прирожденный воин, — сказал Азазель. — Молодец, Мишка! Не думаю, что в Брие проделал хотя бы раз, но сейчас все так, словно отрабатывал столетиями.

Михаил спросил настороженно:

— Хочешь сказать, Всевышний предвидел этот момент?

— Неисповедимы Его пути, — ответил Азазель уклончиво, — но предполагаю, что в предвидении трудностей в будущем Он дал тебе умение воевать, а мне мозги и общую одухотворенность с ощущением красоты мира...

— Свинья, — сказал Михаил с отвращением. — Хвастливая свинья! Хуже того, козел хермонский.

Азазель с затаенной усмешкой пробежал через зал, Михаил видел, как в его ладонь прыгнул пистолет, только потом сам выглянулся через арочный проем, поворачивая голову направо и налево, махнул рукой.

— Давай сюда!

Михаил оглянулся на тела, все три уже начали рассыпаться, прекрасно, никто не наткнется на трупы и не поднимет тревогу.

Азазель предупредил строго:

— Помни, здесь абсолютная демократия!.. У женщин все те же права, что и у людей, понял?

Михаил ответил с неохотой:

— Да понял, понял. Даже больше, чем ты сказал.

— А что же? — полюбопытствовал Азазель.

— Люди, — ответил Михаил, — такие странные взгляды на равноправие взяли именно отсюда. Здесь это было изначально! Первой феминисткой была Лилит, отказавшаяся подчиняться Адаму, дескать, равны...

Азазель ухмыльнулся.

— А-а-а, начинаешь понимать, откуда ветер дует? Все верно, первые же демоны, что начали проникать в мир людей, занесли сюда эту дурь, а потом она пустила здесь корни.

— Да? — спросил Михаил. — Я думал, первыми супражистками были сбежавшие из ада женщины.

— Не отвлекайся, — напомнил Азазель. — Убивай и женщин, как и мужчин. А то знаю, у тебя рука дрогнет, а вот у них нет. А мне тебя, кто бы подумал, все-таки почему-то как-то жалко даже бывает. Временами. Наверное, съел что-то.

В центре комнаты, куда тихонько прокрались из зала, круг из больших и малых камней, а внутри серый пепел и обугленные остатки поленьев, привычный очаг цивилизаций раннего периода.

Михаил спросил с подозрением:

— До каминов здесь не додумались?

— Камины только для мерзкого сырого климата, — ответил Азазель. — Скажем, для Англии. А здесь как бы не совсем сыро. И не настолько холодно, чтобы снеговиков лепить.

— Не защищай своих собратьев, — сказал Михаил сурово. — Мне все равно, камины у них или тепловые насосы. Что ты ишь?..

— Да все, — сообщил Азазель деловито, — что можно унести.

— Воровать нехорошо!

— Это не воровство, — возразил Азазель с достоинством, — сколько тебе говорить!.. Воровство — когда тайком у соплеменника, а у чужого — трофей и добыча!.. Это почетно, понял?.. И поощряется законами всех племен, народов и даже государств, хотя насчет государств не совсем уверен, у них оговорки, подпункты и подзаконные акты насчет когда можно, когда нельзя, а когда просто необходимо во имя отечества и свободы личности.

Михаил потряс головой, сбрасывая с ушей шелуху непонятных слов.

— Ничего не понял, но воровать — нехорошо!..

— Девушке своей скажи, — буркнул Азазель, — а лучше законной жене, что вот был в доме врага, видел

там роскошные серьги с бриллиантами с орех, золотые кольца и дивное ожерелье, но не взял, так как воровать нехорошо!.. Да она тебе в глаза плюнет. Если сперва не выцарапает!

Михаил в недоумении огляделся.

— Где серьги с бриллиантами?

— Ага, — сказал Азазель злорадно, — заинтересовался!.. О Синильде вспомнил?.. Или насчет Аграт?

Михаил помрачнел.

— О них больше ни слова.

— Хорошо, — сказал Азазель послушно, — хотя вроде бы о чем еще поговорить, как не о женщинах?.. Ну что, если готов, спускаемся ниже?

Не дожидаясь ответа, он подошел к двери в стене напротив, поскреб поверхность на уровне глаз ногтем.

Михаил спросил в нетерпении:

— Что не так?

— Медь, — ответил Азазель. — Странно, вроде бы выплавку железа давно освоили. Или еще не знали, когда этот дворец строил прадед Малфаса?.. Ладно, будь готов бить быстро, живых не оставлять, это негуманно и признак отсутствия высокой культуры.

Михаил чувствовал, как сердце колотится, а всего трясет, в руке то и дело начинает появляться рукоять меча, но успевал остановить себя. Твердая холодная рукоять уже появляется в ладони достаточно быстро без торжественно-театрального ожидания, потому пусть его меч увидят только те, кому суждено тут же умереть.

Глава 14

Демон увидел его раньше, чем Михаил успел бы добежать до него, раскрыл рот для вопля, рот громаднейший, а грудная клетка, как у быка, заревет так, что ус-

лышат и за стенами дворца, Михаил на ходу выстрелил, уже покрываясь холодным потом от ужаса за громкий выстрел.

Пуля ударила в распахнутый рот, голову демона даже не отбросило назад, а разнесло, как взрывом. Тело рухнуло на пол и сразу же рассыпалось на мелкие камешки, превращаясь в песок и растаивая на каменном полу.

Азазель крикнул:

— Да не трясишься!.. Кто выстрелов не знает, тот их не боится!

— Но...

— И ни с чем плохим, — закончил Азазель, — не связывает!

Он трижды выстрелил, и трое демонов-слуг распростерлись на полу, быстро рассыпаясь и превращаясь в исчезающую пыль.

Азазель перехватил испуганно-озадаченный взгляд Михаила.

— Быстро?.. Зато сразу видишь, кто на какой ступеньке иерархической лестницы! Чем ранг выше, чем убитый исчезает медленнее. Кто-то не хочет назвать тебе звание и номер части? Убей и посмотри!

Михаил не стал спрашивать, как тогда увидит номер части, у Азазеля наверняка припасено что-то из-девательское, жить без этого не может, молча вслед за ним пробежал вдоль окружной стены в сторону широкой арки в соседний зал.

— Трое настоящих, — успел шепнуть Азазель, а демоны, что шли в эту сторону, столкнулись с ними в проеме.

Азазель схватился с двумя, Михаил увернулся от громадного кулака, что, как падающий с горы камень, несется ему в голову, третий демон громаден и ужасающе свиреп, действует быстро и без раздумий, Миха-

ил ударил в ответ сам, демон качнулся, но рассвирепел и обрушился на противника.

Михаил ощущал прилив радостной злости, его кулак пробил оборону и с такой силой саданул противника в морду, что та сплющилась, брызнула кровь, а тот отшатнулся и отступил на шаг.

Словно из другого мира, донесся злой голос Азазеля:

— Не играйся!

«Не играюсь», — хотел он ответить, но со стыдом ощутил, что в самом деле поддался этому восхитительному чувству, что вот дерется по-настоящему, по-мужски, но противник заведомо слаб, и обмен ударами опасен для противника, а не для него, таинственного незнакомца...

Он уклонился от удара, а кулак метнулся вперед. Хрустнули перебитые кости шейных позвонков, демон безвольной кучей мяса опустился на пол.

Михаил не стал оглядываться, противник мертв и рассыпается без следа, а впереди живые и опасные, он это знает и без окрика Азазеля.

Прокочив в арочный вход, обнаружили еще четырех демонов, настоящих, как сказал Азазель, то ли из охраны, то ли просто более высокого ранга, чем простые рабочие.

Азазель метнулся вперед со скоростью молнии. Трое сразу пали под его быстрыми ударами, Михаил успел только к четвертому, но и того, как заподозрил, Азазель оставил для него нарочно.

Михаил ударил противника о каменный пол, тот распластался с переломанными костями, а спустя секунд десять рассыпался в мелкую пыль, что сразу впиталась в плиты.

— Хорошо, — сказал Азазель негромко. — Исчезают быстро. Пойдем. Надо спешить.

Из этого зала лестница ведет вниз, там зал просторнее раза в полтора, Азазель еще со ступеней открыл бы-

струю стрельбу из двух пистолетов, Михаил бежал следом и тоже стрелял, выбирая цели в стороне от тех, куда торопливо всаживает пули Азазель.

Демоны, не представляя, кто вдруг появился в замке, тупо бросались на незваных гостей, Михаил едва успевал жать на курок, перезарядил, но последних двух Азазель сразил голыми руками, только потом тоже встал новую обойму.

— Тревога локализована, — шепнул он счастливым голосом. — Пока что везет!

— За стенами не услышат?

— Стрельбу? А если и услышат, что с того?..

— Но..

— Мишка, здесь нет огнестрельного оружия. Мы как бы в мире Средневековья, но с элементами сильнейшей магии...

— Тревогу не поднимут?

— Для них это не стрельба, — пояснил Азазель, — а так... не такие уж и громкие звуки. Кто-то может заинтересоваться, но таких будет немного. Демоны не люди, любопытство не в их характере. У них цивилизация подражательная.

Михаил шепнул:

— Остался один этаж?

— Два, — уточнил Азазель. — Но там парни покруче. Соберись.

— Куда еще? — ответил Михаил шепотом. — Меня и так трясет!

— Кости стучат?

— Только зубы...

— Тогда тебе еще не страшно, — заверил Азазель. — Ну, еще этаж...

Михаил оглянулся, трупы на глазах испаряются, странное зрелище, все еще в диковинку, но и странное облегчение, словно все позади, а впереди только цветы и женщины.

Азазель пробежал к лестнице, Михаил несколько заморозил, услышал стрельбу, метнулся следом, чувствуя недоумение и стыд, почему-то это в нем ликование и жажда убийства так яростно борются с нежеланием стрелять... в своих?

Выстрелы Азазеля гремят уже внизу, на втором витке лестницы, Михаил догнал и начал стрелять, когда Азазель вступил уже в рукопашную схватку.

— Не боись, — крикнул он Михаилу, голос звучал прерывисто и с хрипами, — это хоть и демоны, но простые, как извозчики.

— Саданет кто, — сказал Михаил зло, — в бок или в спину!

— Так я и допущу, — ответил Азазель, но Михаил видел, что уже устал и улыбается вымученно, — все по плану...

— Не старайся брать все на себя, — возразил Михаил. — В чем-то я сильнее тебя, забыл?

— Как слон сильнее человека, — согласился Азазель. — То-то слонов люди едва всех не перебили... Остался последний этаж!.. Заран должен быть там... А эти так, мухи...

— Ничего себе мухи, — проговорил Михаил. — Ладно, последний бой...

— Да, — подтвердил Азазель серьезно. — Все, как у людей. У них каждый бой — последний.

Случайно так получилось или на нижнем этаже челядь в самом деле только из достаточно могучих демонов, но Азазель после первых выстрелов вынужденно ухватился за меч. Багровое лезвие заблистало почти с такой же скоростью, как и пули из его пистолетов, Михаил, хоть и шел за его спиной, только сейчас заметил, что не всех демонов выстрелы бросают на пол мертвыми, вызвал меч, демоны в недоумении и ужасе замерли и пялились некоторое время, пытаясь сообра-

зить, что это, так внезапно возникшее, а он как можно быстрее рубил во все стороны.

Азазель первым опустил меч, что тут же исчез из его руки. Михаил прислонился в изнеможении к стене, сердце едва не выпрыгивает, во всем теле нарастает предостерегающий об истощении холод.

Азазель тоже смотрится измученным, хотя старается выглядеть веселым и беспечным, но одежда иссечена и вся в крови, хотя легкие раны явно успел зарастить вовремя, а тяжелых избежал.

Нижний этаж завален трупами, некоторые исчезли почти сразу, другие так и лежат в лужах крови, Азазель проговорил с трудом:

— Нам повезло...

— Ага, — согласился Михаил. — Как утопленникам...

— Зарана не оказалось, — пояснил Азазель. — Иначе... даже не знаю... Ты давай дыши глыбже! Вон канат антисфироты, соси, как теленок самую толстую корову.

Михаил чувствовал, как колени подгибаются, сполз по стене и, сидя, скорчился, опустив голову, нашупал черную стену недоброй силы, от которой идет такое радостно злое чувство и желание выказать свою мощь...

Азазель тревожно поглядывал, как постепенно исчезают трупы, через несколько минут испарились даже те, что в доспехах и с оружием в руках, точно не челядь, элитная охрана. Пусть не лучшие в аду воины, но красивые и представительные, даже Зарану в каких-то случаях нужны не столько умелые в бою, как красивые и нарядные...

Михаил наконец-то ощущил, как его застывающее в холода теле начинает разогреваться. Пошел жар, пришлось сосредоточиться, не выпуская его наружу, иначе начнет плавиться стена, в которую уперся спиной. Он

снова ощущил себя большим комом ваты, куда тонкой струйкой падает кипящая вода.

Азазель поглядывал искоса, посоветовал вполголоса:

— Торопись! И сразу не давай себе отяжелеть. А то от ощущения своей силы начнешь двигаться, как черепаха Галапагосских островов, красивая такая, величественная, вообще королева!.. Ты и похож на нее, если вот так, в профиль...

Михаил слышал его голос, но не улавливал слов, тело продолжает наливаться мощью, в ушах грохот водопадов крови, пальцы подрагивают от жажды сдавить в ладони рукоять меча и крушить все, наслаждаясь силой и властью, когда ему все можно.

Азазель украдкой выглядывал в широкий проем окна, на него то и дело падает отблеск красного неба, делая лицо зловещим и неприятным.

Михаил сам не знал, сколько просидел вот так, наслаждаясь чувством прибывающей силы, наконец в сознание прорезался неприятный голос:

— Все еще или уже в нирване?.. Вставайте, сэр, вас ждут великие дела! А если и не ждут, все равно вставай, поднимайся, рабочий народ. Мы все, кстати, рабочие на великой стройке прогресса.

— Встаю, — буркнул он. — Уже встаю...

— Так стремительно встаешь, — заметил Азазель, — что практически лежишь. Нам все еще везет. Заран... хотя да, вон там трое... Эти вроде бы рангом выше...

Михаил поднялся, повел плечами. Непривычная мощь переливается в теле тяжелыми плотными волнами, накатывает жар, быстро сменяясь лютым холодом, и тут же снова радостное тепло от кончиков пальцев ног до кожи на голове.

Азазель сказал негромко:

— Иди сюда... Но не высовывайся.

Михаил осторожно приблизился, в теле странная тяжелая легкость, словно может подпрыгнуть и пробить собой верхние этажи с такой же легкостью, как крупный кузнецик рвет тонкую паутину.

— Заран?

Азазель сбоку от окна указал пальцем.

— Ты вон туда посмотри, — выпалил он жарким шепотом. — Да не в ту сторону, ворона! Вон, не видишь?

Далеко по красиво расчерченной на крупные квадраты площади двигаются в сторону дворца с величавой неспешностью трое могучих демонов. Двое на голову выше Михаила, а тот, что посередине, даже на две, широкий, весь в буграх мышц, то ли каменных, то ли металлических, голова крупная, квадратная, а на ней...

Азазель сказал счастливым шепотом:

— Рога, ты посмотри, какие рога!.. В рюкзак влезут? Или не влезут? Нет, ты прикинь, как нести будем?

Головы всех троих демонов увенчаны мощными рогами, но у среднего не рога, а сказка, толстые у основания, изящно изогнутые и красиво истончающиеся дальше, багровые внизу, пурпурные посередине и с ярко-алыми кончиками.

— Посередине Заран? — спросил Михаил тихо.

— Он, — ответил Азазель с ликованием. — Видишь, как все просто? Вини, види,вици.

— Какие рога, — прошептал Михаил с тревогой, — при чем тут рога! Это же башня из стали, а не демон! Он весь в броне, не видишь?.. Эта броня — броня или его шкура?..

— Броня, — успокоил Азазель. — Правда, под нею шкура тоже броня. Таким уж уродился, генетический урод!..

— Что такое генетический?

Азазель отмахнулся.

— Это не военный термин, а про Менделя попозже. Этих троих хорошо бы как-то разделить.

Михаил согласился быстро:

— Да-да. Этих троих не осилить, чувствуя всем своим... Это кто?

— Есть такой ранг, — сообщил Азазель, — называется Сильные Демоны. В нем не просто сильные, а владеющие чем-то еще помимо грубой, как говорят, рафинированной, силы... Но рога, посмотри, какие рога!.. Концы прямо светятся, как красные бриллианты!.. Всеахнут!

Михаил перебил зло:

— Чем еще владеющие?

— Знать бы, — ответил Азазель, — это сразу взять половину победы!.. А потом добрать остальную. Увы, Мишка, нам такое счастье не светит, как вон те рога на халяву... Но добыть надо.

— Добудем, — пообещал Михаил, он в самом деле чувствовал, что хотя и выдохся, но для последнего боя набрался черной силы, а потом останется только доползти до дивана в квартире Азазеля. — Говори, как.

— Ты еще не вошел в возраст, — ответил с огорчением Азазель. — Я имею в виду в полную силу элементала. С другой стороны, драке учатся в самой драке. Стой здесь, у самого входа, но будь наготове!..

— А ты?

— А я пошел, пошел...

Он исчез, не договорив, только эхо метнулось следом. Михаил судорожно вздохнул, пистолет в руке показался бесполезной игрушкой против таких противников, сунул обратно в кобуру, сосредоточился и представил как можно отчетливее черный меч...

Однако в ладонях все так же пусто, а в это время по ту сторону стены раздался испуганный вскрик. Вдоль

стены ко входу в замок мчится Азазель, лицо перепуганное, визжит, как поросенок, спотыкается и отмахивается от чего-то незримого...

Михаил дернулся, через несколько секунд Азазель промчится мимо, а за ним разъяренный демон, а то и все трое...

Ладони обожгло вселенским холодом. Пальцы сжали черную рукоять. Он торопливо вскинул меч обеими руками на уровень плеча, топот приближается.

В дверной проем влетел и пронесся мимо Азазель все еще с искаженным от ужаса лицом. Михаил не рискнул выглянуть, вслушался в топот, рассчитывая скорость, а когда из-за края каменной стены еще и пахнуло жаром нечистого тела, с силой ударил мечом, держа лезвие горизонтально, словно рубит им дерево.

Ему показалось, что поторопился, громадный демон только-только показался из-за угла, но острие меча все же с силой врезалось в его тело на уровне груди. Рукоять рвануло в крепко сжатых ладонях. Он сдавил ее изо всех сил, демон сделал еще шаг, увлекая и его с собой.

Михаил все не мог отпустить меч, но и не удавалось выдернуть. Просчитался, рассчитывая снести голову, демон оказался еще выше, чем виделся издали, и сейчас делает второй и третий шаги с торчащим из груди мечом...

Азазель налетел, как буря. Багровый меч взлетел над его головой в мощном взмахе, однако демон споткнулся и тяжело повалился мордой вниз. Михаил не удержал на мече грузное тело, но, не желая выпускать из рук рукоять, упал рядом на колени.

Тело демона дрогнуло, начало расплыватьсь, Михаил наконец-то освободил меч и с облегчением вскочил на ноги.

— Молодец, — сказал Азазель быстрым шепотом, — хороший удар! Глупый, но доблестный, что тебя характеризует.

— Ну, спасибо...

Азазель покачал головой.

— Ты его почти рассек пополам! Еще бы чуть, и за мной бежала бы только нижняя половинка, а зачем она мне?.. Давай быстрее обратно. Если повезет...

Михаил оглянулся, тело демона расплющилось и ушло из виду, словно просочилось сквозь щели между каменными плитами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Второй демон, как они увидели в щелочку, выслушал Зарана и по нетерпеливому взмаху его руки пошел в эту же сторону.

— Давай и этого на чем-то поймаем? — сказал Азазель лихорадочным шепотом.

Михаил не успел даже рта открыть, как Азазель охнул и рухнул на пол, красиво раскинув руки. Михаил с остановившимся на миг от неожиданности сердцем едва успел отступить к стене возле самого входа, как с грохотом вбежал второй демон, увидел распостертого Азазеля и бросился к нему.

Михаил поспешил подбежать со спины, демон поднял ногу, намереваясь наступить Азазелю на голову, но лезвие меча Михаила, на краткий миг полыхнув светом Первого Дня Творения, с хрустом рассекло спину почти до позвоночника.

Демон с ревом извернулся, Михаил не успел поднять меч, как громадная лапа ухватила его поперек туловища, сдавила так, что дыхание вырвалось, как у зарезанной свиньи с кляпом во рту.

Он не успел пикнуть, как демон с огромной силой ударил его о каменный пол.

Михаил охнул, все кости затрещали от удара. Демон навалился сверху, ужасающая пасть

приблизилась, оттуда вырвался хрип, голова бессильно опустилась, придавив Михаила, как могильной плитой.

Он с трудом выбрался из-под ужасающе тяжелой туши, тяжело дышал, уткнувшись лицом в каменный пол. Разбитые губы чувствовали вкус своей крови, а избитое тело, где уже и кости превратились в желе, молило о пощаде.

Над ним появился Азазель, сказал хриплым голосом:

— Да, ты сейчас не тот, что был раньше. Жалеешь, что покинул небесные чертоги?

— Конечно, — ответил Михаил стонуще, — там невыразимое состояние счастья и блаженства! Каким же дураком был, когда решил спуститься...

— Ага, — сказал Азазель злорадно.

Михаил с трудом поднялся на четвереньки, кое-как воздел себя на ноги.

— Азазель... Это нечестно. Ты же знаешь, подергаясь-подергаюсь, но не захочу ничего терять.

Азазель оглянулся.

— Заран близко, я чую.

Михаил повернулся к распластанному демону. Удар Азазеля в затылок раскроил череп и закончил схватку, теперь это только тело, все еще огромное и могучее, но с быстро угасающей жизнью.

Азазель проследил за его взглядом.

— Это был кабан, — сказал он с пониманием. — Даже кабанище... Мишка, чего дрожишь?.. А-а, боевая ярость, понял-понял... Спрячь меч, а то вдруг снова вспыхнет. Хорошо, если Заран не смотрел в эту сторону...

— Он смотрел, — ответил Михаил. Он чувствовал, что дыхание все еще вырывается из его глотки с хрипами, словно взбежал на гору. — Он сейчас будет здесь.

Азазель повернулся ко входу, а Михаил в недоумении и с беспокойством смерил взглядом распростертое тело демона.

Азазель спросил:

— Что не так?

— А почему не исчез?

Азазель буркнулся:

— Полукровка. Один из родителей демон, другой человек. Даже четвертькровка. Полукровки все же рассыпаются, хоть и медленнее. А четвертькрови так вообще долго.

Михаил сказал озадаченно:

— Значит, надо осторожнее...

— Осторожнее нужно всегда, — напомнил Азазель. — Осторожные живут дольше. Но скучнее. Но лучше скучно, чем никак. Не согласен?

Михаил сказал сквозь зубы:

— Думай, как справимся с Зараном. Странно, что почти человек стал его ближайшим помощником, правой или левой рукой!

Азазель хмыкнул.

— А не странно, что другой стал помощником самого Всевышнего?.. И все его решения даже нам сообщает только он?..

Михаил в неудовольствии пожал плечами.

— Конечно, странно. Но Ему виднее...

Он умолк, камни под ногами начали вздрогивать под тяжелыми уверенными шагами. Пригнувшись, через проход в зал вдвинулся исполинский демон с величественными рогами, блистающий красными доспехами, что не доспехи, как чуть позже сообразил Михаил, а кожа, вся из наползающих одна на другую крупных пластин, похожих на чешую громадной рыбы.

Он видел, как Азазель покосился в сторону, где только что лежало распластанное тело второго демона, сейчас там пусто, а Заран остановился, громадный и блещущий металлом кожи.

— Кто, — громыхнул он, — и почему... здесь?

Михаил развел руками, не зная, что ответить, чтобы поумнее и позначительнее, зато Азазель, от которого привычно ожидал витиеватой речи и всяких хитростей, вдруг сказал гремящим голосом:

— Заран!.. Я — Азазель, идущий через века и тысячи летия!.. Ты посыпал ко мне отсель убийц?.. Или не отсель?.. Так вот я пришел сам! Ответь, тварь дрожащая, есть ли у тебя оправдания?

Заран злобно и недоверчиво зыркнул на обоих из-под нависающих бровей. Михаил ощутил колючий взгляд, что пробежал по нему, как тысяча муравьев разом.

Настороженность в глазах Зарана сменилась презрительным пренебрежением. Он перевел взгляд на Азазеля, больше не обращая внимания на простого смертного.

— Азазель? — прорычал он таким голосом, что камни в стенах отзывались глухим стоном. — Так ты и есть тот самый...

Азазель милостиво наклонил голову.

— Да, грозный и всепрощающий Азазель Прекрасный. Не все, конечно, так меня зовут, но из всех моих звучных прозвищ мне нравится это скромное и такое милое...

Заран рыкнул громче:

— Азазель, которым нас пугали в детстве?

— Правда? — переспросил Азазель с отвращением. — Как можно мною пугать?

— Ты не выглядишь грозным, — прогремел Заран. — У тебя хватило безумия явиться сюда? Ко мне? Что ты надеешься получить?

— Твои рога, — сообщил Азазель честно. — Очень уж понравились. Ты вообще красив, если вдруг не знаешь.

Заран покачал головой.

— Но как... как ты смог сюда явиться?

— А просто возжелал, — сообщил Азазель, — а мои желания исполняются чаще, чем твои. Так что если смиленно испросишь у меня прощения... то я, будучи добрым и милостивым, любителем мелких животных, могу и сжалиться. В порядке исключения.

Заран рассматривал его с высоты со злобным недоверием.

— Ты силен, — прорычал он тем же звучным голосом, — но ты глуп. Хотя сумел добраться до моей крепости... и войти в нее!.. но здесь и останешься.

— Заран, — сказал Азазель с оскорбительным высокомерием, — не глупи. Встань на колени, склони голову... Я в глубине себя добрый, могу и сжалиться. Есть во мне что-то мерзко интеллигентное, есть...

Михаил затаил дыхание, Азазель нарочито дразнит могучего противника, чтобы тот злился и терял самообладание, а самое главное — забыл о жалком смертном за спиной.

— Азазель, — громыхнул Заран, — я сейчас осматриваю глазами крылатых ящеров долину... и нигде не вижу твоих войск!..

— Хорошо спрятались? — поинтересовался Азазель. — Это именуется маскировкой, не знал?.. Ах да, ты же рядовой боец, тебе это не по рангу...

— Нет там никого, — отрезал Заран. — Моя долина — мои законы. Ты в самом деле решился прийти сюда в сопровождении жалкого смертного? Его раздавлю, как муху, а тебя... ха-ха!.. как большого и грозного жука с крепким панцирем... Почему оставил свою армию? Или у тебя ее и не было?

— Я сам армия, — сообщил Азазель.

— Ты глупец...

— Заран, — сказал Азазель уже обычным голосом, — я не хотел с тобой воевать. Ты же знаешь, я предпочитаю все решать миром.

— Трус!

— Конечно, — уточнил Азазель со всей скромностью, — решаю обычно в свою пользу, но кто обходится без этой крохотной и простительной слабости?.. В последний раз даю возможность принести мне клятву послушания и тогда оставлю тебе жизнь. Я добрый, ты знаешь.

Заран прогрохотал так грозно, словно под землей сорвался камнепад, Михаил не сразу понял, что это и есть смех чудовищного демона.

— Ты весельчик, Азазель. Я бы оставил тебя при своем дворе шутом, но ты укрыл убийц моего прадеда, потому тебе предначертано законами клана умереть быстро и страшно.

— Заран, — сказал Азазель подчеркнуто печально, — ты молод и как бы силен!.. Хотя бы с виду. Как Алеша Попович, что силен был напуском, хотя я и не понял, что это. Подумай, сколько добрых дел смог бы совершить... но уже не совершишь. А вместо этого перениачишаешь законы клана, будто в самом деле ух какой мудрый и бородатый.

Заран прогремел:

— Добрых дел?.. Ха-ха, я сам весь доброта!..

— Но уже не совершишь, — закончил Азазель. — Я вот, такой старый и злобный, прерву нить твоей молодой сверкающей и очень уж никчемной жизни.

Он картино вскинул руки над головой, огненный меч возник в ладонях моментально, осветив зловещим багровым огнем голову и плечи.

Заран взглянул оценивающе, протянул руку в сторону и растопырил громадную пятерню. Из ниоткуда появился массивный топор, рукоять шлепнула в ладонь.

Так же неспешно он протянул левую, на ее локте возник широкий щит из темного металла, где алым

огнем победно вспыхнул затейливо обарельефненный герб его рода.

— Ты в самом деле готов со мной тягаться? — прорычал он угрюмо. — Ты не воин, Азазель. Твоя сила в другом.

— Ты прав, — согласился Азазель. — Моя сила в другом.

— В чем?

— В количестве извилин, — сообщил Азазель. — А у тебя только одна, что разделяет задницу... И скоро я до нее доберусь.

Заран взревел и ринулся, как взбешенный бык. Азазель сдвинулся в сторону и нанес удар в бок, абсолютно не причинивший Зарану вреда, но разозливший еще больше.

— Меня не убить, — прорычал он люто, — я рожден бессмертным!..

— Даже боги умирают, — сообщил Азазель. — Сегодня умрешь ты... как Кекотцоатль Крякондявлер.

Он развернулся в широком замахе, Заран лениво уклонился, но недостаточно быстро, меч Азазеля задел бок, оставив широкую кровоточащую рану.

Заран прорычал:

— А ты в самом деле силен...

Он повел плечами, на мгновение зажал рану широкой ладонью, а когда отнял ее, от раны не осталось и следа. Ехидно улыбнувшись, он рыкнул:

— Теперь посмотрим, как ты сам держишь удар.

Закричав, Азазель сам ринулся на него, осыпая быстрыми ударами. Заран невольно закрылся щитом и, медленно наступая, готовился к страшному удару, что повергнет это хвастливое ничтожество.

Азазель начал отодвигаться, поворачивая Зарана спиной к оцепеневшему Михаилу.

Михаил наконец ощутил, что момент настал, вскинул руки, ощутил тяжесть Черного Меча Хаоса и бро-

сился на Зарана, а тот уже вскинул страшный топор над головой наглого и дерзкого пришельца.

Лезвие чудовищного топора показалось устрашенному Михаилу почти в рост Азазеля, он подпрыгнул и с силой обрушил удар меча с дымящимся черным лезвием на загривок Зарана.

Заран страшно вскрикнул, повернулся с искаженным болью лицом к Михаилу, забыв о почти поверженном Азазеле. Налитые красным огнем глаза отыскали Михаила.

— Ах ты букашка... Как ты посмел...

— Это я разминаюсь, — сообщил Михаил. Он видел, что Азазель поднимается и готовит удар, это подбодрило, и он сказал в его духе: — Разогревка.

Заран взревел, одно мгновение он стоял, глядя на Михаила бешеными глазами, затем моментально оказался прямо перед ним. Михаил даже не успел увидеть, как он это сделал, на них обрушился град тяжелых ударов.

Глава 2

Михаила отшвырнуло к стене, он трижды перекатился через голову, вскочил, раскачиваясь из стороны в сторону. Азазель все еще сражается, но больше уклоняется от чудовищных ударов Зарана, чем бьет сам, отступает шаг за шагом.

Сцепив челюсти, Михаил ринулся на Зарана со спины. Однако тот в последний момент успел развернуться, тяжелый кулак на длинной толстой руке встретил Михаила, как тому показалось, на полпути.

Тряхнуло всего, хотя ударили только в голову. Он рухнул на пол и распластался подобно мокрой тряпке. Издали донесся крик Азазеля. Снова вскочил, бросился на врага, тот со страшным ревом бьется умело и яростно, тяжелые удары повергали Михаила снова и снова,

он чувствовал, как быстро теряет силы, Азазель тоже едва держится на ногах. Михаил пытался смахнуть затекающую в правый глаз кровь: она мешает видеть, но не успевал. Заран впал в ярость и наносит страшные удары, защита элементала трещит и вот-вот рассыплется, Азазель тоже едва держится, хотя и Заран вроде бы двигается все медленнее...

Михаил, отступая под ударами, запнулся, с ужасом ощутил, что теряет равновесие, нелепо взмахнул руками в жажде хоть за что-то ухватиться, и рукоять Меча Хаоса выскользнула из потной ладони.

Заран победно зарычал, замахнулся топором. Михаил видел смерть в его горящих глазах, но что-то мелькнуло между ними, ощутил запах женского тела и тут же сильный толчок в грудь, словно кто-то ударился обеими пятками.

Прогремел рев Зарана, сразу же Михаил услышал чей-то болезненный вскрик.

Он приподнялся, опервшись о локоть, Заран ухватился обеими ладонями за лицо, между пальцев потекла кровь, пошатнулся и, вдруг повернувшись, бросился, сильно шатаясь, к выходу из зала.

Рядом с Михаилом упала, обливаясь кровью, юная девушка с красными, как кровь, волосами. Румяное лицо начало бледнеть на глазах, в широко распахнутых ярко-зеленых, как молодые лягушата, глазах боль, она хватает перекривленным ртом воздух, изо рта хлынула кровь и потекла по подбородку.

Она силилась что-то сказать, но подбежал Азазель, тоже весь в крови, заорал:

— Быстрее за ним!.. Пока не восстановился!.. Иначе никогда с ним не сумеем...

Михаил поднялся и на подгибающихся ногах бросился по кровавому следу. В соседний зал ведет широкая сводчатая арка, Михаил вбежал и сразу увидел Зара-

на, что замер, даже не добежав до середины помещения, вскинул голову к своду и поднял руки.

Азазель шепнул хриплым голосом:

— Бей в спину, бей в спину!.. Бей так, будто это твой последний удар в жизни...

Михаил и сам чувствовал, что его хватит только на один шаг и на один удар. Он на бегу вскинул руки, снова ощутил в ладонях холодную тяжесть черного меча и размахнулся, старательно вкладывая в удар всю силу рук, тела и ярости и призывая в помощь все силы небес.

Черное лезвие в замахе превратилось в багровое, Михаил увидел, как рассекло плечо Заана и углубилось до середины груди. Заан страшно закричал, а он с усилием выдернул клинок из твердой, как дерево, дуба плоти.

Заан развернулся к нему, Михаил с ужасом ощущал, что враг очень быстро заращивает рану. Заан протянул руку в сторону, в ладони вместо гигантского топора появилось короткое копье со зловеще мерцающим зеленым огнем наконечником.

Издали донесся слабый крик Азазеля:

— Еще!.. Бей!

Михаил ударили из последних сил, успел увидеть, как лезвие из багрового становится слепяще-оранжевым. Заан закрылся щитом, однако клинок рассек щит и, разрубив стальной поручень, врубился в локоть Заана.

Страшный крик оглушил обоих. Заан, выронив копье, ухватился здоровой рукой за пораженное место, между пальцев брызнула кровь, но тут же исчезла, а когда убрал ладонь, устрашенный Михаил увидел целой не только руку, но и металлический наручень.

— Ты сильнее, — прорычал Заан, — чем я ожидал... но и ты умрешь, незнакомец...

Он растопырил руки, в правой возник блестящий синим огнем меч, на локте левой оказался новенький металлический щит. Он жутко перекосил лицо в злобной ухмылке.

— Не ожидал?.. Это последнее, что ты видишь в этой жизни...

Михаил закричал в отчаянии, перед глазами промелькнули некие странные образы прошлой жизни. Но следом, застилая все, выплыло лицо Синильды со страшальческими глазами.

— Это ты... последнее...

Он ударили из последних сил, чувствуя, как вложил все остатки сил, зачерпнутых из клипот. Оранжевое лезвие сшиблось в воздухе с синим мечом, звонко хрустнуло, синий меч разлетелся на мелкие осколки.

Заран с непостижимой скоростью успел закрыться щитом, но лезвие оранжевого меча стало слепящим белым, рассекло его надвое и поразило Зарана в голову.

Он закричал страшно, смертная мука перекосила лицо, Михаил с ужасом увидел вылезающие наружу глазные яблоки. Губы истончились, даже обнажились до самых десен, что исчезают тоже, зубы стали длинными и чудовищно уродливыми.

— Бей, — донесся слабый вскрик Азазеля.

Михаил вскинул меч, чувствуя себя так, словно поднимает горный хребет, но белое пламя длинного лезвия словно с радостью само обрушилось на голову Зарана.

Тот вскрикнул, начал заваливаться навзничь. С его тела посыпались доспехи, слетел разрубленный шлем, упали и вспыхнули огнем наручни, грузное тело неуловимо быстро истончалось в падении, а когда грохнулся всем телом, земля все же вздрогнула, хотя упали уже только белые массивные кости, что моментально рассыпались в пыль.

— Вот это удар, — донесся потрясенный голос Азазеля.

— Обизат, — проговорил Михаил, едва шевеля губами. — Ты ее видел?

— Она умерла, — ответил Азазель. — Наверное...

Михаил, шатаясь, пошел по кровавому следу обратно, девушка все еще лежит на том же месте, кровь течет изо рта, лицо смертельно бледное, но когда ее затуманенный взор отыскал его лицо, Михаил услышал ее прерывающийся шепот:

— Я... успела...

Михаил крикнул:

— Ты чего?.. Ты зачем?

— Ты, — проговорила она затухающим голосом, — ты теперь мой... вождь... Я была обязана...

Подбежал, пошатываясь, Азазель, усталый и в крови, зыркнул на нее враждебно.

— Что случилось?

Михаил указал на нее взглядом.

— Она... закрыла меня собой от смертельного удара.

И теперь умирает она, а не я...

Азазель наклонился над нею.

— Обизат... как ты успела так быстро вернуться?

Она прошептала затихающе:

— Я смогла бы лет через десять... но моя родня отдала мне свои силы, а потом помог еще и клан... И вели отправляться к вам...

Михаил все еще держал в руке меч, теперь уже с черным лезвием, Азазель опустился возле нее на колени, опустил ладони на лоб.

— Ого, уже умирает... Мишка...

— Что? — огрызнулся Михаил. — Что еще?

— Только ты можешь ее удержать, — сказал Азазель быстро. — Сделай это! Поскорее!

Михаил не понял его злой настойчивости, но опустился рядом, взял ее голову в ладони. Обизат взглянула

на него уже невидящими глазами. Он чувствовал, как из нее истекают последние капли жизни, стиснул ладони и представил себе, что вливает в нее ту часть своей силы, что осталась, если осталась от схватки с Зараном.

Азазель сказал быстро:

— Антисфирота... быстрее!

Михаил всеми силами души вошел в черный столб, по телу почти сразу побежал жар расплавленного металла, элементаль в нем принял с жадностью, а он стиснул челюсти и старательно переливал уже свою жизненную силу в эту странную демоницу.

Она долгое время оставалась смертельно бледной и неподвижной, затем ее веки медленно поднялись, открывая во всей красе удивительно зеленые глаза, крупные, слегка навыкате, блестящие и с искорками в темных зрачках.

На щеки начал возвращаться румянец, нежный, как утренняя заря. Михаил поспешил отдернуть ладони. Обизат смотрит пока еще затуманенным взором, Азазель трогал ей лоб, задрал край изорванного доспеха и озабоченно осмотрел рану от кончика лезвия топора Зарана.

— Затягивается. Но емкая девочка... Много сил потребовалось, чтобы ее удержать на этом свете. А у тебя как?

Михаил буркнулся:

— Еще не умею определять. Но на ногах стою. Но я не понял...

Азазель повернулся к Обизат.

— Ты из клана демона Асмодея?

Она ответила тихим голосом:

— Да.

— Что-то слышал, — сказал Азазель. — Законы клана нерушимы, преступивший да умрет и покроется бесчестием, так у вас сказано?..

Она ответила все еще осторожно, не решаясь пощевелиться:

— Да... Я служила Кезиму, сильнейшему из воинов ада, но твой соратник сумел его убить.

Азазель буркнул:

— Что сказали старшие клана?

— Теперь я должна, — пояснила она, — служить тому, кто сумел его убить.

Михаил поперхнулся, Азазель сказал в задумчивости:

— Да, это правильно. Женщина должна служить сильнейшему и рожать от него детей, чтобы род усиливался и креп.

— Я дочь вождя клана, — ответила она со смиренной гордостью. — И внука вождя и даже правнучка...

— Твоего прадеда звали Форнеус? — спросил Азазель.

Она посмотрела на него с изумлением и надеждой.

— Да. Ты знал его?

— Пару раз вместе охотились, — ответил Азазель и повернулся к Михаилу. — Расслабься, дружище. У них честь рода превыше всего!.. А честь рода требует, чтобы эта девочка была верна тому, кому служит. И только его смерть может освободить ее.

— Но теперь свободна, — напомнил Михаил.

Азазель хмыкнул.

— Кезим не утонул, переходя реку, как великий Барбаросса, и не захлебнулся вином, как грозный Аттила. В тех случаях она стала бы свободной, но его убил ты своею собственной рукой, как поется в «Интернационале»! Теперь Обизат по закону чести переходит под твою руку.

Михаил отодвинулся.

— Ты забыл, что я на другой стороне?

Азазель нахально улыбнулся.

— Для женщин это неважно. Важнее наша самцовость, а не политическая ориентация. Каждая хочет принадлежать самому сильному. Даже если не знают, что этот закон установил и внедрил в нас Творец... Кстати, Обизат... вопрос на засыпку...

Она приподнялась на локте, прислушалась к себе, Азазель и Михаил наблюдали, как она медленно поднялась на ноги, стройная и непривычно смиренная.

— Какой вопрос?

Азазель прямо взглянул ей в глаза.

— Смотри на меня и отвечай быстро, не раздумывая. Мы явились сюда тайно и с соблюдением всех мер предосторожности. Никто не знал, кто мы и куда направляемся... Как ты узнала, что Михаил здесь? Как ты пришла точно к нему?

Она ответила быстро, как он и велел, не задумываясь:

— Не знаю. Я чувствовала, где он. Как только клан, отдав мне силы, вернул меня, я сразу же метнулась сюда.

Михаил смолчал, уже догадываясь, как именно она его ощущала в этом мире, Азазель бросил в его сторону предостерегающий взгляд, а она прямо и строго взглянула Михаилу в глаза.

— Располагай мною, мой повелитель. Моей жизнью, телом и всем, что имею.

Пока Михаил искал, как ответить поуклончивее на такую торжественную высокопарность, Азазель довольно крякнул.

— Прекрасно сказано!.. Настоящая женщина. Точно понимает направление вектора прогресса, цивилизации и культуры. Вернее, чувствует всеми фибрами женской души или того, что у женщин заменяет душу. Особенно понравилось насчет тела... Хотя и насчет движимого и недвижимого имущества тоже интересно. Квартира в Москве хорошо, но насчет загородной резиденции

в аду весьма заманчиво. Тут бывают такие замки!.. А ее отец — глава клана...

Она все еще смотрела на Михаила с ожиданием. Он пробормотал неуклюже:

— Но как же...

Азазель сказал строго:

— Михаил!.. Ты что, не понял?

Михаил понял по его злому голосу, что отказом не только оскорбит Обизат, но и восстановит против себя весь ее могучий род здесь, в преисподней, выдавил с усилием:

— Принимаю...

Азазель сказал ей подбадривающе:

— В твоем клане мудрые законы!.. Рожать нужно только от победителей. А Мишка и есть самый что ни есть самый. Посмотри на рост, плечи, грудь, гордый взгляд!.. Орел, истинный соплеменный орел!..

Она бросила на Михаила робкий взгляд.

— У нас говорят, молодые думают только о себе, а старые заботятся о племени...

— От него пойдут здоровые, — заверил Азазель, — и сильные детишонки. Ты же счастлив, Мишка?

Михаил зло огрызнулся.

— Иди к черту!.. Обизат, не слушай его. Он всегда дразнится. И насмеивается, гад полосатый!

Она оглянулась на Азазеля.

— Он не полосатый.

— Еще увидишь, — пообещал Михаил. — И даже в пятнах.

Она взглянула на Михаила снизу вверх преданными глазами.

— Господин, — произнесла она торжественно, — Ты убил моего прежнего господина, ты сильнее!.. Старшие в моем клане сказали, что раз ты убил его, мой долг чести служить тебе!.. И спать с тобой...

— Этого не нужно, — сказал он поспешно.

— Тогда буду спать у твоих ног, — заявила она преданно, — и буду охранять твой сон!

Азазель сказал задумчиво:

— Но восстановилась ты быстро... Обычно даже самым сильным демонам требуются годы. Хотя если твой прадед Форнеус, глава группы могущественных демонов, что следит за порядком в Аду, а также имеет право судить и выносить приговоры... гм... Сокланы под руководством твоего отца вполне могли сложить усилия и помочь тебе восстановиться, но тем самым лишили себя сил очень надолго. Видимо, страшились, что их упрекнут.

— Честь превыше всего, — подтвердила она.

— Да, — подтвердил Азазель, — что смерть? А вот упрек — это серьезно. Так что да, все было правильно и даже верно. Хорошо еще то, что Форнеус абсолютно не интересуется нашим миром. Значит, не столкнемся. Мишка, проснись! Надо убираться отсюда.

Азазель с трудом поднялся на дрожащих ногах, ухватился за стену.

— Что случилось, почему мир вертится? Неужели Галилей был прав...

Глава 3

Михаил едва не упал, когда меч, кончиком лезвия которого опирался о землю, исчез, но другой рукой успел ухватиться за камень стены и все хватал широко раскрытым ртом жаркий воздух, что мощной струей вливается в раскаленные мехи легких.

Азазель оглянулся на сводчатую арку в соседний зал, где оставили громадное и уже исчезнувшее тело Заана.

— Эх, — сказал он с непередаваемой тоской, — а все-таки все пропало...

Михаил спросил в тревоге:

— Что... что пропало?..

— Рюкзак, — проговорил Азазель упавшим голо-
сом. — Мы так долго его несли, а для чего...

Михаил сказал, едва ворочая языком:

— Хватит и старой вешалки в прихожей. Совсем
еще новая.

— Модерн не в тренде, — возразил Азазель. — Сейчас
спрос на старину и дикость. Ты как, уже присосался?

— Дай дух перевести, — взмолился Михаил.

— Не дам, — ответил Азазель безжалостно. — Еще
не знаешь, что может набежать! А ты сейчас не человек,
а медуза на берегу под жарким солнцем.

Михаил, стиснув челюсти, старался перебороть го-
ловокружение, сквозь открытый проход наблюдал, как
Азазель вернулся к тому месту, где лежало тело Зарана,
некоторое время копался в частях доспеха, собрал не-
сколько амулетов, фамильных знаков, подобрал кин-
жал, что висел у Зарана на поясе, поднял и сам пояс,
подумал и сунул в рюкзак.

— Все равно трофеи, — буркнул он с разочаровани-
ем. — Но не рога, не рога...

Михаил не ответил, старательно нашупывая черную
мощь антисфироты. Когда ощущал, как открывается,
смутно удивился усилившемуся потоку. Уже не по ка-
пле, как раньше, а ручейком, то ли здесь, в аду, с досту-
пом проще, то ли он сам что-то в себе преобразовывает,
усиливает...

Азазель оглядывался по сторонам, во взгляде чита-
ется, что бы еще взять в качестве трофея, рюкзак за-
хватили самый громадный, нести обратно полупустым
просто стыдно для настоящего воина и победителя.

Обизат молча смотрела только на Михаила, полно-
стью игнорируя Азазеля.

— Господин?

— Я сообщу тебе его решение, — сказал Азазель. — Топай наверх, на крыше Истина. Мы догоним.

Она послушно кивнула.

— Буду ждать вас там.

Михаил не успел рта открыть, она исчезла, Азазель хмыкнул.

— Закрой рот. Здесь она у себя дома, передвигаться проще. А вот для нас будет труднее.

Михаил ощетинился.

— Что?.. А там она зачем?

— Посмотрим, — ответил Азазель оптимистично. — Вдруг пригодится? А нет, зарежешь. Она же демоница. Ты демократ, надеюсь, так что женщин тоже режешь, как овец, верно? Она и сопротивляться не будет, тебе все можно, как господину и хозяину. Пойдем, пойдем!.. Не стоит задерживаться. За ран убит, но у Малфаса авторитет повыше. Он поумнее и может оказаться орешком покрепче.

Лицо его оставалось озабоченным, Михаил взглянул вопросительно, Азазель пояснил:

— Она в самом деле восстановилась слишком быстро!.. Так не бывает. Разве что совпали две редкие возможности. Первая — это ее первая гибель, после первой всегда возвращаешься быстрее, а вторая — возможность... да... совместные усилия клана, когда его членам пришлось отдать накопленные из клипов силы на ее возвращение. Такое представить как-то трудно. Не знаю, почему вдруг такое решение, это неспроста... Но тебе в любом случае повезло, Мишка.

Михаил окрысился:

— Это у тебя такие шуточки?

Азазель отшатнулся.

— Ты чего? Я даже завидую. У Обизат могучая и многочисленная родня!.. А это значит, отныне тебя поддержат, раз уж эта девочка по закону рода переходит служить

более сильному. Кстати, очень разумный подход. Никакого предательства, ты убил ее господина и тем самым доказал, что отныне ты ее господин!.. Все по закону.

Михаил сказал с сердцем:

— Да не хочу я быть ее господином! И не буду!

— Ты уже им стал, — сказал Азазель без тени сочувствия. — Если мешает, отсытай с каким-то заданием подальше и надолго. Но, чтобы пребывала в счастливом расположении духа, впендуривай ей время от времени, девочка будет гордиться.

Михаил даже отступил на шаг.

— Да ни за что!

Азазель сделал большие глаза.

— Мишка, в тебе не осталось ничего человеческого?

А как же самый великий и непреложный закон Творца насчет плодения и размножательства?.. Ты должен, ты обязан, если не откровенный бунтовщик вроде Сатана, что не размножается в пику Создателю!.. Никогда не думал, что на такое дело нужно еще и уговаривать!.. Обизат красивая даже без водки.

— Ты свинья.

— Зато какой умный, — подтвердил Азазель с удовольствием, — хитрый и красивый!.. Ладно, все наладится. Да ты и сам чувствуешь, только признаваться не желаешь... Да, кстати... Получен еще один ответ...

— Какой?

— Помнишь, ты жалобно стенал, что никогда-никогда больше не подержаться... ну-ну, я имею в виду за рукоять своего меча архангела! Но вот подержался же! Правда, краткий миг, но именно он принес тебе победу, а Зарана лишил надежды на восстановление. Теперь Заран не просто мертв, а навсегда мертв.

Страстная надежда вспыхнула у Михаила с такой силой, что он сам ощущил, как загорелись огнем его глаза и почти осветили перед ним участок комнаты.

— Врешь?

— Точно, — заверил Азазель. — Я же пребывал в своей роли изысканного наблюдателя и ценителя таких боев между мордоворотами. Интеллигенты тоже любят смотреть такие зрелища, правда-правда!.. Хоть и не признаются. Я хорошо видел, как лезвие твоего меча превратилось в твердое пламя Первого Дня Творения. Мишка, оно не само превратилось, не само!

Михаил спросил с надеждой:

— А... как?

Азазель выпалил твердо:

— Все ты, Мишка! Так что пей из всех стаканов. Пока тебе никто не предъявит обвинение в чрезмерном применении силы. Готовься к великой цели, и слава тебя найдет!

Михаил не ответил, топал сзади молча, так же поднимались по лестнице, пока не увидели в плотном каменном своде зияющую дыру. Там появилось лицо Обизат, она помахала рукой и снова исчезла.

Михаил вдруг спросил с подозрением:

— А ты что, в самом деле не знал, что рога Зарана тоже исчезнут?

Азазель взглянул изумленно:

— Знал, конечно!

— Так чего тогда плел насчет вешалки из рогов в прихожей?

Азазель сказал с оскорблённым видом:

— А помечтать?.. Счастье есть лишь мечта, но что мы без мечты?.. Все новое рождается только в мечтах! Мечта — предтеча всех великих открытий и убийств. Но, увы, убога та мечта, что может сбыться целиком... А мы, мечтатели, так одиноки в этом жестоком равнодушном мире...

Михаил сказал зло:

— Подумаешь, мечтатель. Даже тупорылую свинью, что даже небо видит только раз в жизни, когда ее смалят, и ту осеняет иногда мечта. Конечно, свинская.

— Ну, спасибо, — протянул Азазель с самым оскорбленным видом, — то козел, то свинья... Еще инфузорий-туфелькой назови или хламидомонадой!

Он выбрался наверх первым, Михаил вылез следом, сердце дрогнуло при виде страшного в своем величии подземного мира.

Обизат встала рядом плечом к плечу, хотя ее уперлось ему чуть выше локтя.

— Красиво, — сказал Михаил. — Но надо возвращаться... Отсюда нельзя?

— Увы, — сказал Азазель, — предстоит обратный путь...

Михаил спросил с подозрением:

— А короче дороги нет?

— Есть, конечно, — ответил Азазель с удивлением. — Но ты же из тех, кто легких путей не ищет?

— Иди ты, — сказал Михаил, посмотрел на нежноликую Обизат и добавил с вызовом: — Я ищу легкие пути и легкую жизнь. Ну, веди?

— Как скажешь, — ответил Азазель оскорблённо. — Хотя бы женщины постеснялся!.. Тоже мне, герой. Начинаю думать, Заран сам о стену убился. Хорошо, станьте ближе... Обними Обизат покрепче, а то если я, то еще кинжал засадит под ребро... она же из клана высокой культуры!.. А я обниму тебя по-отечески, не дергайся... Готовы?.. Раз... два...

Глава 4

Михаил в недоумении огляделся. Он уже представлял себе квартиру Азазеля и Сири на кухне, но его подошвы уперлись в каменные плиты ровной площадки,

за спиной бездна, а в сотне шагов впереди стена крепости Заана, в которой только что шел страшный смертный бой.

Обизат в растерянности осматривалась в поисках опасности, а Михаил спросил тревожно:

- Азазель, ты что задумал?
- Закончить, — ответил Азазель.
- Мы разве не...

— Не совсем, — пояснил Азазель. — Заан мстил за убийца его прадеда, а если Малфас, его отец, начнет мстить за сына? Мы никогда не вырвемся из этого колеса. Ты напузырился темной мощи?

Обизат навострила уши, Михаил ответил с неуверенностью:

- Старался. Насколько это удается... человеку.
- Сейчас проверим, — проговорил Азазель зловеще. — Ничего ценного не оставил?.. Трофеи собрал?
- Я не ты, — огрызнулся Михаил.
- Прекрасно, — одобрил Азазель. — Теперь собери всю мощь... сосредоточься и... попробуй снести крышу с этого дворца. Если удастся повредить и стены, еще лучше. Я же тебе уже говорил, с демонами, как и с людьми, проще разговаривать, когда видят твою силу. Это у вас там, у людей, когда ты вежлив, и с тобой вежливы, да и то не всегда, а здесь силу не выражашь, то хоть развежливись — ноги о тебя вытрут и пойдут, посвистывая, дальше.

Обизат молча поглядывала то на Азазеля, то на Михаила, но к Михаилу старалась держаться поближе, словно верный оруженосец, готовый умереть за лорда.

— Попробую, — буркнул Михаил. — Я еще ничего не рушил.

— Но и не строил, — напомнил Азазель, — а не рушил — почти то же самое, что и не строил. Потенциальный убийца и бомбист.

Михаил вперил взгляд в каменную стену дворца, сила в самом деле ходит по телу, требуя выхода. Нужно научиться подчинять, чтобы даже не напоминала о себе, но это потом, сейчас же Азазель предложил самый простой выход.

— Давай, — сказал вполголоса Азазель.

— Не торопи, — огрызнулся Михаил.

— Ах да, ты же арфист, — сказал Азазель с почтением, — может, тебе еще и петь нужно?.. Ничего, сосредотачивайся, как неторопливая Россия при Горчакове, мы подождем. Но чтоб и эффект был тот же.

Михаил хотел было ответить, что Малфас может не захотеть ждать, как только узнает о гибели сына, но смолчал, любые разговоры только мешают концентрировать мысли, волю и страстное желание, без которого чужой мощью управлять не удается...

Он сам не знал, сколько так сосредотачивался, чтобы разом высвободить всю мощь элементала, но в какой-то момент Азазель вздрогнул, рядом тихонько выдохнула Обизат и застыла, как суслик у норки.

Высокие стены величественного дворца странно колыхнулись, но тут же встали на свои места, в небе негромко прокатились раскаты грома. Снова качнулось сильнее, на крыше треснули балки, посыпалась черепища.

— Давай, — прошептал Азазель, — у тебя получастся!.. Давай, Мишка, круши этот старый мир... Покажи себя во всей человеческой звериности!

Михаил неотрывно смотрел на дворец и мощными рывками мысленно наваливался на стену. Его отбрасывала некая защитная мощь, но черпал силу клипот и давил все сильнее и яростнее с полным осознанием своей правоты и верности Заветам, которые только он понимает правильно, а все остальные дураки набитые...

Стена прогнулась, камни затрещали, посыпались, он успел увидеть через дыру внутренности зала, с лютой

решимостью навалился всей мощью, чувствуя, что здесь только его оболочка, а он сам весь там в ликовании рушит и разносит вдребезги...

Стена рухнула, а вместе с нею и соседние. Уцелела только дальняя, но он ощутил, что полностью истощился, нет сил даже удержаться на ногах.

Азазель все понял, мгновенно подставил под его руку плечо, а с другой стороны, стыд какой, подхватила Обизат, крепкорукая, несмотря на хрупкие формы юной девочки.

— Прекрасно, — выдохнул Азазель. — Это даже лучше, чем я ожидал... Мишка, ты прям Бегемот, король всех бехемов! Обизат, побудь с ним!.. Я отлучусь на пару минут.

Обизат кивнула.

— Я позабочусь о нем, — ответила она очень серьезном голосом послушной ученицы. — Никого не подпущу.

Он подмигнул ей, моментально исчез. Михаил поинтересовался вяло:

— Куда он?

Она ответила торопливо:

— Повелитель, вам лучше сесть прямо здесь, а то и лечь. Так быстрее восстановите силы. Никогда не слышала, что люди могут быть такими...

— Люди, — пробормотал он, — темные... бехемчики.

От величественного дворца-крепости остались развалины с единственной уцелевшей стеной, груды камней и обожженного кирпича на месте величественного и по-своему прекрасного здания, хотя и отвратительно-го из-за показной роскоши, пыль от развалин, а строили его, наверное, не один десяток лет...

Воздух колыхнулся тугой волной, Азазель возник в двух шагах, крепко держа за руку девочку лет пяти, крохотную и хорошенькую, с кудрявыми волосами. Ее

не особенно портят даже небольшие рожки и вертикальные зрачки в желтых глазах, а когда улыбнулась ошарашенному Михаилу, он рассмотрел во рту длинные, как у волчонка, клыки.

Азазель сказал быстро:

— Не поняли? Ну и не надо. Это дочь Малфаса. Да-да, в его возрасте это что-то!.. Молодец старик. Михаил, что-то чуешь?

Михаил покачал головой.

— Ничего...

— А ты, Обизат?

Она ответила медленно:

— Сюда приближается... большая сила...

— Прекрасно, — ответил Азазель, и было видно, что доволен. — Не придется искать главу клана. Вот уже везет, так везет!.. Правда, это везение мы приближали, как могли...

— Ты все просчитал, — вяло обвинил Михаил.

— Просто понимаю мир, — ответил Азазель бодро, хотя Михаил видел, насколько темный ангел устал и тоже истощен. — И живу в нем... в соответствии.

Он красиво и величественно простирая руку вдаль.

— Вон там...

Михаил всмотрелся, рядом Обизат сказала тихонько:

— Большой отряд. Все на бехемах... Хотя нет, сзади пешие воины... Но все бегут в тяжелом!

Из-под копыт красным маревом вздымаются волны мельчайшей пыли, можно рассмотреть только переднюю группу всадников. Военачальники во главе, одеты особенно тщательно, все с топорами и щитами, но в центре величавый демон без оружия и доспехов, подчеркивающий, что он правитель, у которого достаточно воинов, чтобы самому не носить оружие вот так постоянно и без важного повода.

— Станьте ближе, — велел Азазель. — Не карабкаться же им сюда! Тут и так тесно.

Михаил смолчал, все понятно, на этом пятаке опасно оказаться всем слишком близко друг к другу, Обизат прижалась к нему, всех троих ухватил Азазель, продолжая прижимать к себе девочку, и через мгновение ноздри Михаила уловили запах гари выжженной земли, а подошвы уперлись в спекшуюся красную глину.

Они все оказались у подножия величественной горы, Азазель сразу велел строго:

— Обизат, держи нож у горла девочки!.. А я буду говорить с вождем клана.

— Она и без ножа не вырвется, — пообещала Обизат.

— Знаю, — сказал Азазель, — но нам нужна демонстрация силы и решимости. И, главное, устрашительности! Это все равно, что, мило улыбаясь, держать во время переговоров нож у горла самого Малфаса!..

Она покосилась на Михаила за подтверждением, приказы принимает только от него. Михаил кивнул, что да, девочку резать вряд ли придется, но попугать ее отца обязаны, и она, поставив крохотную пленницу перед собой на виду, вытащила нож и, сделав зверское лицо, поднесла к ее горлу.

Большой отряд на бехемах остановился в сотне шагов. Вперед выехали только трое, но двое остались в седлах, а третий, толстый и очень немолодой демон, сполз по толстому боку бехема на землю и грузно двинулся в сторону Азазеля, что оставил свой отряд и выступил вперед.

Выждав паузу, во время которой вожак отряда подходил ближе, Азазель заговорил достаточно нейтральным голосом:

— Ты знаешь меня, Малфас. А я знаю тебя, представляясь необязательно.

Малфас чуть наклонил голову.

— Ты Первый, который ушел с небес сам, по своей воле. Ушел и увел с собой двести ангелов. Это знает каждый в преисподней.

— Польщен, — ответил Азазель с достоинством.

— Жаль, — добавил Малфас с мрачным выражением, — узнать тебя могут только высшие лорды.

— Иначе, — подсказал Азазель, — я бы здесь не разгуливал?

— Ты бы шагу здесь не ступил, — ответил Малфас с яростью, но тут же сменил тон и спросил тише и с горечью: — Зачем ты разрушил мою крепость?

— Это твоя? — спросил Азазель в подчеркнутом изумлении. — Че, правда?.. Тогда бы я не стал, я ж тебя уважаю! Но Заран называл ее своей, а я такой доверчивый, даже не усомнился... Знал бы, что твоя, я бы ни за что! Во всяком случае, до основания. А то я и гору в благородной задумчивости едва не снес. Хорошо, соратники остановили... Люблю ломать! Ты любишь строить, а я ломать. Мы с тобой, как говорят мудрецы, единство борьбы противоположностей.

Малфас взглянул из-под насупленных бровей.

— Гора?

Азазель кивнул.

— Была мысль создать на том месте глубокое-глубокое озеро расплавленной магмы, это было бы так красиво!.. И почти как курорт. Хотя, конечно, какие-то камешки вон там бы остались, но слишком мелкие. А остальные пришлось бы собирать по всей Черной долине... Но вот не успел, да и отвлекли... Но, Малфас, тебе же лучше!

Малфас спросил сдержанно:

— В чем?

— Если честно, — ответил Азазель, — крепость твой прадед создал безобразную. Просто отвратительную!

Прости за откровенность, но когда смотрю на создания твоего гения, я всякий раз в восторге! А то была не крепость, а жуть какая-то. Никакого вкуса и присущего тебе изящества. Рискну сказать, тебе самому хотелось бы перестроить, но как к такой машине подступишься с твоим высоким вкусом, артистизмом и пониманием возвышенных пропорций? Никак не перестроить, только сносить до основанья, а затем... Да и традиции рода не позволяют, как догадываюсь. Будет расценено как неуважение к памяти предков, пренебрежение исторической и культурной ценностью... Косность везде слишком нагла и напориста, противостоять ей трудно. Но я косвенно посодействовал тебе, расчистив площадку.

Малфас, судя по его виду, уже потерял нить вывалившихся на него Азазелем высокопарных умностей, проговорил тяжело:

— Силу ты выказал необыкновенную, признаю. Но... где Заран?

Азазель сделал большие глаза.

— Заран?.. Тот самый Заран, что присыпал своих убийц в мир людей, чтобы отыскали и убили меня в моей же квартире?

Малфас замешкался с ответом, но Азазель ждал, и Малфас проговорил неохотно:

— Я не вмешивался в его слишком... бурную деятельность. Догадывался, что может перейти какие-то границы, но при его силе это не было очень уж опасно.

— Я не люблю враждовать, — сообщил Азазель, — да ты и сам знаешь. Но когда к тебе подсыпают наемных убийц, это прежде всего оскорбительно. Как только узнал, очень удивился, даже изумился безмерно и пришел сам, чтобы перетереть лично...

Малфас повторил уже с тревогой:

— Так что с ним?

Азазель, как заметил Михаил, посмотрел на старого демона с великим сочувствием. Или сделал вид, что смотрит именно так, с его умением прикидываться трудно понять, когда он всерьез, а когда не очень.

— То же, — ответил Азазель с величавой простотой и скромностью, — что и с крепостью. Но, думаю, крепость восстановишь раньше, чем вернешь Зарана. Сейчас у тебя уникальный шанс создать даже не крепость, а вычурный и прекрасный Версаль с его пышными барочными красотами и каскадом дворцов, которые прославят твой непревзойденный гений!.. Так и представляю вон там ровные аллеи, а между ними озеро с двумя рядами гейзеров, красиво выстреливающих к своду раскаленную магму... Сатанински прекрасно! Даже люциферно.

Глава 5

Малфас бросил короткий взгляд на Михаила и Обицат, что держит девочку, а лезвие ножа демонстративно прижимает к ее горлу.

— Так что, — повторил он, — с Зааном?

Азазель в жесте сочувствия развел руками.

— Он ослушался тебя, Малфас. Он ослушался законов клана. Мы только поспешили тебе на помощь, хоть ты нас и не звал. Мы вообще часто приходим незваными, но всем всегда помогаем, помогаем, помогаем... да так усердно и рьяно, что камня на камне не остается.

— Хочешь сказать, — проговорил Малфас тяжело, — Заан...

Азазель со вздохом склонил голову.

— Приношу свои соболезнования. И все мы приносим.

— Он... погиб?

— Знаю, — сказал Азазель со вздохом, — не одобришь наше вмешательство, но ты отличаешься высо-

кой мудростью, поймешь вынужденную необходимость защиты наших жизней. Заран красиво и мужественно сражался, но благородно пал под натиском превосходящих сил озверевшего противника... Сейчас это уже свершившееся прошлое, его не изменить, а в настоящем твоя единственная дочь у нас, и нож у ее горла.

Малфас раздулся в гневе и горе, но когда заговорил, в голосе старого демона Михаил уловил откровенное отчаяние:

— Азазель... Ты же знаешь, я не одобрял действия своего сына! Ты не мог такого не знать. Все в преисподней такое знали... Но он мой сын!

— Но ты, — сказал Азазель уличающе, — его не останавливал!

— Не останавливал, — согласился Малфас в горестном отчаянии, — а как его остановить?.. Он сплотил вокруг себя всех в клане!.. Не убивай мою дочь! Это единственное, что у меня осталось... Я не думал, что у меня на старости, окруженней правнуками, появится еще и своя дочь, это мое счастье...

Азазель взглядом велел Обизат нож не убирать, а Михаилу кивнул, чтобы оставался настороже и не отвлекался.

За спиной Малфаса демоны начинают волноваться, уже переговариваются, начинаются какие-то перестройки.

Обизат вытащила из ножен второй клинок, но Малфас, более мудрый и осторожный, чем Заран, все чаще посматривал в сторону Михаила. Если хитрый Азазель притащил с собой простого смертного, то это неспроста, Азазель глупостей не делает, а если вроде бы сделал, то это точно ловушка, а то и ряд ловушек, где избегнешь одной и тут же попадешь в другую, настоящую.

Михаил держался подчеркнуто тихо, ничего не говорил и вообще не двигался, так загадочнее, а любая за-

гадочность смотрится опасной, и мудрого противника остановит надежнее угроз и размахивания оружием.

Обизат с девочкой перед собой встала с ним рядом, злая и решительная, готовая драться до последней капли крови.

— Малфас, — потребовал Азазель жестко. — Малфас! Теперь ты снова глава клана... как и был!

Малфас вздохнул.

— Да, я зря упустил из рук вожжи, занявшись дворцами... Хорошо, ты прав... Я, как глава клана и всего нашего племени, клянусь перед вами и своими людьми, что никто не посмеет преследовать тебя как за убийство моего сына Зарана, так и за гибель многих моих потомков...

Азазель прервал:

— И оставите в покое Раматера!..

Малфас спросил в недоумении:

— А это кто?

— Последний из убийц твоего деда, — пояснил Азазель. — И прадеда Зарана.

Малфас спросил осторожно:

— А кто он тебе?

— Никто, — сообщил Азазель. — Но нельзя появляться в мире людей со своими правилами!.. А Заран начал уничтожать убийц вашего пращура и у нас, а это запрещено законом Первых!.. Ты знаешь, о ком я говорю.

Малфас помолчал, вздохнул.

— Так вот из-за чего Заран пытался убить тебя? За то, что ты помешал ему свершить праведную месть?

— Вершите свою дурацкую месть у себя, — отрезал Азазель. — Ваш мир — ваши правила. Мы уважаем суверенитет, хотя для века глобализации это как бы феодализм... Но всякий, проникший в мир людей, будет отвечать по нашим законам. Как видишь, мы можем не только защищаться там, не высывая носа из мирка

людей! Но и здесь, Малфас. Мы и здесь, если нарушат наши права там, введем свои правила.

Малфас сказал со вздохом:

— Да, твой ответный визит оказался... впечатляющим.

— Мне важнее, — напомнил Азазель холодно, — чтобы оказался результативным. Ты знаешь, я ничего не делаю просто так. Ну там для красоты или чести. Хотя я тоже зодчий, но я как бы зодчий наоборот.

Малфас вздохнул и проговорил усталым голосом:

— Клянусь за себя и весь свой клан, никто не станет преследовать этого Раматера, даже если тот вернется в наш мир... Кто ослушается, тот станет врагом клана, и всякий обязан убить отступника.

— Ради мира на земле, — уточнил Азазель. — Раматер не вернется, обещаю. Так что можем считать, что и с этим вопросом покончено?

— Я дал клятву, — напомнил Малфас с некоторой высокомерностью в голосе. — За себя и за всех. Это непрusherимо.

Азазель сделал знак Обизат, та убрала нож от горла девочки и толкнула ее в спину. Малышка с плачем ринулась к Малфасу, тот присел, она обхватила тонкими ручками его шею и прижалась всем телом.

Малфас поднялся с нею на руках, держа у сердца, прямо взглянул на Азазеля.

— Спасибо, — произнес он тяжелым голосом. — Вижу по разрушениям, вы могли убить гораздо больше наших. Я строитель, могу понять, какие силы понадобились, чтобы сокрушить эти стены. Обещаю, никогда не стану сражаться с тобой, Азазель!

Азазель молча кивнул и отступил. Михаил выждал, когда Малфас с дочкой с помощью двух крупных демонов поднимется на бехема. Остальные соратники наблюдали молча, но часть по-прежнему не сводит взгля-

дов с Азазеля, Михаила и Обизат, готовые ринуться в бой по малейшему знаку вождя.

Тяжеловесный бехем под рукой Малфаса грунно повернулся в обратную сторону. Михаил перехватил хмурый взгляд вождя клана, который тот бросил в сторону Азазеля. В глазах Малфаса отчетливо читается злость вперемешку с облегчением, даже ожиданием неких благоприятных перемен, а это значит, Азазель сумел поставить победную точку.

Обизат с ожиданием смотрела на своего вождя и повелителя, а Михаил все еще провожал взглядом удаляющийся отряд Малфаса с телохранителями.

Выжженная и прокаленная земля гремит под копытами, корка еще горячей и дымящейся лавы трескается и выстреливает злые синие дымки.

Азазель сказал бодро:

— Отдохнули? Готовы?

Михаил со стоном опустился прямо на горячую землю, раскаленные камни пытаются впиться острыми гранями в тело, но безуспешно, грудь все еще вздымается тяжело, сейчас бы восполниться, но даже дотянуться до клипот нет силы...

Азазель взглянул на него сверху вниз с сочувствием и некоторой жалостью.

— Ты чего разлежался? Перед женщиной не стыдно?

Обизат возразила:

— Перед мной ничего не может быть стыдно со стороны моего повелителя! Ему при мне можно все.

— Гм, — сказал Азазель задумчиво, — кого бы мне прибить так же выгодно...

— Только Люцифера, — ответила Обизат чуточку злорадно. — Говорят, Лилит сейчас с ним.

Азазель поморщился.

— Она блондинка, а мне больше нравятся брюнетки.

— Тогда придется самому, — сообщила она. — Брюнеток много, но для великого Азазеля недостойно быть с женщиной ранга ниже Лилит.

— Я демократ, — напомнил Азазель. — Мишка... ты чего?

Михаил сказал измученно:

— Ладно, тащи меня сам. Замок был крепкий, у меня нет сил пошевелить даже пальцем. Пока ты разговаривал с Малфасом, я только надувал щеки. Тащи, а то вот-вот сдохну...

В глазах Азазеля мелькнуло странное выражение, он подумал, сел рядом с Михаилом, скрестил ноги и чуть наклонил голову, всматриваясь в красное от жара лицо Михаила.

— Куда это обратно? Ты чего?

— В мир людей, — прошептал Михаил. — Как же там хорошо... Обизат, тебе понравится, ты еще ребенок.

Азазель сказал с интересом:

— А что, в самом деле поверил, будто явились в ад только для того, чтобы разделаться с Зааном?

Михаил замер, даже раскаленный воздух остановился в груди, но так ожег внутренности, что его встряхнуло, дыхание вырвалось с хрипами и ожгло горло.

— А... для чего?.. Это у тебя такие шуточки?

Азазель покачал головой.

— Ты правда подумал, что я такой мелочный? И что спустился сюда только для того, чтобы поквитаться с гадом?

Михаил спросил стонуще:

— А для чего же?..

Азазель вздохнул, вперил задумчивый взгляд вдаль, но там только отвратительное красное марево, а в нем угрожающие покачиваются призрачные исполинские тени.

— Меня всегда недооценивают, — проговорил он медленно. — Как грустно... Вот так и живу. Дум спиро, сперо... И ты Брут... Обидно. Я бы сказал, оскорбитель-но, но я добрый и милостивый, не оскорбляюсь, хотя меня оскорбляют. Но, конечно, слышать такое от друзей как-то грустно и подрывает доверие к человечеству и гуманному глобализму.

Обизат смотрит с непониманием, но помалкивает, Михаил почти простонал:

— Что еще за хитрости?

— Ну вот, — сказал Азазель грустно, — почему от меня ждут хитростей? Отвечаю, потому что сами хитрые, бесчестные и вероломные. Я ни на кого не указываю пальцем, только намекаю прямым текстом. Ты еще юн в этом сложном мире и глуповат по детской неразвитости. Потому я тебя даже люблю. Как домашнего кролика или хомячка. Обизат тоже люблю.

Обизат фыркнула.

— Как хомячка?

— Как рыбку, — ответил Азазель и облизнулся.

Михаил с трудом собрался с силами и сел, упираясь в горячую землю ладонями.

— Сейчас этот хомячок переведет дух, — пообещал он, — и прихлопнет тебя. Как муху.

— Отдыхай, — разрешил Азазель царственно. — Набирайся сил. Даже не представляю, где ты их растерял?.. Вроде бы ничего серьезного не было...

Михаил выдавил из себя злое:

— Говори, гад! Ради чего мы сюда явились?

— Наберись сил, — повторил Азазель. — А то снова упадешь. Мишка, мы же решаем сложные и важные задачи!.. А насчет Раматера, Зарана и его родителя... так, ложный след. Чтоб никто не понял, зачем мы доблестно и победно явились в самом деле во всем блеске грозной славы, о которой пока никто не знает.

Михаил со стоном повел плечами, разминая измученное тело, что ноет от макушки до ногтей на ногах.

— Шутишь, да?.. — спросил с опасением. — Скажи, что шутишь!..

— Шучу? — переспросил Азазель в изумлении. — Да серьезнее меня нет на свете!.. Потому у меня такое несерьезное выражение.

— Гад ты...

— Мишка, дело очень даже эпохальное и эпичное, потому доверено именно мне. Хотя вообще-то я сам взял, никого не спрашивая, но кому важны мелочи?

— Говори!

— По непроверенным, — сказал Азазель значительно, — однако заслуживающим доверия агентурным данным, в мире демонов скоро произойдет то, что однажды произошло в мире людей и так круто изменило мир. Эпохально!.. Возможно.

— Откуда знаешь?

— Утечка информации, — ответил Азазель и многозначительно поднял указательный палец. — Нечаянная, но запланированная. С самого верха. Почти с самого.

Он умолк и посмотрел на Михаила очень пристально и с некой расчетливостью в глазах.

Михаил смотрел с ожиданием, Азазель должен спокойниться и указать пальцем вниз, но тот просто опустил руку, и Михаил с холодком понял, что утечка в самом деле сверху.

— Говори, — повторил он в тревожном нетерпении.

— Даже и не знаю, — сказал Азазель, — на какой козе это к тебе подвезти. Лучше, наверное, на нубийской породе. Они такие милые... То ли придешь в ярость от такой новости, то ли возликуешь... Во всяком случае, равнодушным точно не останешься.

— У меня уже мороз по коже, — сообщил Михаил, — хотя тут от жары задохнуться можно.

— Ты же элементаль, — напомнил Азазель, — если считать по старинке. Понижай температуру. У тебя хватает сил, чтобы все на десять шагов превратить в ледяную глыбу!.. Представляешь, в жарком аду ледяная глыба в сто тонн весом!.. Ну, пусть на целых полтонны меньше, все равно впечатлит. Хоть и не так зримо. Но кто заметит разницу? Только мелочные интеллигенты, что критикуют абсолютно все.

— Сейчас у меня нет сил пошевелить даже пальцем, — сообщил Михаил. — Но когда будут, превращу тебя. Сразу предупреди, откуда хлебнуть энергии: из сфириот или антисфириот?

Обизат спросила жадно:

— Он может?

— Еще как, — подтвердил Азазель. — Что мог Кезим, может и Мишка. Только больше и лучше.

Она посмотрела на Михаила с сомнением.

— Он великий воин. Но пользоваться теми силами могут немногие.

— Мишка все может, — заверил Азазель. — Даже то, что нельзя.

— Я счастлива, — ответила она с гордостью, — что принадлежу величайшему герою.

Азазель смолчал, делая вид, что не заметил, как «служу» заменила совсем другим словом. Пусть, а Михаил если и заметил, все равно не решится протестовать, для него очень скользкая тема.

— Для ратных дел всегда бери от антисфириот, — сказал Азазель авторитетно. — Светлые души для войны не пригодны. Нужна ярость масс!.. Ты должен бить врага его же оружием. Только злее и нещаднее, потому что это ты, а то всего лишь они. Никто не смеет нагло входить в наш священный дом!..

Михаил напомнил:

— Так это ж мы вошли...

— Нам можно, — возразил Азазель строго. — Потому что наша справедливость справедливее! Да и вообще, что ты за солдат, если еще и рассуждаешь?

— Ты не напускай туману, — посоветовал Михаил, — не напускай. Что прячешь в рукаве?..

— Набирайся мощи, — посоветовал Азазель уже серьезно. — Напузырься так, чтобы из ушей выплескивалось. Дело в самом деле эпохальное, что и понятно, мы ж такие? Источник очень серьезный, но, прости, даже тебе сказать не могу, слишком много на карте... В общем, как догадывался Тертуллиан и даже Енох, здесь готовится произойти то, что случается однажды за всю историю. Поворотный пункт, так сказать. И от того, в какую сторону мы там повернем, зависит...

— Судьба мира?

— Догадался, — сказал Азазель пораженно. — Впрочем, когда брались за дела помельче?.. Даже стыдно о таком подумать, верно? Не по рангу. Давай, подзарядись, а потом скажу, а то я забыл, как выводить из обморока.

Михаил зыркнул на озадаченную Обизат.

— В обморок, — сказал он сердито, — не упаду, не надейся.

— А в кому? — спросил Азазель серьезно. — Да-да, вполне реальная клиническая смерть от информационного шока! Ничего, что я такой умный? Среди двух чистых душ?

Воздух стал прохладнее, Обизат бросила быстрый взгляд на Михаила. Тот поморщился, дескать, старается для себя, заодно и для них, а то Азазель еще подумает, буркнулся:

— То-то патронов набрал, будто на войну.

— Я вообще еще тот хомяк, — похвалился Азазель. — Жаль, уже пообещал сердце и любовь до гроба искусственному интеллекту, а то бы начал павлинить перед Обизат... Вообще-то нам стоит отсюда в самом

деле убраться. Малфас одно, но у Зарана могут быть и свои сторонники, которые сочтут правильным отомстить за смерть вождя... Глупых больше, чем умных! Вообще-то по-настоящему умный только я на свете.

Обизат сказала твердо:

— Будем сражаться!

— Не в этот раз, — заверил Азазель. — А так ты права, вся жизнь — сражение!.. Утром со сном, днем с ленью, вечером с желанием пожрать и поспать... Станьте ближе, пора передвинуться в другую локацию. Отсюда подальше, куда-то поближе...

Глава 6

Обизат даже не моргнула, оказавшись в полупещере, выжженной страшным всплеском магмы. На стене все еще потеки застывшего камня, с другой стороны шумно плещется огненное озеро, поверхность в медленно опускающихся буграх, гейзеры выплескиваются невысоко, но от них тяжелые медленные волны наползают на берег и застывают синевато-красной коркой с сизыми дымками.

— Ну вот, — сказал Азазель с оптимизмом, — милое тихое местечко. Можно полежать, отдохнуть на природе, но вы жаждете подвигов, потому все за мной на выход!.. Шнелль, шнелль!

Михаил и Обизат поспешно выбрались следом, а то Азазель выскоцил как-то слишком поспешно, словно здесь вот-вот все обрушится, но снаружи он остановился на открытой местности достаточно спокойно, огляделся по-хозяйски, словно выбирает место, где основать город боевой славы, чести, доблести и геройства.

Михаил видел, как тревожные складки на лбу Азазеля медленно начали разглаживаться, а лицо посветлело.

— Есть же нечто вечное, — произнес он со вкусом. — Эти скалы, этот мир... Ну хотя бы временно вечное!..

— Знакомые места? — спросил Михаил.

— Почти, — ответил Азазель. — Пролетал как-то здесь...

Обизат взглянула на него в изумлении.

— У тебя все еще есть крылья?

Азазель поморщился.

— Есть, но полет на крыльях — это такой рудимент... допотопный, если уточнять. Больше признак величия и высокого ранга, а я не павлин, чтобы демонстрировать их, как та гордая птица делает перед всеми... Из-за природной скромности и прекрасно понимая, что я и так самый красивый на свете, предпочитаю более скоростное перемещение.

— Но все равно, — сказала она со вздохом, — крылья — это прекрасно. У демонов их нет.

— Я демон, — напомнил он. — Я человек... я тварь дрожащая, хотя нет, я тростник трепещущий и петух с плоскими ногтями, что значит с богатым внутренним миром. Вот там должна быть дорога...

— А если ее там нет? — спросил Михаил.

Азазель ответил оскорблению:

— Я скорее поверю в отмену фундаментальных законов, чем в отмену целесообразности!.. Если должна быть, то там и есть!..

Он подвигал плечами, устраивая рюкзак на спине поудобнее, и двинулся вперед решительным шагом.

Огненный грот с бассейном магмы остался позади, Азазель двигается быстро, через несколько минут каменная грязда приблизилась, а на той стороне в самом деле тропа, даже дорога.

Азазель вышел на нее и уверенно свернул направо, но вид у него и так всегда уверенный, по Азазелю не угадать, в ту ли сторону идут и то ли дело делают.

Михаил искоса поглядывал на Обизат, она старается держаться возле него, словно вот прямо сейчас готова закрывать его своим телом от летящих в него стрел и дротиков. Он ежился от такой неправильности, голос Макрона отчетливо твердит, что это мужчины должны закрывать собой женщин, нужно как-то объяснить ей, что все не так, как она считает.

В сторонке от дороги проплыла деревня, домики, почти как у людей, такие он видел в дальних от Рима провинциях, когда тот был еще республикой, ветхие, небрежно сколоченные, только и того, что защита от ветра.

Людей хорошо не рассмотрел, но заметил, что большинство в лохмотьях, нет сильных и свирепых демонов, которых встречал в мире людей, здесь все слабые, сгорбленные и неказистые с виду, как и вообще почти всегда с простолюдинами.

Азазель поглядывал искоса, в его глазах Михаил видел насмешливое выражение, но продолжали идти молча, наконец Азазель остановился, подождал, когда подошли соратники.

— Вот там впереди пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог... Так что насчет дороги никогда не ошибающийся Азазель прав. Не просто дорога между деревнями, даже не между селами, а как бы междугородняя... Вообще-то я, как всегда, безупречен и безошибочен, как и прекрасен. Вон Обизат на меня уже запала.

Обизат фыркнула и надменно отвернулась, Михаил поинтересовался с иронией:

— Безупречен всегда?

— Остальные не в счет, — заявил Азазель. — Идем с осторожностью!.. Вон там гряда, видите? Надеюсь, не свинется в сторону, пусть остается между нами и дорогой.

Михаил и Обизат подошли к нагромождению камней раньше, чем с той стороны приблизилось облачко

пыли. Азазель сделал знак всем пригнуться, чуткие уши Михаила уловили даже стук сапог по выжженной сухой земле.

— Они что, — сказал Михаил осторожно, — вьючным транспортом не пользуются вовсе? Только для военных целей? У людей кони, верблюды, волы...

Азазель покачал головой.

— Никакие животные здесь не выживают, кроме летающих тварей и прочей дикой мерзости. И бехемов.

— Есть еще магические, — подсказала Обизат.

— Создавать их дороже, — ответил Азазель, — чем пользоваться рабским трудом нолов. Да и зачем? Нолов даже кормить не надо, сами найдут... Кстати, это отряд настоящих демонов. И не собирателей, не жрецов, а воинов. Слышите, как позывкает оружие?

Михаил, приподнявшись из-за камней, с тревогой рассматривал в узкую щель марширующих по каменной дороге демонов. Крупный отряд в две дюжины голов двигается в их сторону. Все с копьями, только идущий вперед огромный вожак вооружен мечом, что торчит за спиной, а на поясе два длинных кинжала в кожаных ножнах.

— Наверное, — проговорил он с сомнением, — далеко идут. Что-то я не видел признаков, чтобы где-то вблизи война.

Азазель бросил коротко:

— Боюсь, как раз идут в ближайшую деревню. Ты готов?

— К чему?

Азазель сказал с нажимом:

— Мы должны истребить этот отряд.

— Что? — ахнул Михаил. — Зачем? С какой стати?

Азазель взглядом указал на Обизат.

— Посмотри, девочка не задает вопросов. Настоящая ненастоящая женщина! Бери пример. И ты станешь

женщиной... тьфу, таким же понятливым. Обещаю, как только разделяемся с этим отрядом, сразу расскажу. Сейчас просто некогда. Мы — та песчинка в этом аду, что может спасти его или уничтожить!

— Так лучше уничтожить, — сказал Михаил с колебанием. — Разве не?

— Я созицатель, — ответил Азазель с достоинством. — Мое призвание — созидать и возводить, хотя больше люблю, как и все мы, ломать и рушить. Да и получается это у меня просто замечательно и артистично!.. Та-ак, похоже, мимо пропадают две дюжины бойцов. Все опытные ветераны... странно как-то.

— Почему?

— Элитная часть, — заметил Азазель. — Не простые легионеры, понимаешь?.. Это, можно сказать, преторианцы, чтоб тебе понятнее. Что охраняют императорские дворцы и вообще самые важные объекты. Такие в войнах обычно не участвуют. Ну разве что когда враг захватывает столицу.

Михаил взглянул на него остро.

— Но ты, похоже, знаешь, почему они здесь?

— С чего ты взял?

— Вывел прямо на них!

— Нам повезло, — возразил Азазель с достоинством. — Ты же любишь драться? Вот тебе материал для драки. Целых две дюжины. Разве это не везение?..

— Азазель, колись.

— Потом, — ответил Азазель быстро. — Я не совсем уверен. В общем, этот отряд уничтожаем начисто. А потом решим...

Михаил сказал хмуро:

— Что-то не так. Это же вызовет целую войну!.. За нами начнет охоту весь ад!

— А вдруг не начнет? — отпарировал Азазель. — Вдруг повезет?.. Обизат, ты со мной?

Обизат ответила:

- Нет, но я всегда со своим повелителем.
- Михаил, — сказал Азазель, — тебе не стыдно перед женщиной?..

Михаил посмотрел вслед уходящему отряду.

- Предлагаешь ударить в спину? А это честно?

— Нет, конечно, — ответил Азазель с восторгом. — Мы что, дураки?.. Именно в спину!.. Перебьем быстрее. Эффективность и логистика в тренде!.. Вы нападайте вдвоем, а я подстрахую, чтобы никто не убежал. Главное — результат, как говорил святой мудрец и поэт Игнатий. Который Лойола.

Михаил проговорил, все еще колеблясь:

- В самом деле так важно всех их перебить?

— Именно всех, — подтвердил Азазель. — Если хоть один улизнет, задача будет... если не сорвана, то усложнится. Если не ошибаюсь... но разве я могу ошибаться?.. Эти ребята притопали из центра. Какого, не знаю. Но издалека. Потому помочь к ним придет не скоро.

- А если обратятся к ближайшему патрулю?

Азазель покачал головой.

— Если не обратятся, то я без преувеличения тысячу миллионов раз прав. Насчет того, что из центра и что миссия их достаточно секретная. Кстати, патроны беречь! Нам предстоит еще долгий путь.

Он сказал таким могильным голосом, что Обизат вздрогнула, а у Михаила по спине побежали мурашки.

- Только мечами? — уточнил Михаил.

— Можешь зубами, — ответил Азазель. — Нам нужна победа! А за ценой не постоим.

Обизат вздрогнула, глаза ее стали огромными.

— Ты снова будешь применять свою страшную магию?

— Мечи надежнее, — ответил Азазель. — Во всяком случае, на короткой дистанции.

Она сказала пугливо:

— Я страшусь вашей странной моци. У нас ничего похожего...

Азазель скомандовал в нетерпении:

— Начали!

Михаил выскользнул из-за камней, Обизат опередила в беге, но он сдвинулся в сторону и одновременно с нею врубился с черным мечом в руках, сразу чувствуя ликующее озверение, а враги некоторое время просто падали, ошелев от неожиданности, потом сомкнули щиты и начали организовывать оборону, а он победно орал и рубил быстро и нещадно, пользуясь их растерянностью.

Азазель забежал с другой стороны, багровый меч блестал вокруг него с такой скоростью, словно у шестириукого с шестью клинками, но сам Азазель успевал и поглядывать в сторону Михаила и Обизат, особенно Обизат, она помельче и послабее мужчин, но явно с детства упражнялась до полусмерти, оттачивая скорость и точность, теперь успевает рубить двумя мечами и увертываться от ударов, ее клинки мелькают, как молнии, а сама прыгает, будто белка, все замечает и постоянно прикрывает спину Михаила, что просто здорово, ему меньше заботы...

В последней схватке Михаил сошелся с командиром отряда, огромным демоном на голову выше и выглядящим так, будто целиком из камня и металла.

Демон ловко увертывался от ударов Михаила, а сам был тяжелым топором часто и сильно. Михаил зло стискивал зубы, боль остро пронизывает тело, во рту не успевает исчезать вкус крови.

Издали донесся крик Азазеля:

— Мишка, да шарахни чем-то особым!

Михаил отступил, стараясь парировать удары, Азазель как бы забыл, что даже он сам перед применением

магии сосредотачивается и замирает в неподвижности, здесь же демон настолько верткий, что все мысли о том, как бы не пропустить смертельный удар...

— Да пошел ты...

Он отпрыгнул, выхватил пистолет и в то же мгновение выстрелил. Пуля ударила в раздутое, как у гигантской змеи, горло. Демон захрипел и покачнулся, а Михаил, используя шанс, из последних сил ударили как можно быстрее мечом.

Острый клинок врубился сбоку в шею, голова дернулась и грузно скатилась с плеч. Тело еще пару мгновений держалось на ногах, ладони все так же сжимают секиру, затем вся эта масса с грохотом обрушилась на каменную землю.

Михаил сунул пистолет в кобуру, Обизат спросила трепещущим голоском:

— Ты великий маг?

— Научу, — пообещал Михаил, увидел, как нахмурился Азазель, уточнил: — Со временем. Когда будешь готова.

Он с постоянно следящей за ним Обизат внимательно рассматривал тех павших, что все еще не исчезли. Странностей много, Азазель прав, как-то не вяжутся элитные доспехи с окружающей нищетой. Оружие да и сами демоны все как на подбор крупные и мускулистые, резко отличаются от местных жителей, у которых и воинские отряды наверняка из таких же щедушных и малорослых.

— Азазель, — сказал он требовательно, — рассказывай. Все рассказывай.

Азазель развел руками.

— Сядем перекусить, заодно расскажу. Чтобы два дела сразу.

— Ты в ад спускался, — сказал Михаил, — чтобы и здесь нажраться?

— Какой ты грубый, — укорил Азазель. — Нажраться... При женщине!.. Хотя, конечно, я поесть люблю везде, у меня хороший аппетит, здоровый желудок... а у тебя гастрит? Ты что-то бледный... А вдруг и дети от тебя будут больные?.. Кстати, сразу трое пытались удрать. Тоже странно.

Обизат смотрела на одного, на другого, рискнула поинтересоваться:

— Почему?

— Элитные не удирают, — напомнил Азазель. — Сама знаешь, дело чести сражаться до последней капли крови и погибнуть с именем господина на устах.

Глава 7

Она кивнула, очень серьезная и правильная, несмотря на красные волосы и зеленые глаза.

— А почему пытались удрать эти?

— Значит, — сказал Азазель раздумчиво, — в отряде были те... или, точнее, при отряде, которые понимали важность миссии. Они обязаны были сразу со всех ног бежать сообщать о возникших помехах. Чтобы, понятно, там наверху успели принять дополнительные меры.

Обизат поинтересовалась деловито:

— Ты остановил?

— Но допросить не успел, — ответил Азазель хмуро. — Одного взял живым, но сволочь моментально покончила с собой. Что как бы настораживает, чтобы не сказать хуже. Хотя эта сверхсекретность только подтверждает, что направлены были сюда с тайной даже для жителей этой местности миссией. И даже для местных вождей кланов.

Михаил сказал раздраженно:

— Да что за миссия? Давай рассказывай! Мы уже здесь.

Азазель вздохнул, развел руками.

— Миссия достаточно неприятная. Хотя вообще-то кому как... В общем, им было велено вырезать всех жителей одной из деревень.

Обизат охнула, но смолчала, Михаил спросил тупо:

— Зачем?

— На самом деле, — пояснил Азазель, — приказано вырезать только младенцев от колыбели до года. Однако демоны не люди, такое покорно не примут, матери бросятся защищать детей, мужья помогут, а на помочь могут прибежать из соседних деревень... Вожди родов и клана не могут позволить людям даже Высших Лордов вот так убивать без оповещения мирных жителей своих сел. Тут же бросят в бой отряды телохранителей, соберут войска... Потому нужно было вырезать всех жителей тайком вместе с младенцами и тут же вернуться.

Михаил сказал в нетерпении:

— Понятно, потому отряд такой большой. Чтобы все сделать как можно скорее и без особого шума. Но... почему?

Азазель оглядел их очень серьезными глазами, вздохнул.

— Мир меняется... Да, трюизм. Везде меняется, даже здесь. По мелочи, по мелочи, а по-о-о-отом...

— Пришло время потома? — спросил Михаил.

Азазель взглянул по сторонам, снял со спины рюкзак и с облегчением уронил под ноги.

— Привал!.. Поспим, завтра день будет трудным.

Обизат сказала измученным голосом:

— Я не устала...

— Зато Мишка едва на ногах держится, — сказал Азазель. — Все, отдых, короткий перекус, короткий сон, с утра марш-бросок до цели.

— Какой цели?

Азазель сказал важно:

— Прибудем, все расскажу. А то вдруг Обизат засланная шпионка?

— Обизат, — сказал Михаил быстро. — Не убивай его, у него такое странное чувство юмора. Потом убьем.

Обизат, гневно раздував красиво вырезанные ноздри, вдвинула кинжал обратно в ножны и надменно отвернулась. Михаил бросил на землю плащ, Обизат послушно легла, а когда Михаил опустился в двух шагах, вместе с плащом перебралась к нему ближе, устроилась, прижимаясь горячим телом, опустила голову ему на широкий бицепс.

Михаил застыл на мгновение, но вспомнил укоризненный взгляд Азазеля, осторожно накрыл ладонью ее плечо, узкое, горячее и плотное.

Обизат счастливо вздохнула и закрыла глаза. Через мгновение Михаил ощутил ее мирное и равномерное сопение. Задние лапки легонько дернулись, по ним пробежала дрожь, словно в испуге удирает от кого-то.

Он погладил по ее плечу, она перестала вздрогивать, счастливо вздохнула и, не просыпаясь, прижалась плотнее, словно щенок к большой и всемогущей маме, что все знает, все умеет и от всего спасет.

Утром он проснулся от немелодичного вжиканья, это Обизат села в сторонке и, вытащив оба клинка, любовно проверила острия обоих, лезвие одного любовно протерла тряпочкой, по другому с азартом водила точильным камешком.

Азазель вынул из рюкзака бутерброды, один подал Обизат. Она взяла без боязни, но с настороженностью, готовая отшвырнуть в любой момент, если он вдруг нападет или укусит за палец.

— Странный запах... Что это?

— Еда, — сообщил Азазель. — С ароматизаторами и красителями. Но есть можно. Смотри, Мишка ест!.. Правда, он все ест, доверчивый...

Она, поглядывая на Михаила, осторожно надкусила, прожевала, вслушиваясь в ощущения, Азазель подмигнул, она ответила сердитым взглядом, но остальное съела быстро и уже без колебаний.

— У вас этим пытаются?

— У людей? — уточнил Азазель. — В том числе, милая, в том числе.

Она села рядом, тихая и послушная, смотрит на Азазеля точно так же, как и Михаил, ждет рассказа насчет их таинственной миссии и не спускает взгляда с его рук, когда он вытащил из рюкзака что-то совсем уж непонятное в странных прозрачных мешочках, а затем вынули из них непривычного вида еду, от которой пошел зовущий запах.

— Подогреть? — спросил он деловито.

Михаил не ответил, Обизат не решилась раскрыть рот, а на сухой земле вспыхнул по щелчу пальцев Азазеля огонь, Михаил так же молча разложил на плоских камнях бутерброды и широкие ломти мяса, вытащил бутылки с квасом.

— Обизат, — сказал Азазель, — садись, ешь. Если не отравишься, то и мы потом поедим. Пластик не ешь, это упаковка... Хотя тебе, наверное, можно. Ладно, ешь, хочу посмотреть.

— Азазель, — сказал Михаил с упреком.

Азазель сказал со вздохом:

— Ладно, не ешь. Хоть это и вкусно, но некрасиво... для молодой девушки. Будешь старой — ешь все, тогда можно.

Обизат сказала с вызовом:

— Я никогда не буду старой! И всегда буду служить своему господину.

— Как молодость категорична, — сказал Азазель миролюбиво. — Узнаю себя! Я же молод и романтичен, а вот Мишка старый и скучный. И все время ворчит, ты заметила?

— Не подлизывайся, — отрубила Обизат с достоинством. — Мой господин красив и загадчен. И вообще он романтичен, жесток и когда-нибудь убьет этого чудовищного архангела Михаила, что сотворил этот ад!

Михаил поперхнулся бутербродом, Обизат с готовностью постучала кулачком по его спине.

— Не в то горло, господин?

— Ты ешь, — просипел он, — а то мы сожрем все...

Обизат послушно придвигнулась ближе, взяла в обе руки бутерброд, как белка берет орех, а Михаил, кое-как собравшись, сказал с укором:

— Азазель... не все понимают твои дурацкие шуточки. Обизат, он все брешет. Это вкусно.

— Вкусно, — подтвердила Обизат. — Просто невероятно. У тебя хороший слуга.

Михаил сказал с неловкостью:

— Он не слуга, а напарник, который больше знает и умеет, чем я. И вообще это он командир, а не я.

Азазель подмигнул ей.

— Видишь, как брешет? Только не понимаю, зачем. Ответственность с себя хочет снять, что ли?

— Вожди тоже устают, — ответила она серьезным голосом. — Иногда уступают место заместителям, а сами присматривают со стороны. Он очень благороден.

— Слишком, — сказал Азазель. — Благородным можно быть только среди благородных, да и то удобнее быть с более... широкой натурой и демократическими взглядами. Бери мясо, уже готовое, греем только из-за человеческих причуд и привередничества. Мишка у нас такой, капризный. Но ты не обращай внимания.

— Я ему служу, — напомнила Обизат с достоинством.

— Служи дальше, — милостиво согласился Азазель. — Ну как пластик, вкусный? Вообще-то ты молодец. Едва не лопаешься от любопытства, но даже бровью не повела,

это же надо! Так и держись, девочка!.. У мужчин есть свои тайны. Просто хвали нас побольше и восхищайся нами, это тебе зачтется. Но не расспрашивай.

Михаил поморщился.

— Азазель... Зачем какие-то запреты?

— Запреты, — сообщил Азазель, — это ступеньки, по которым человек поднимается к вершинам прогресса и культуры. А так как ты человек, что видно каждому, вот Обизат и сгорает от жажды узнать, как это ты, простой человек, убил Кезима.

— Я не простой человек, — пробормотал Михаил. — Как я понял, быть простым человеком позорно, да?.. Или только очень простым?

— Совсем простым, — уточнил Азазель, — совсем простым. Обизат, все было очень просто! Кезим погнался за Мишкой, поскользнулся, упал и убился головой о стену. Только и всего.

Обизат посмотрела на него с недоверием, подумала, перевела взгляд на Михаила. Тот с неловкостью улыбнулся, нет силы смотреть в ее чистые ясные глаза и брехать с легкостью Азазеля, уронил взор себе под ноги, а пока елозил там по красному песку и пытался поднять, она спросила звонким голоском:

— А с Зараном так не повезло?

— Да, — согласился Азазель, — были трудности.

— А крепость тоже сама рухнула? — уточнила она.

Михаил поперхнулся, Азазель широко улыбнулся и развел руки в стороны.

— Умница, поймала... Но лучше о таком помалкивай. Пусть все видят в Мишке простого и даже очень простого человечка. Он и в самом деле прост, как два рубля, уязвим и беззащитен, как все люди... А крепость рухнула, потому что я чихнул в ту сторону. Сказал «чихал я на эту крепость» и... чихнул. Пусть это будет официальной версией. Народ такие сенсации обожает.

Она, почти не слушая, кивнула в сторону мрачного Михаила.

— До него смогут добраться только через меня!

— Прекрасно, — согласился Азазель, — тебя убьют, это пусть, не жалко, а он успеет убежать или дать сдачи. Ты молодец, Обизат!..

Михаил сказал сердито:

— Азазель...

— Чего?

— Прекрати обижать девушку, — сказал он. — Вдруг не знает, что ты брехло? И поверит. Это мы должны ее защищать.

Азазель вытаращил глаза:

— Тю на тебя! Зачем?

— Потому что она, — начал Михаил и запнулся, сказать «женщина» язык не поворачивается, Азазель поднимет на смех и начнет язвить о равноправии, — потому что... красивая...

Азазель в самом деле вытаращил глаза, повернулся к Обизат, а она, захваченная врасплох, неожиданно покраснела так густо, что даже лоб и шея порозовели.

— Как бы да, — проговорил Азазель медленно, — очень даже весьма как-то в тему, хоть и невпопад, но прямо в лунку... Обизат, ты слышала?

Обизат, уже опомнившись, вздернула носик. Щеки еще оставались красными, но голос прозвучал сравнительно ровно:

— Что? Ничего я не слышала!

— Молодец, — сказал Азазель почти искренне. — Видел, Мишка, как надо? Хорошее воспитание. Ты ляпнул глупость, а она сделала вид, что не заметила. Но на самом деле женщины такие вещи всегда замечают. Важное могут не заметить, но такое всегда засекут. А потом предъявят в нужный момент.

— Ничего я не предъявило, — возразила Обизат. — Он мой повелитель, ему и так принадлежат мои мечи, моя сила и мое тело.

Азазель развел руками:

— Я убит, я сражен, мне промялить нечего... Михаил снова победил.

Она произнесла с надменностью:

— Думаю, он всегда побеждает. Разве не так?

— Увы, так, — ответил Азазель. — Но мне тоже хочется попобеждать, как думаешь?

— С нами и ты будешь одерживать победы, — сообщила она милостиво.

— Ловлю на слове, — ответил он и повернулся к Михаилу: — А ты чего нахмурился? Что за тяжкие думы терзают тебя, судя по сдвинутым бровям?

— Где ты видел двухрублевку? — спросил Михаил в недоумении.

Азазель победоносно улыбнулся.

— Их не бывает. Это к тому, что и ты существо уникальное. Как двухрублевка.

— Брехло поганое, — сказал Михаил с обидой. — А я все пытался вспомнить, как она выглядит. Своим нельзя брехать!

— Нельзя, — согласился Азазель, — но можно. Хоть и нехорошо, зато приятно и полезно в краткосрочной перспективе. А на долгосрочную в нашем быстро меняющемся мире лучше не рассчитывать, прогадаешь с инвестициями.

Михаил вытер пальцы о сухие горячие камни, повернулся к Азазелю и сказал раздельно:

— Все. Никаких отговорок и прыжков в сторону. Рассказывай.

Азазель улыбнулся как-то для него непривычно, Михаил никогда не видел его таким, словно вынужден сказать какую-то высокопарность, но язык не поворачивается, хотя да, надо.

— Поступила информация, — сказал он тем же несвойственным себе голосом, когда никак не может найти нужную тональность, — что в аду произойдет то, что однажды произошло и в мире людей... Здесь тоже родится некто, которого одни будут считать величайшим из пророков, а другие даже Мессией, что принесет в мир спасение... и его назовут Спасителем.

Михаил смотрел непонимающе, Азазель умолк, ожидая реакции, однако Михаил ждал продолжения, наконец Азазель сказал в раздражении и с долей обиды:

— Ты что, так и не понял?.. Среди демонов рождается Христос!.. Пусть не сам Иисус, но все равно как бы воплощение Всевышнего, что однажды, если верить опиуму народа, случилось в мире людей. Тот, не действуя явно, как и обещал, постарается чем-то косвенно подтолкнуть популяцию демонов к развитию и совершенствованию. Хотя и не знаю, зачем, но ему виднее.

Михаил признался:

— Я как-то совсем упустил последние веяния... ну эти, насчет Иисуса и его учения. Узнавать пришлось так много, что не успевал. Слышал что-то о каком-то христианстве, но это вроде бы заметной роли не играет в мире? Да и все так быстро...

Азазель посмотрел с интересом.

— Последние веяния?.. Ну да, Христос — это же почти вчера... В общем, император не то Тит... не то Веспазиан... велел провести всеобщую перепись населения. Местные из сел и деревень должны явиться в ближайший пункт, где есть власть, и сообщить о себе все биометрические данные. В случае с плотником Иосифом и его беременной женой Марией это был заштатный городок Вифлеем. Плотник и жена, поясняю, и были той парой, у которой должен был родиться этот то ли пророк, то ли богочеловек. Я романтический рево-

люционер и бунтарь, потому для меня красивше звучит первая версия, но по уму я уже консерватор, потому принимаю и вторую...

Михаил прервал:

— Слушай, павлин, давай не о себе, а об этом... про-роке!

— Ага, — сказал Азазель с пониманием, — и тебе не хочется называть его богочеловеком? Это значило бы, что Творец не сдержал слова насчет свободы воли человека и обещания, что больше не станет вмешиваться в его жизнь! Нам же так хочется жить в упорядоченном мире, где мы хозяева своей жизни, а не пешки!

— Азазель...

— Да-да, понял-понял. Плотник и его домохозяйка прибыли в Вифлеем, но в связи с переписью все гостиницы и постоянные дворы оказались заполненными. Пришлось искать место, где переночевать, но нашлось только в хлеву. Там же Мария и родила. На всех картинах ребенок лежит в люльке на сене в яслях, а на него смотрят не то ослы, не то козы... рисуют то нубийских, то зааненских, дурачье, откуда тогда знали о зааненских?.. Сразу видно позднейших мазил, заклепочников на них бы натравить, да поздно, померли... Да не заклепочники померли, заклепочничество никогда не умрет, это же три великих беды: дураки, дороги и заклепочники!.. Ах да, осел и вол. В первоисточниках все же осел и вол... Ночь была холодной, хозяин привел этих животных и привязал там, чтоб жрали сено возле младенца и дышали на него теплом...

Глава 8

Михаил покосился на Обизат, вид у нее совсем обалделый, каким был у него в первые дни, когда слушал Азазеля.

— Погоди! — прервал он с раздражением. — Это все интересно, но при чем здесь тот отряд, который мы так недоблестно перебили?

— История повторяется, — сообщил Азазель. — Когда придворные маги сообщили иудейскому царю Ироду Великому, что в его империи родится ребенок, который вырастет и сокрушит его трон, он тут же велел придворным магам вычислить место, где тот появится на свет, а затем послал туда элитный отряд личной стражи дворца, чтобы его нашли и уничтожили.

— Целый отряд ради одного младенца?

Азазель покачал головой.

— Великая заслуга магов уже в том, что правильно прочли знаки на небе и пророчества. Более того, точно вычислили время и место!.. Правда, не с точностью до метра, но деревню указали правильно.

Обизат попросила тихо:

— Там тоже... был такой же отряд? И ты его тоже уничтожил?

Азазель скромно опустил глазки.

— Милая... хотел бы сказать, что все так, но моя роль тогда была намного скромнее. Я помог, разумеется, но удалось обойтись без большой крови, как бы тебе было интереснее. Здесь все несколько иначе. Нам предстоит еще найти этого младенца и его семью, чтобы попытаться вывести из опасной зоны.

— Куда? — спросил Михаил.

Азазель пожал плечами.

— Почти сразу после рождения Мария и Иосиф увезли ребенка в Египет, так называемое бегство из Мекки в Медину... тьфу, бегство в Египет!.. Все куда-то бегут, бегут... Прям великое переселение народов, ранняя версия... Но в Египте перебивались недолго, Ирод

Великий вскоре умер, и они вернулись на родину, уже без моей помощи. Если следовать этой классике, то неплохо бы помочь нашей нынешней семье скрыться от гончих Вельзевула и доставить их в безопасное место...

— Безопасное тут же, в аду?

— А ты не знаешь, что местные кланы практически разделили сферы влияния?.. Кроме того у некоторых такие армии, что кто посмеет покуситься на их власть или их территории?.. Вон Лютера сам император не мог достать, когда того укрыл один из германских князей, у которого и свои крепости, и своя армия!

Обизат морщила лобик, смотрела ясными чистыми глазами, но спросить не решалась, зато поинтересовалася Михаил:

— А что в аду может соответствовать Вифлеему?

— Спроси что-то полегче. Ад есть ад, а земля есть земля, и с мест они не сойдут и не перемешаются, разве что везде воцарится демократия и прочее прелюбодейство.

— Тогда где искать?

Азазель снова пожал плечами.

— О рождении Иисуса была масса предсказаний. Половина, конечно, ложные, но другую половину вполне можно было сказать, что да, мы вот угадали точно, а вы, дураки, нам не верили...

— Какие? — спросил Михаил.

Обизат поднялась на ноги.

— Все поели?.. А поговорить можно и на ходу. А то мужчины, а сидят, языками чешут. Среди людей все такие?..

Вопрос был косвенно обращен к Михаилу, только он как бы настоящий человек, Азазель только застесавшийся зачем-то в их ряды, Михаил смутно чувствовал острый интерес к нему красноволосой зе-

леноглазки: как это человек и так много может, и понимал, что удерживать секрет с каждым днем будет все труднее.

— Среди людей, — ответил за него Азазель, — настоящее разнообразие! Правда, на более высоком уровне. Встречаются такие дураки, что нолы рядом с ними покажутся светочами мудрости, но есть и гении, перед которыми сам Люцифер и вся его команда на уровне жуков-короедов...

Михаил добавил скромно:

— Первый заместитель Всевышнего, который говорит от Его имени, человек по имени Енох, принявший аватару Метатрона... Но она права, Азазель. Мы позавтракали, и если ты знаешь, куда идти...

Азазель вскочил на ноги, бодрый и полный сил.

— Теперь знаю!.. Чего сидите? Рассиделись, расседатели...

Обизат сказала с готовностью:

— Везде пусто, я побегу впереди, а то там груды камней. Посмотрю, пройдем или лучше обойти...

Азазель кивнул, но она проигнорировала и посмотрела на Михаила. Он, не отрывая взгляда от Азазеля, сделал знак, что да, действуй, и она побежала вперед, быстрая и легкая, как молодая коза.

Азазель сказал с легким вздохом:

— Девочка тебе предана. Как это должно быть приятно...

— Ничуть, — нервно ответил Михаил. — Сам знаешь, на самом деле защищать и оберегать ее мне!.. Ладно, расскажи о том... воплощении, что было среди людей.

Азазель вскинул рюкзак на спину, Михаил пошел с ним рядом нога в ногу, Азазель некоторое время двигался молча, поглядывая на мелькающую впереди легкую фигурку Обизат.

— Не смешно, — сказал он наконец, — что такое объясняю тебе я?.. Чистые души ангелов над ним тогда как бы вились, будто мухи над цветочком.

— Я не ангел, — напомнил Михаил строго, — а высший из архангелов, архистратиг небесной армии!.. Виться над младенцами... не моего уровня.

— Ах да, — сказал Азазель, — до мелочей не снисходишь... да и кто, собственно, этот Иисус? Большинство его до сих пор не признает частью Творца. Одно дело Гамалиэль, что может быть и Нихшиэлем, или Сатан, имеющий несколько аватар, но чтоб сам Творец... гм, но я так глыбоко не лезу. В любом случае Иисус изменил историю. К лучшему, конечно. Если такой же появится и среди демонов, то я обеими руками «за». Я всегда за прогресс и ломку старых порядков. Из любви к прогрессу и вообще ломке.

Михаил подумал, сказал тяжеловесно:

— Значит, будем прислушиваться к пророчествам? Мне, как солдату, такое, конечно, противно.

Азазель покосился на ходу с интересом в смеющихся глазах.

— Как солдату? А насколько противнее мне, как умному и просвещенному человеку думательного уровня. Но, что делать, мир пока еще дик и темен. И частенько управляем суевериями и предсказаниями. Хотя почему частенько? Почти всегда...

— Какие были насчет рождения Иисуса?

— Да много чего, — ответил Азазель с легким презрением. — Главное из них насчет вспышки звезды, которую потом назвали Вифлеемской... То была вспышка сверхновой, что погубила достаточно развитую инозвездную цивилизацию, поглотив как родную планету, так и колонии на соседних... Чтоб ее увидели с нашей планеты, нужно было сделать взрыв достаточно мощным, потому звезда сожгла все вокруг себя на несколько

световых лет... Но, понятно, чего их жалеть, жукоглазых?.. Вдруг помешали бы выходу людей в галактику? Подумаешь, разумные... Межвидовая борьба на любом уровне есть межвидовая борьба, война и прочее расширение пространства для себя любимых.

— Не отвлекайся, — попросил Михаил. — Вспышка звезды — раз, что еще?

— Пророчества масса, — повторил Азазель с неохотой. — Сам понимаешь, когда ждут с нетерпением, чтоб эта хрень наконец-то кончилась и пришел тот, кто все изменит... Пророк Исаия указывал, что мессия родится от девственницы, это было первое пророчество, но, понятно, нам оно не поможет.

— Еще?

Азазель сказал нехотя:

— Остальные пророчества говорят о том, что он совершил и сотворит, как именно совершил и что ему потом за это будет. Но это нас уже не интересует. Нам нужно отыскать младенца и ухитриться его спасти. А дальше уже пусть сам ручками-ручками. Или хвостом и рожками, я же не знаю, в каком виде он родится!.. Не отвлекайся, смотри под ноги. Вон там земля смотрится как-то не так, может провалиться... Обойдем.

— А как же Обизат? — спросил Михаил встревоженно.

Азазель отмахнулся.

— Она и легче, и чует такие места... Да и провалится, тебе что?.. Ладно-ладно, я пошугуил!..

— В нашу задачу входит, — уточнил Михаил, — спасти ту беременную девственницу, так? А дальше уже не наше дело, правильно? Он должен справляться сам, иначе какой он Бог? Или даже пророк?

Азазель посмотрел на него с интересом.

— Похоже, ты даже не знаешь, что Христос закончил свою жизнь под пытками на кресте?..

— Чё, правда? — спросил Михаил. — Но как же...

— Верую, как сказал великий Туртуллиан, ибо нелепо. Но, как предполагают богословы, Иисус по духу был Бог, но телом все-таки человек. В смысле, смертный. Потому и склеил ласты. А сейчас, отдохнув и полежав малость на небесных диванах какие-то пару тысяч лет, решил провернуть подобную же революцию и в мире демонов. Молодец, недолго отдыхал. Снова революцию, но уже в другом месте, как Че Гевара. Если получится и здесь... гм... А мы как бы те три волхва, что приходили поклониться новорожденному Христу...

Михаил огляделся.

— А где третий?

Азазель сказал с сарказмом:

— Я легенды не принимаю так уж буквально. Разве мы не стоим троих? Да за нас сотню отдадут!.. Я один, когда пьяный, стою тысячи!.. Обизат вообще-то третья, хотя и женщина. Кстати, у нее рожки есть? А то с такой прической ничего не видно.

— Не знаю, — огрызнулся Михаил. — Не щупал!

— Волосы тоже нужно щупать, — сказал Азазель наставительно. — Женщинам это нравится, а ты заодно и насчет рожек проверишь. Хотя, конечно, можно было бы взять Бианакита или на худой конец того грешника, что две тысячи лет просидел в кипящем масле и не свихнулся, уже заслуживает уважения, но я вот вопреки тебе считаю, что и женщина тоже человек... хоть и не человек! Но насчет рожек все-таки прошупай. Сейчас еще маленькие, но могут вырасти, если вовремя не прижечь термокаутером. Не прижечь вовремя, потом убить только резинками с эластратором.

Михаил досадливо поморщился.

— А зачем?

Азазель подумал, кивнул.

— В самом деле, зачем? Лишь бы не бодалась... Да и вообще не будь занудой. Легенды это легенды, а на самом деле все могло быть намного проще и прозаичнее. И волхвов не было, а звезда не уничтожала сверхцивилизацию только для того, чтобы возвестить рождение пророка. Наивно как-то полагать, что если Христос вздумал повторить у демонов то, что так блестательно получилось у людей, все остальное произойдет точно так же.

Михаил проговорил с сомнением:

— Но что насчет утечки информации, из-за чего пришел приказ истребить всех новорожденных в этом регионе...

Азазель сказал нехотя:

— Да, это разумная предосторожность, но все остальное типа Вифлеемской звезды, трех волхвов, трубного гласа с небес и прочей лабуды... в эту хренъ не верю. Если и будет что-то сопутствующее, то что-то другое. Отсюда разве увидишь Вифлеемскую или еще какую-то?

Обизат прокричала издали:

— Вы там чего ползете?

— Уже скоро, — ответил Азазель. — Не трать силы.

Мы идем-идем. Я и твой господин.

Обизат спросила с подозрением в голосе:

— А разве он и не твой господин?

Михаил зыркнул на Азазеля, но тот, не моргнув глазом, заявил:

— Конечно-конечно!.. Я у него вроде разведчика. Вечно впереди, всегда все высматриваю, готовлю, прометаю дорожку, а он вламывается и все разносит!

Она кивнула, очень довольная.

— Я счастлива, что служу такому господину.

— А как я счастлив, — сказал Азазель, — с вами двумя, такими... особенными и альтернативными, не нарабатываюсь просто! И непросто тоже. Даже не представляете.

Михаил некоторое время слышал, как он поддразнивает такую простую и прямодушную девушку, но когда такая ровная и твердая дорога, то хорошо думается на ходу, и он углубился в хаотичные мысли, пытаясь разобраться в многоуровневой многоходовке Азазеля, не зря же он выманил его на землю. Пришло время, что сотрясает землю, ад и небеса. И дело не только в открывшихся порталах из ада или возможном появлении среди демонов воплощения Всевышнего в местном жителе.

Великий План Создателя начинает обретать очертания, видимые уже и для других. Люди выстроили стремительно набирающее силу и мощь общество, в их планах вломиться не только в другие материальные миры, но задуман, если верить Азазелю, еще и переход в иные формы жизни, а это откроет им Брий, страшно даже вообразить вторжение в него жестоких и алчных людей...

Но, возможно, это и было в Плане Господа? Людям в их нематериальной форме станет доступен Брий, потом Йецир, затем Ацилут... Не так ли Господь наметил приход к нему возмужавшего человечества?

А сейчас, согласно Великому Плану, в аду среди демонов рождается Тот, кто станет для демонов таким же Спасителем, каким две тысячи лет тому стал для людей. Но это не значит, что он выживет и спасет расу демонов, точнее, вид. Возможно, и среди людей появление Иисуса было далеко не первой попыткой? Только предыдущие проваливались по причине как гибели в детстве, а кто и вовсе погибал еще в утробе матери?

Здесь тоже может провалиться, но давно замечено, что Всевышний ни на чьи плечи не возлагает больше груза, чем тот может вынести. И если не вынес, то это вина человека, допустившего слабость.

А великие свершения требуют предельного напряжения сил.

Глава 9

Обизат далеко впереди остановилась, как вкопанная, замахала обеими руками.

— Мы пришли?

Между высокими горами, защищающими от ветра, но на достаточном расстоянии, чтобы с вершин не добротить до нее камнем, расположилась небольшая крепость.

Стены почернели от копоти, а из того места, где раньше была крыша, все еще поднимается дым, но уже заметно поредевший, такой бывает в конце пожара, когда все выгорело и гореть больше нечему.

Азазель сказал равнодушно:

— Мимо и дальше. Не наше, не жалко.

— Там могли остаться раненые, — ответил Михаил.

— Могли, — согласился Азазель. — Но выбирай, свернуть к тем развалинам или же успеть спасти будущего Мессию?

Обизат сказала резко:

— Азазель, тебе часто говорили, что ты жесток?

— Увы, — ответил Азазель со вздохом, — чаще укоряли в прекраснодушном потворстве. Это мир жесток, не слышали?

Ветер переменил направление, в их сторону со стороны сгоревшей крепости понеслась туча черного пепла. Михаил нагнулся голову, Азазель укрылся капюшоном, предусмотрительный, только Обизат сочла трусостью прятаться и шла с прямой спиной и гордым выражением на лице.

Азазель сказал непонятным тоном:

— У нас прекрасная команда с точки зрения политкорректности. Два самца с разными религиозными конфессиями... у нас же разные, Миша?.. И самка, что очень важно.

Михаил взглянул с недоверием, но Азазель продолжал очень серьезным голосом:

— Сразу видно, самские права не ущемлены. А то, что чернее обугленной головешки, просто замечательно! Наглядно говорит, что мы ну никак не носители расизма.

Михаил поинтересовался мрачно:

— А как насчет боеготовности?

— Странный ты какой-то, — упрекнул Азазель. — Сейчас важнее, чтобы были соблюдены права меньшинств, хоть термин какой-то странный, ну какое меньшинство из женщин? Или чернокожих?.. Но если права соблюдены, то все в порядке. Боевые потери спишут. А если права нарушены... берегись, все припомнят.

Обизат огрызнулась:

— Я не обугленная, как головешка!.. Просто испачкалась. Меня легко отмыть.

— Мишка возьмется, — заверил Азазель. — Мишка?

Михаил взглянул на него волком, а Обизат воскликнула с возмущением:

— Как ты можешь говорить такое!.. Как вообще смеешь?.. Это я его должна и обязана мыть, потому что он мой господин и повелитель!

— Гм, — сказал Азазель, — вообще-то такой вариант даже предпочтительнее... Эй, Обизат!.. Возьми чуть правее. Впереди озеро с грешниками, не видишь?

Михаил сказал, заступаясь за девушку:

— Пройдем по самому берегу, что особенного?

— Да? — спросил Азазель с подозрением. — Вот так пройдем мимо, отворотив рыло от страдающих?.. И не бросишься никого спасать... или, напротив, заталкивать в дерьмо еще глубже? Не наше это дело, понял?.. Нужно уважать суд. Пусть даже неправедный.

Михаил проворчал озадаченно:

- Как можно уважать неправедный?
- А кто говорил, — напомнил Азазель ехидно, — что даже неправедный суд лучше беспорядка и беспрavия?

Михаил дернулся, вытаращил в недоумении глаза.

- Погоди... но это же ты и говорил!

— Правда? — спросил Азазель. — А чего же это я решил такое умное приписать тебе?.. Наверное, у тебя вид предельно правильный, а я так себе, у меня и ноги кривые, и мысли, и взгляд на женщин, и удовольствия жизни... Ты как насчет животных удовольствий? Ну чего кривишься, они все животные. Иных не бывает.

- А книжки почитать?

Азазель ахнул в великом изумлении:

- А ты чё, грамотный?

Михаил промолчал с достоинством, люди в самом деле если говорят про удовольствия, то всегда имеют в виду только животные.

Азазель вздохнул, проговорил очень серьезно:

— А вот то, что здесь уже узнали о втором пришествии Христа... или не Христа, а их демонского Мессии, говорит об утечке информации из рядов небесного воинства!.. А это очень серьезно и очень опасно.

Михаил спросил с осторожностью:

- А другие варианты?

— Другие еще хуже, — ответил Азазель.

- Что может быть хуже?

— Уровень утечки, — пояснил Азазель. — Вряд ли ваши белокрылые пустышки что-то важное знают. А вот верхи... Кто-то либо проболтался, что маловероятно, верхи умеют держать языки за зубами, либо допустил утечку информации сознательно.

- Эх...

— Это я еще мягко, — утешил Азазель. — Наверняка кто-то просто сообщил сюда по своим каналам.

Михаил пробормотал:

— Зачем?

— Поняв зачем, — ответил Азазель, — сможем понять и кто. Возможно, сможем. А так... пока только предположения.

— Поделись, — попросил Михаил.

— Пока делиться нечем, — признался Азазель. — Так, навскидку... Например, Метатрон, правая рука Господа.

— Что-о?

— Метатрон мог быть заинтересован, — ответил Азазель хладнокровно, — чтобы Господь спас от варварства только людей. Ревность своего рода. Нечего спасать еще и демонов... Будем только мы, люди, его избранными!.. Не забывай, Метатрон — единственный человек, вставший настолько высоко, что ангелы и даже архангелы смотрят на него снизу вверх... Он выше даже Михаила... слышал о таком?.. Гавриила, Рафаила и Uriила, про остальную шелупонь и говорить нечего.

Михаил пробормотал в растерянности:

— Он не мог предать Господа...

— А никто и не предавал, — напомнил Азазель. — Ни мы, отряд двухсот, ни сам Люцифер, настаивавший на более верном, как он считал, пути... Никто не предавал! Просто мы все считали, что умнее Его. И готовы сделать мир еще лучше...

Михаил промолчал, стараясь понять, нарушил ли Творец в случае с появлением Христа свое слово дать полную свободу воли человеку и никогда не вмешиваться в жизнь людей, если не появлялся лично.

Он и раньше вмешивался, но как бы тайком, хотя уши и торчали хоть из горящего куста, хоть в виде подсказки Ною насчет ковчега, да и Моисей клялся, что получил заветы прямо из рук Бога, хотя, конечно, у Творца нет рук, как и вообще тела.

Но в случае с Христом он вмешался явно, лично зародившись в утробе земной женщины и пройдя, чтобы не вызывать подозрений, все этапы жизни от младенца до взрослого.

Правда, терпения не хватило дожить до возраста мудреца, в тридцать три года человек не очень-то умен, если не брать математику, но ладно, вопрос в другом: было нарушение Слова Творца или не было?

Или, дескать, хозяин своего слова: сам дал и сам взял? Или же из каждого правила есть исключения?

В этом случае с появлением части своей божественной силы в мире демонов он может зайти еще дальше, а это тревожно, если все начинает настолько уж сильно зависеть от его воли...

Обизат впереди не просто остановилась, а бегом ринулась к ним обратно, на лице уже не беспокойство, а страх.

— Опасность, — крикнула она, — готовьтесь!

Она указала вверх, а там в красном тумане показалась быстро вырастающая в размерах фигура крылатого человека.

Азазель вздрогнул, лапнул кобуру пистолета и тут же убрал ладонь.

— Эх, — сказал он в тревоге, — это же сам Насира, смотрящий за всем Гееноном! Можно сказать, нам не повезло. Даже очень не повезло.

— Выкручивайся, — бросил Михаил. — А мы подыграем, если что.

Могучий демон растопырил крылья и, планируя, пошел по длинной дуге вниз. У самой земли чуть откинулся всем корпусом назад, ударился ступнями о землю и пробежал немного, быстро-быстро перебирая ногами.

Михаил смотрел молча, как он остановился и стянул огромные крылья на спину. На земле выглядит еще выше, чем показался в полете, хотя тело худое и костля-

вое, а рога тоже тонкие, остряями вверх, сила и власть чувствуются в каждом жесте и взгляде.

— Азазель, — произнес он голосом, рожденного повелевать и властвовать, — я не обознался?

— Привет, Насира, — сказал Азазель. — Ты зорок, как всегда.

Демон сказал в высокомерном недоумении:

— Ты очень давно здесь не показывался. Что-то случилось?

— Заран, — ответил Азазель. — Дело в Заране. Он подсыпал ко мне убийц одного за другим. Да-да, там в мире людей! Представляешь, сволочь? Тайком от тебя! Репутацию свою поддерживал. Он же фактически отстранил родного отца от управления кланом, потому приходилось доказывать свою решимость и властьность... Такой мог посматривать и на трон управителя всем Гееномом!

Насира, не обращая внимание на последний выпад, вперил в Азазеля острый взгляд.

— И что Заран?

— А как думаешь? — ответил Азазель. — Я что, должен ждать, когда кто-то из убийц все-таки найдет щель в моей защите?..

— Понял, — ответил Насира. — Решил нанести удар сам? В своей манере?

— Ты всегда все понимаешь верно, — ответил Азазель с восторгом в голосе. — Сейчас Заран убит, угроза устранена. Заодно восстановлена справедливость в том смысле, что я вернул Малфасу трон главы клана и посоветовал не слишком уходить в зодчество, а то найдется еще кто-то из мерзавцев, желающих порулить могучим и богатым кланом.

Насира подумал, кивнул.

— Ты поступил правильно. Для меня лучше рассудительный Малфас, чем злой и вспыльчивый Заран, за

которым нужен был глаз да глаз... А сейчас ты чего все еще здесь?

Азазель ответил с неловкой усмешкой:

— Заран оказался слишком крепким. Мы выдохлись в схватке с ним. Если честно, то победили еле-еле. На возвращение сил не осталось. Но здесь недалеко Калисетпроптллок, а у него когда-то был портал...

Насира нахмурился.

— Порталы запрещены.

— Что абсолютно верно, — ответил Азазель, — но Калисетпроптллок по старой дружбе может помочь своей мощью. Он старый и ленивый, но мы когда-то весело проводили время. В память тех дней. Или ты поможет сам?

Насира взглянул на него в упор очень неодобрительно.

— Помолчал бы о Калисетпроптллоке. Все знают, как ты крутил с его сестрой Батафани!.. Даже жениться обещал. Понятно, Батафани и сейчас для тебя все сделает. И портал брата откроет, даже если это им и навредит.

Азазель повторил:

— Но ты в память о старой дружбе мог бы помочь и сам?

Насира отрезал:

— У нас с тобой дружбы никогда не было!.. Убить тебя хотел, да. Но за тысячу лет это прошло.

Сердце Михаила екнуло, Азазель смотрит на повелителя Геенома с такой надеждой, будто всеми фибрами души жаждет перенестись в мир людей, но тот, поколебавшись, сказал хмуро:

— Тебя одного могу, но с твоими спутниками пришлось бы отдать все силы, а коплю я очень медленно.

Азазель сказал со вздохом:

— Ладно, не расстраивайся. Калисетпроптллок, надеюсь, чем-то поможет.

Насира кивнул, снова окинул тем же безразличным взглядом Михаила и Обизат, чуть присел и, оттолкнувшись от земли, мощно ударил по воздуху крыльями.

Все трое провожали его взглядами, Михаил некстати подумал, что здесь без помощи магии не обходится, в Насире не меньше сотни килограммов, с таким весом летать только с помощью одних крыльев невозможно.

Азазель сказал довольно:

— Заран продолжает работать!

Михаил сказал язвительно:

— Не удивлюсь, что ты сам подбил его подослать убийц, чтобы получить законное право на ответный удар!.. И вообще расхаживать по аду. Дескать, раз уж тут, погуляю.

Азазель хохотнул.

— Золотые слова! Погуляем малость. Может, пару городов сожжем невзначай. Ты как, Обизат?

Она сказала осуждающе:

— Жечь города нехорошо.

Он перевел взгляд на Михаила.

— Это она сказала?.. Мне показалось, ты. Эта девочка твою занудность копирует или такой уродилась?

— Это не занудность, — возразил Михаил, — а правильность.

— Правильность скучна, — заявил Азазель, — потому так популярны пираты, корсары, флибустьеры, поэты, оппозиционеры, стритрейсеры и вообще бандиты и наемные убийцы. Хорошо бы перебить их всех, верно?.. Жаль, они в каждом из нас. Только ты разве что во сне в флибустьерском дальнем синем море поднимаешь паруса, а я и наяву поэт. Обизат, учти!.. Женщины влюбляются в поэтов и сабатиней.

— Я не влюблюсь, — отрезала она. — Вон там деревня, да?.. В горе?

— Как ласточки, — ответил Азазель. — Еще стрижи так любят селиться... Да, это наша деревня. Такую сжечь трудновато, верно?

Азазель кивнул, а Михаил сказал с некоторым удивлением:

— А деревни не слишком отличаются от тех, что видел пару тысяч лет тому. У людей... Кстати, почему Мессия должен родиться именно в деревне? Тут же все не очень... блещущие ни умом, ни силой.

Азазель посмотрел с интересом.

— А у людей Иисус не мог родиться в царской семье?.. Но появился в семье самого простого и туповатого, если уж совсем честно, плотника. И у простой деревенской девки. Тем самым показал, что для Всевышнего всю люди хороши и прекрасны, разницы не видит и не желает, чтобы ее видели мы.

— Ух ты, — сказал Михаил. — Да ты в самом деле поэт.

Обизат подошла к окраине деревни, остановилась у первых же щелей в горе, где-то выдолбленных, где-то естественных. Перед ними все усыпано обглоданными костями, бехемы и прочие звери не исчезают после гибели, на плоских камнях распластаны для сушки плохо выделанные шкуры.

Азазель аристократически наморщил нос.

— Как же тут воняет... Обизат, прости за грубое слово, но пахнет в самом деле отвратительно. Ну как, трое волхвов, готовы к трудной и грязной работе по спасению, когда проще всего всех убить?.. Ладно, будем надеяться, Христос и здесь пойдет по накатанной дороге, раз уж в первый раз получилось. То, что его там убили, это печалька, но для настоящего мужчины не слишком важно, верно? Главное, чтоб его

дело жило и развивалось, как получилось с христианством.

— Там три волхва приходили, — напомнил Михаил, — а нас двое! И женщина.

Азазель поморщился.

— Какой ты мелочный! И занудный. Я вот уверен, ты один троих волхвов стоишь. Как посмотрю на тебя, раздирает рот зевота шире Мексиканского залива, а разве это не доказательство?

Глава 10

Михаил посмотрел озадаченно, пытаясь уловить логику, но из дальней пещеры вышли двое коренастых и приземистых демонов, настолько лохматых и кривоногих, что даже не понял, кто из них самка.

Он ощущал, что смотрит с отвращением, даже с омерзением, не представляя, как это среди этих существ может появиться Мессия, что попытается спасти их из тьмы зверства и дикости.

Из другой щели вышли еще четверо, все рогатые, мерзкие, с хитро-злобными мордами.

Азазель словно прочел его мысли, хотя что их читать, достаточно просто взглянуть в его лицо, шепнул тихо:

— Неисповедимы пути Господа. Возможно, вообще не видит разницы между людьми и демонами? Особой разницы?..

— Сперва людей, — сказал Михаил, — потом демонов?.. Что-то перерыв большой.

— А вдруг, — обронил Азазель, — для Него времени вообще не существует? Я вообще не рискую рассуждать о возможностях Творца, голова идет кругом. Знаю только, что сейчас надо срочно вывести этих обреченных в безопасное место.

— Куда?

Азазель буркнул:

— В Египет!.. Куда бежали Иосиф с Марией, когда Ирод Великий велел вырезать всех младенцев в Вифлееме. Только не представляю, что здесь вместо Египта.

Обизат, прислушиваясь, сказал тихонько:

— А если в земли клана моего отца?..

— Это где? — спросил Азазель.

— Не очень близко, — ответила она осторожно, — но на пути нет ни крепостей, ни форпостов. Достаточно безлюдные земли...

Азазель внимательно посмотрел на нее.

— И безжизненные?

— Не все же погибнут в дороге, — ответила она. — Вам же нужно сохранить кого-то одного?

— Да, — ответил Азазель, — только не знаем, кого. Потому будем стараться сохранить всех... И надеяться, что тот, кого нужно спасти, окажется среди уцелевших.

Демоны посмотрели равнодушно, ничего интересного для себя не увидели, один за другим вернулись в свои норы.

— Подождите здесь, — велел Азазель. — Я загляну к ним, переговорю.

Михаил кивнул Обизат.

— Садись, отдохтай. Не думаю, что у него так скоро все получится.

— Он хитрый, — возразила она. — А здесь все простые. Их даже обманывать нехорошо.

— Для их же спасения, — пробормотал он. — Хотя да, ты права. Обманывать вообще нехорошо, а простых тем более.

Она села на камне рядом с ним, он чувствовал ее чистое животное тепло, напрягся чисто инстинктивно, но тело само по себе начало вбирать от нее вместе с теплом и спокойствие.

Азазель появился где-то через полчаса, Михаил уже начал было тревожиться. Лицо чуточку хмурое, но больше озабоченное.

— Переговорил, — сказал он коротко. — Готовы удирать, собираются. Беременных тут трое, одна от мужа, две другие такие шлюхи... но это не значит, что нужно спасать только замужнюю. Пути Господни неисповедимы, вот допустил демократию, а в ней шлюхи и стервы уже не ругательство, а похала...

— Беременных отдельно? — спросил Михаил.

— Это рискованно. Мессия может родиться и у той, которая еще не знает, что беременна. Они тут спят все со всеми, демократия на марше.

Обизат помалкивала, но Михаил не выдержал, поинтересовался:

— Как ты сумел их убедить покинуть родную деревню?

Азазель посмотрел с прищуром.

— Думаешь, секретный приказ Вельзевула насчет истребления всех, кто родится в течение этого года, не убедит?

— Думаю, убедит, — согласился Михаил. — А где ты его достал?

— Достал? — переспросил Азазель. — Зачем доставать? Уже написал, осталось только тайком дать прощать, что я и сделал. Это война, Мишка. Она ведется не только мечами и копьями, но и слухами, сплетнями, поклепами...

Михаил поджал губы и сказал с сердцем:

— Это отвратительно!

— Зато выигрышно, — возразил Азазель хладнокровно. — А победитель всегда прав, даже если одолел подножкой или ударом в спину. А лучше то и другое вместе. Так романтичнее!

Михаил сказал с чувством:

— А как же честные войны?

— Честных войн не бывает, — сообщил Азазель. Посмотрел на непонимающее лицо Михаила и уточнил: — Войны все нечестные. В здоровой конкуренции не место честности. Ее придумали, чтобы дурить простых и простодушных.

— Такие, как ты, таких, как я?

— А-а, понял наконец-то нюансы политики!.. В общем, как только я всех соберу и перепроверю, где-то в полночь потихоньку покинем это село. Мы втроем займемся охраной, а нести пожитки будут мужчины, помогая женам.

Ночь сперва показалась холодной, но когда он увидел лед на земле, понял, что поговорка людей насчет снега в аду не совсем корректная. Здесь днем чудовищный зной, лопаются перегретые камни, а ночью даже воздух замерзает, а вся вода из него превращается в льдинки.

Жители деревни собирались со стонами и тихим плачем. Мужчины угрюмо складывали пожитки по углам, перебирали, раскладывали по кучкам, Азазель терпеливо объяснял, что брать можно только самое необходимое в дороге, идти придется быстро, часть пути даже бежать, отставшие просто погибнут.

Видя, как эти жалкие существа несут на себе пожитки, Михаил удерживал себя то от желания помочь, то отажды заставить бросить и топать быстрее, второй отряд могут прислать достаточно скоро, как только пройдет время, а первый не вернется.

Азазель с тревогой всматривался в темень, Михаил сказал с сердцем:

— Маги назвали точно деревню, но мы уже здесь! Нельзя ли на месте поточнее...

— Давай поточнее, — согласился Азазель.

— Я не предсказун, — огрызнулся Михаил. — Но ты же можешь?

— Меня радует твоя наивная вера в меня, — ответил Азазель, — и даже умиляет. Из-за чего я преисполнюсь к тебе. Да, в таком радианте.

Михаил вздохнул.

— А пытался как-то высчитать поточнее?

Азазель огрызнулся:

— В Ветхом Завете много пророчеств о Христе, начиная с времени его прихода, родословной, жизни и проповедей. Сказано даже, что он обязательно должен быть потомком Авраама, Исаака и Давида... но ты знаешь, что у демонов вместо Ветхого Завета?

Михаил воззрился в удивлении.

— Ты чего?

— Вот-вот, — сказал Азазель. — Так что сопи в две дырочки и жуй сено. А нет сена, жуй солому.

Он двигался рядом, решительный и сосредоточенный, потом хлопнул себя ладонью по лбу и остановился.

Михаил спросил в тревоге:

— Ты чего?

— Здесь близко, — ответил Азазель. — Не трусь, тебя Обизат спасет. От всего на свете.

Михаил стиснул челюсти, Азазель загадочно улыбнулся и пропал из виду.

Обизат явно слышала, потому сразу появилась рядом с Михаилом и шла близко, почти задевая его локтем. Он все хотел сказать, что надо бы держать дистанцию, а то и размахнуться мечом нельзя, есть риск задеть, но не решился.

Так двигались не меньше часа, наконец впереди из темноты донесся приближающийся тяжелый топот. Михаил насторожился, вытащил пистолет, а Обизат вынула из ножен оба клинка и чуточку пригнулась, готовая к стремительному прыжку на врага.

Топот стал громче, Михаил рассмотрел приближающиеся огромные туши бехемов, на загривке переднего гордо восседает Азазель.

— Не спите! — крикнул он весело. — Я тут по случаю купил полдюжины этих милых толстячков.

— Украд? — спросил Михаил. — Ладно, погрузим на них пожитки...

— И самых слабых женщин, — добавил Азазель. — Двигаться придется быстро. Как только некто поймет, что его план раскрыт, на уничтожение этих несчастных бросят все силы ада.

Михаил торопливо помогал запихивать нажитое добро переселенцев в мешки по бокам бехемов, те стоят смирно и пережевывают жвачку. В мире людей тоже воятся, там их зовут нильскими лошадьми, целыми днями лениво передвигаются по болотам, там же и спят, но здесь сама по себе вывелаась порода более сухощавых и быстрых, способных выдерживать сухость и зной.

Сперва их приспособили для перевозки грузов, а потом в армиях начали создавать воинские отряды наиболее сильных воинов, сражающихся верхом на бехемах.

Азазелю то ли повезло, то ли был выбор, отобрал сильных и смиренных, абсолютно непригодных к бою, зато готовых безропотно тащить тяжелые телеги и выюки.

С бехемами дело пошло быстрее. Эти грузные животные могут развивать приличную скорость, хотя ни один не пойдет вскачь, но как иноходцы хороши.

Женщин посадили на спины поближе к тюкам, бехемы по команде Азазеля пустились бегом, пришлось успевать за ними хоть и не на полной скорости, но все же бежать.

Азазель все поглядывал по сторонам, хмурился, Михаил с тревогой видел, что хитрый и самоуверенный де-

мон нервничает, что-то не по его плану, наконец сказал хмуро:

— Михаил...

— Говори, — ответил Михаил, — раз уж пришли, то пришли.

— Отлучусь малость, — предупредил Азазель.

— Схватка будет? — спросил Михаил.

— Вряд ли, — ответил Азазель. — Хотя не исключаю.

— Тогда оставим с беженцами Обизат, — предложил Михаил. — Сделаем привал, все уже устали, мы взяли слишком уж резвый темп.

— Нужно было уйти подальше от той деревни, — объяснил Азазель, — и малость замести следы. Сейчас пойдем ровнее... Ты прав, начинаешь соображать почти стратегически!.. Зови свою девочку.

— Она не девочка, — буркнул Михаил, — и не моя... Обизат! Подойди!

Обизат примчалась, быстрая, с огнем в глазах и готовностью на лице выполнить все, что велит ее господин.

— Объяви привал, — велел Михаил. — Пусть отдохнут и переведут дух. Проследи, чтобы у них не было драк, а то все устали и раздражены... Мы с Азазелем отлучимся недолго.

Она сказала с готовностью:

— Да, господин!.. Как прикажете, господин!.. Все сделаю, вы будете довольны.

Азазель молча взял Михаила за локоть. Тот ощущил намекающее пожатие, сосредоточился на прыжке, красный мир вокруг моментально сменился серым, а воздух стал холодным и со злым колющим ветром.

— Это рядом, — заверил Азазель. — Ты же не слишком потратился, верно?.. Кстати, поздравляю.

Михаил осматривался по сторонам, буркнул:

- С чем?
- С командирским тоном, — сказал Азазель серьезно. — Не замечаешь, все больше берешь на себя ответственность, решаешь за всех нас?..

Михаил не ответил, всматриваясь в серое массивное здание, выступающее из такого же неприятно серого тумана.

- Что здесь?
- Азиабелис, — ответил Азазель. — У него есть то, что нам нужно. Пойдем, нужно спешить. Обизат там одна с целой оравой!

Двое молчаливых служителей возле двери одновременно загородили вход, столкнувшись плечами.

Азазель сказал с неохотой:

- Этот храм. Сюда с оружием нельзя, увы.

Он медленно и со вздохом вытащил из ножен оба кинжала и воткнул в стену рядом с входом.

Михаил поступил точно так же, стражи раздвинулись, но смотрят хмуро. Азазель прошел первым, нарочито задев одного плечом, то ли выказывая недовольство, то ли желая кого-то вывести из величавого спокойствия.

Стражи, как ощущил спиной Михаил, провожают их полными недоверия взглядами. К счастью, оба остались у двери, Азазель точно чувствует где грань, и если не желает ее перейти, никогда случайно или по незнанию не переходит.

В прихожей встретил высокий и очень грузный мужчина в цветистом халате, чересчур цветастом для мужчины, Михаил сразу ощутил к нему неприязнь уже из-за одежды, да и вообще слишком сытый, толстый и ленивый, двигается, как будто плывет, всячески выказывает свою важность.

По Михаилу лишь скользнул небрежно ощупывающим взглядом и дальше смотрел только на Азазеля.

— Чувствую знатного гостя, — произнес он с вопросительной интонацией. — Я знаток карт и старых вещей Азиабелис. Чем могу помочь?

Азазель ответил вежливо:

— Знающие люди говорят, что у вас есть карта Генома...

Азиабелис надменно улыбнулся.

— Такой пустяк? У многих есть.

Азазель ответил так же мягко:

— Нам нужна карта, на которой видно даже то, что уже построено, но еще не обозначено. Картографы обычно не очень спешат. Профессия у них такая неторопливая...

Оба некоторое время улыбались один другому, глядя друг другу в глаза. Михаил чувствовал растущее напряжение, не понимая причины, наконец Азиабелис произнес с расстановкой:

— Это дорогие карты...

— Мы не самые бедные на свете, — ответил Азазель с достоинством. — Правда, мы простые искатели сокровищ, но и нам иногда удается отыскать нечто ценное.

— Хорошо, — ответил Азиабелис. — Можете не называть свои имена. Но за такую карту сто двадцать золотом и двести серебром.

— Идет, — ответил Азазель незамедлительно. — У меня бриллиант из сокровищ Паймона за триста золота. Годится?.. Хорошо. Но мне нужна карта с золотыми уголками.

Азиабелис отшатнулся.

— Что?.. Такие есть только у высших демонов!..
И стоят втрое дороже.

— Втрое? — спросил Азазель. — Это слишком. Не знаю, кто столько наберет...

Хозяин пожал плечами.

— Находят. У вождей крупных кланов такие карты есть. Не у всех, правда. Но это их трудности.

Азазель скривился, но махнул рукой.

— Ладно. Что деньги, честь рода превыше всего!.. Согласен. Несите карту.

Азиабелис смерил его испытующим взглядом.

— Уверены? Хорошо, ждите здесь.

Глава 11

Он пошел к дальней двери, обернулся, уже взявшись за ручку, очень уж оценивающий взгляд не понравился Михаилу, но тот лишь кивнул молча и, открыв дверь, переступил через порог.

Азазель проследил, как он плотно закрыл за собой, сказал негромко:

— Как он тебе, Мишка?

— Хитрый, — ответил Михаил.

— Все мы хитрые, — согласился Азазель. — Это достоинство, а не порок, как тебе кажется по небесной простоте и наивной дикости.

Он неторопливо сел в кресло у стены, Михаил старался не показывать своей настороженности, Азазель улыбается, но за эти дни удалось узнать его достаточно, чтобы понять, Азазель уже жалеет, что оставил кинжалы у входа в дом, а сейчас старается сесть так, чтобы видеть все, что происходит в комнате, а также держит в поле зрения обе двери, не позволяя зайти себе со спины.

Ждать пришлось долго, явно за картой пришлось спускаться в подземные тайники, а там еще и отмыкать сложные земли, но наконец дверь распахнулась, Азиабелис вошел с довольной улыбкой на лице, в руке небольшой цилиндрический футляр из коричневой меди, остановился и вытащил туда свернутый свиток.

— Последний экземпляр, — сообщил он с грустью, — так жаль расставаться... Если надумаете продать, выкуплю за ту же цену.

— Показывай, — велел Азазель.

Азиабелис сел напротив, Азазель взял из его руки свиток. Михаил с напряжением наблюдал, что же произойдет, но Азазель развернул свиток, действительно очень подробная карта с реками, горами, озерами магмы, а также все города и крупные поселки, между ними густая сеть дорог...

А еще он рассмотрел множество черных точек, незаметных поодиночке, но когда собираются вместе, то видно, как медленно переползает такая клякса с места на место...

— Все работает? — поинтересовался Азиабелис, он внимательно наблюдал за лицом Азазеля.

— Проверим, — ответил Азазель. Он сказал громко и отчетливо: — Нефтада!

Некоторое время он всматривался в карту, Михаил тоже смотрел, еще ничего не понимая, но первым указал пальцем Азиабелис.

— Да вот же!

Михаил рассмотрел наконец крохотную красную точку среди множества темных.

Азиабелис сказал с одобрением:

— Она неплохой жрец. Главное же, очень красивая, даже прекрасная девушка, которую абсолютно не интересует ничего, кроме ее окружения.

Азазель сказал отчетливо:

— Пиролета!

На этот раз он первым рассмотрел вторую красную точку совсем в другом конце карты, а Азиабелис сказал с одобрением:

— Исполнительница, а недавно была Собирательницей. Очень красивая девушка! Но с нею надо быть

осторожнее! Поговаривают, что дружна с самим Сабриэлем.

Азазель сказал с довольным вздохом:

— Да, все работает... Впрочем, еще разок... Ниродола!

Даже Михаил увидел третью красную точку, теперь он понял наконец, что так можно отслеживать передвижения демонов по всему Гееному.

Азиабелис сказал почти весело:

— Третья красивая девушка!.. Да ты, брат, похоже, только ими интересуешься?.. Ниродола долгое время была суккубом, потом остынилась и стала Собирателем, жила с Маланизибторокоеком, а недавно вышла замуж... так что будь осторожен. Насколько знаю, сейчас работает добросовестно, знает и ценит свое место.

Азазель свернул карту в трубку, спрятал ее в футляр и передал Михаилу.

— Спрячь и храни.

Михаил преувеличенно почтительно поклонился, сунул футляр во внутренний карман.

Обе двери распахнулись, в комнату ворвались четверо громадных демонов. Азазель, похоже, ждал, в обеих ладонях возникли рукояти пистолетов, загремели выстрелы.

Михаил опомнился, выхватил пистолет и даже успел выстрелить в одного, хотя тот уже получил пулю в висок от Азазеля.

Азиабелис закричал диким голосом, моментально раздулся, покрылся толстой пластинчатой шкурой и ринулся на Азазеля. Тот отпрыгнул, выстрелил трижды, однако Азиабелис повалил его и ухватил за горло.

Михаил дважды выстрелил в голову, однако пули рикошетили с визгом, тогда в страхе, страшась опоздать, поспешно ударил кулаком в голову, боль прокати-

лась от кончиков пальцев до плеча, будто со всей дури саданул по камню.

Азиабелис отмахнулся одной рукой, Михаила отбросило с такой легкостью, словно по нему с силой ударили бревном.

— Меч, — прохрипел Азазель через перехваченное сильными пальцами горло. — Меч...

Михаил вскинул руки, целую вечность ничего не происходило, наконец ощутил холодную тяжесть меча и тут же с силой ударил в спину Азиабелиса.

Черное лезвие с легкостью почти рассекло туловище пополам, но дальше застрыло. Он тщетно пытался выдернуть, Азазель хрюпал и никак не мог оторвать пальцы хозяина дома от своей глотки.

Наконец тело Азиабелиса очень быстро превратилось в раскаленный бруск металла, почти разрубленный пополам. Азазель с воплем спихнул его с себя, откатился в сторону и едва вытянул руку в сторону, как в ладони появилась рукоять его блестящего меча.

Тело Азиабелиса засветилось ярче, вспыхнуло багровым огнем. Комнату наполнил удущливый запах гаря и горящего металла, потек было к стенам, однако на глазах испарился и пропал, только в комнате остался жаркий и пропитанный пожаром воздух.

— Хотел и бриллиант взять, — спросил Михаил, — и карту себе оставить?

Азазель сказал хрипло:

— Не думал, что пистолеты окажутся бесполезными так рано. И это еще если учесть, что он не знал, кто мы.

— Будет хуже? — спросил Михаил тревожно.

— Намного, — заверил Азазель, уже приходя в себя. — Рад? Вижу, счастлив. Все-таки в тебе так силен убийца, что даже стыдно за такого соратника-милитариста... Карту не потерял?

- На месте...
 - Не помял?
 - В таком футляре не помнешь, — буркнул Михаил.
 - Пойдем, что ты ищешь?
 - Да так, — ответил Азазель, — для сувениров.
 - Азазель!
 - Мародерство почетно, — возразил Азазель.
- Если само слово коробит, замени на «дроп» и «лут». Когда слово становится неприличным, его тут же заменяют новым, еще неонеприличенным.

Беженцы на привале успели перекусить, распластались на голой земле, отдохная и переводя дух, Обизат выскочила навстречу, на лице тревога и счастье.

- Все хорошо?
 - Мы же вернулись, — напомнил Михаил.
- Она кивнула, принимая, что герои возвращаются только с победой, а если не вернулись, то погибли красиво и доблестно.

- Какие приказания?
- Седлайте бехемов, — велел Михаил, — посмотри, что можно оставить из барахла, что таштят с собой. На новом месте Азазель даст немного денег, чтобы купили необходимое, так будет проще.

Азазель кивнул, то ли одобряя решительный тон Михаила, то ли соглашаясь, что немного денег даст, но только немного, деньги зло, а бедность, как говорят эти странные христиане, якобы благо. Правда, протестанты с этим не согласны, потому и лидируют везде.

Михаил и Азазель выдвинулись впереди группы, Обизат вроде бы в арьергарде, но ухитряется забегать по сторонам, Михаил чуть проследил за нею взглядом, ничего, здесь она в своем мире.

- А тебе здесь не жутковато? — спросил он.

— Да ладно тебе, — сказал Азазель с великолепной небрежностью. — Мы здесь не первые! Иисус не только сам пришел, но и вывел отсюда Адама и еще ряд заслуженных товарищей, на которых обратил благосклонное внимание.

Михаил пробормотал:

— Эта часть как-то мимо меня прошла.

— Ну да, — сказал Азазель с сарказмом. — Это же все без боев и кр-р-ровавых сражений!.. Но Иисус после распятия, о котором ты, оказывается, даже не слыхал, попал в ад, он же человек, как и ты! Или сам явился, неважно, там всякие толкования и непонятки. Здесь отыскал Адама и Еву, а также с полдюжины ветхозаветных праведников и вывел их из ада прямо в райские обители, где до этого времени было только четверо: Моисей, Илия, Енох, а также тот разбойник, которому Иисус на кресте пообещал, что сегодня же он будет в раю.

Михаил поморщился.

— А разбойника за что?

Азазель пожал плечами.

— У всех бывают минуты слабости, Иисус был рожден человеком, чего ты хочешь? Бывает, в рай проскальзывают и незаслуженно, такова жизнь. Идеальных вариантов не бывает. А кто-то из достойных рая остался в аду, увы... Но, в целом, система справедлива!

— Ну, система...

— И вообще, — напомнил Азазель, — почва здесь удобрена и унавожена. В ад попали задолго до Христа знаменитые Симон Богоприимец и Иоанн Креститель, ты же точно о них не слышал?.. Это они здесь, сидя в котлах или поджариваясь на вилах, точно не знаю подробности, вели возвышенные проповеди о скором, вот уже вот-вот!.. пришествии Иисуса.

Михаил вскинул брови.

— Какие-то святые?.. Тогда чего они здесь?

— Уже не, — ответил Азазель, — но сперва были здесь, верно. Потом, как я уже сказал, пришел Иисус, тоже малость попроповедовал, суток трое примерно, после чего сам покинул ад и с собой захватил целую группу. В первую очередь Адама, Еву и горстку праведников, в том числе этих Симона и Иоанна. Если Иисуса рассматривать, как воплощение Всевышнего, то пришлось бы признать, что либо подобрел со временем, либо пересмотрел в чем-то взгляды... или же Творец — одно, Иисус — другое.

Михаил сказал в нетерпении:

— Ничего не понял!

Азазель сказал внятно:

— До Иисуса в раю кроме уже названных были только Моисей, Илия, Енох и разбойник, которого распяли рядом с Иисусом, но тот успел подсуетиться и заручиться обещанием Иисуса, данного в горячечном бреду, что в этот же день попадет с ним в рай.

— А Иисус?

Азазель сказал с досадой:

— Ты что, туговат на ухо? Я же сказал, он не только вывел из ада целую толпу и притащил в рай, что было неслыханным нарушением, но и сообщил, что в будущем все люди, кто моет уши и чистит зубы каждое утро, попадет в рай. Или что-то типа того.

— Бунтарски, — согласился Михаил. — И как на это смотрит Творец?

Азазель пожал плечами.

— Трудный вопрос. Если считать, что Иисус и есть часть Творца, то это вроде бы решение самого Всевышнего... Но если всего лишь пророк, даже Пророк, то это значит...

Он умолк, подбирая слова, нахмурился.

— Что значит? — спросил Михаил.

— Это значит, — проговорил Азазель с расстановкой, — Творец позволяет ему очень многое. А если позволяет, то считает его действия правильными... или допустимыми?.. Хотя мне кажется... а на хрена нам копаться в вопросах, что ничего не дают сельскому хозяйству? Нам нужно вывести эти семьи из этих земель во владения, скажем... другого латифундиста. Это самая и понятная задача. А над богословскими вопросами пусть теологи ломают головы!

Михаил ответил с неловкостью:

— Ты прав, это я так... человечнул. Видимо, пребывание оказывается. Все верно, но если так, наступление на ад началось еще тогда? А сейчас, если все получится с рождением в семье демонов, то с адом будет покончено?

— В нынешнем понимании.

— Да, в нынешнем, — согласился Михаил. — А так вообще-то я тоже не могу представить себе мир без ада.

— Мир невозможен без ада, — согласился Азазель. Подумав, добавил: — Как и без рая.

Глава 12

Он время от времени оглядывался на колонну бежевиков, сейчас перешли на неспешную ходьбу, но это все равно быстрее, чем если бы беженцы передвигались пешими.

— Они в порядке, — заверил Михаил. — И Обизат за ними следит, как пастушья собака за отстающими овцами.

— Если ничего не случится, — согласился Азазель, — то еще день-два, и мы доставим их в безопасное место.

— Теперь у тебя карта, — напомнил Михаил.
Азазель ухмыльнулся.

— Да, это немало в нашей ситуации. Можно выбирать дорогу, чтобы не столкнуться с противником. Или нежелательностью... Знаешь ли, я не очень-то верю во все эти суеверия... Гадалки, гороскопы, предсказания, приметы, черный кот дорогу перебежал, баба с пустым ведром попалась... Но в рождении ребенка здесь, в чьей семье бы ни появился, в самом деле будет нечто особое. Даже ярче, как мне кажется, чем случилось в мире людей. Господь мог учесть... полученный опыт.

— Ну-ну?

— К примеру, — сказал он, — среди наших беженцев находится знаменитая Безанья, что некогда сумела вылечить население своего региона от розовой чумы, опустевшей земли соседей... Ее мужа когда-то звали Курденом, он был воителем, полководцем, потом скрылся от мира и где-то в подземных рудниках искал какую-то истину...

Михаил сказал живо:

— Я тоже верю, что у таких родителей скорее появится мудрый ребенок, чем в семье простого плотника и простенькой девы, будь она хоть трижды непорочной! Значит, нам нужно спасти именно эту семью?

— Не все так просто, — ответил Азазель осторожно, — в той деревне обитала целая кучка непростых демонов. Мало кто обладает хоть какой-то силой, но много таких... как бы тихо помешанных. Большинство из них в самом деле помешанные, но гении для простых людей или демонов тоже выглядят помешанными.

— Ладно, — сказал Михаил, — мы уже потащили целую деревню! Дотащим.

— К счастью, — заметил Азазель, — мы, можно сказать, погасили локальный конфликт в самом зародыше.

Земля все чаще вздрагивала, а едва слышный подземный гул становился все громче и отчетливее. Михаил выдвинулся вперед, а там остановился, потрясенный и завороженный страшным зрелищем гигантского магмопада огромной реки, ниспадающей с огромной высоты в исполинское озеро расплавленной земли и металла.

Тяжелая масса багровой магмы выглядела бы застывшим потоком, если бы по ней часто не проносились темные куски застывшей породы, что исчезают в оранжевом бурлящем месиве, снова раскаляясь и образовывая чудовищные магмовороты.

В земле, по которой двигаются, и где следом пройдут беженцы на бехемах, из трещин поднимается черный дым, а когда их перепрыгивали, Михаил всякий раз покрывался холодным потом, видя далеко внизу на дне щелей зловеще оранжевые потоки магмы.

Азазель сказал жизнерадостно:

— Присядем, переведем дух?

Михаил вскрикнул:

— Здесь?..

— А что? — переспросил Азазель оскорбленно. — Я предложил что-то непристойное?.. На берегу прекрасного огненного озера, что так органично вписывается в эти черные обугленные скалы, и где красно-оранжевый цвет бассейна так гармонизирует в тональности с твоим лицом, тоже красно-желтым с черными пятнами сажи...

Михаил сказал зло:

— Устал, так и скажи!

— Говорю, — согласился Азазель поспешно. — Устал. Потому привал, располагайся. А я пока взбегу на эту гору, нужно посмотреть, что на той стороне, а то у меня не совсем радостные предчувствия.

— С чего бы, — сказал с сарказмом Михаил. — Мы же в благополучном аду, а не в каком-то запущенном раю?

— Потому и предчувствия, — крикнул, не оборачиваясь, Азазель. — Прогресс — это всегда опасность!

Обизат неслышно подошла сзади и проводила его долгим взглядом.

— А он заботится о нас.

— Я заметил, — ответил Михаил нехотя. — Но никогда не скажет вслух.

— Стесняется?

— Ага, Азазель чего-то устыдится, как же!.. Просто не хочет, чтобы чувствовали какую-то благодарность.

— Он всегда тебя опекает?

Михаил пожал плечами.

— Вроде бы да.

— Потому что ты смертный? — поинтересовалась она. — Но ты какой-то странный смертный. Недаром у нас предостерегают насчет людей. Среди вас, говорят, появляются совсем особенные.

— Я не особенный, — заверил Михаил. — Это Азазель...

— Ты особенный, — возразила она с убеждением. — Ты особенный!.. Я же видела, как ты разнес крепость Малфаса! Такое могут сделать только Высшие Лорды, а их на весь ад не больше десятка.

— Азазель помогал, — уточнил он. — Он всегда помогает. Думаешь, я бы смог без него? Даже если во мне и есть сила, то это пока дурная сила. Азазель умеет ее направить.

Азазель возник в двух шагах, спокойный и расслабленный, как будто стоит так уже давно, любуясь извергающимися гейзерами огня.

— Все в порядке, — сообщил он. — Народу там многовато, но это переселяется простой народ на но-

вые земли... Да-да, Мишка, ад постоянно расширяется!

Михаил сказал с облегчением:

— Как пройдут, дорога снова впереди будет свободна?

— Точно. Пока переведите дух.

— Азазель, — поинтересовался он, — все хочу спросить, как получается, что я быстро теряю силу, а ты всегда полон, как самая емкая чаша?

Азазель пожал плечами.

— У меня все иначе. Ты впитываешь энергию клипот, как губка. Что как бы очень даже естественно и единственно правильно для солдата. А я... гм... как человек артистический и развитый...

— Как?

Азазель зевнул.

— Как?.. Ну... могу показать.

Он поднял руку, моментально вокруг растопыренных пальцев заструился легонький дымок. Присмотревшись, Михаил понял, никакого дымка, сам воздух сгущается, собирается там тугими и плотными волнами.

И только когда Азазель удовлетворенно улыбнулся и опустил руку, Михаил с потрясением понял, что никакой не воздух, само пространство сгущалось и сминалось, передавая темную энергию Азазелю.

— Только и всего, — сказал Азазель.

Михаил проговорил, запинаясь:

— Но... почему я... не так?

— Ты животное, — пояснил Азазель с надлежащим высокомерием. — А я высокоорганизованная материя. Ты впитываешь ее постоянно, а я... когда возжелаю. Зато моментально. Почти моментально.

— А я так смогу?

— Когда вырастешь, — ответил Азазель с неприятной усмешечкой. — А пока ты всего лишь элементаль,

хоть и человек. Правда, человек по указанию Создателя, и есть венец творения, царь природы! Всевышний даже ангелам велел поклониться человеку, и те поклонились, в том числе и Михаил-архангел, слышал о таком? Только Люцифер отказался признать человека выше себя...

Он сказал таким покровительственным тоном, словно быть могучим элементалем, это что-то вроде червяка, которому до человека как до луны.

Михаил сказал сердито:

— Я точно исполняю волю Господа, а вот в тебе со мневаюсь очень сильно!

— Так и должно быть, — ответил Азазель авторитетно. — Я агент Господа под прикрытием. Под очень глубоким! Ни Он об этом не знает, ни даже я. Но все идет правильно, так что надо верить, будто так и задумано. Хотя я, конечно, неверующий, иначе и быть не могло. А вот ты верить должен, ты же такой доверчивый... Можно, я тебя поцелую?.. Ладно-ладно, не буду, не буду! За меня тебя поцелует Обизат.

Михаил не успел опомниться, как Обизат прижалась к нему, обхватила за шею и крепко поцеловала в губы. Он попытался отстранить ее жаркое упругое тело, но сделал это как-то слишком вяло. Понятно, чтобы ее не обидеть слишком уж сильной грубыстью.

Все замечающий Азазель хихикнул в сторонке.

— Мишка, не бей девочку! Ну, послушалась меня, подумаешь!.. Я же все равно старший? Пусть не над тобой, люди никому не подчиняются, так велел Творец, но мне должна подчиняться?

Михаил отвернулся с самым надменным видом, скрывая смущение. Азазель хохотнул громче и остановился на обочине. Беженцы проходят мимо усталые, но они всегда выглядят усталыми, простолюдины не любят работы, она для них всегда наказание, даже если работа-

ют на себя, тут уж ничего не поделаешь, и даже спасать их приходится силой...

Впереди берег реки, почему-то не пахнуло привычным жаром, Михаилу даже почудилась прохлада, а когда осторожно сбежал вниз, Азазель видел, с каким изумлением рассматривает текущую между берегов воду, даже присел и, зачерпнув ладонью, поднес ко рту.

— Пей, — сказал Азазель поощряюще, — не бойся. В первые годы... или столетия?.. здесь текли только огненные реки. Но постепенно свергнутые архангелом Михаилом... слыхал о такой сволочи?.. сумели отыскать подземные ручьи и даже подземные реки с чистейшей водой. Думаю, этот подлый архангел сейчас кусает локти.

К ним спустилась Обизат, сказала люто:

— Добраться бы до него! Я бы сама вырвала ему сердце!

— То гад еще тот, — согласился Азазель. — Тупой солдафон. Скотина. Но, Обизат, дай ему шанс... Возможно, сумеет расширить свои взгляды и что-то понять важное. Такое редко, но бывает даже с солдатами.

— Никогда, — отрезала она. — Когда-нибудь до него доберемся! Я сама свергну эту сволочь на самое дно ада и заставлю испытать все муки, а потом убью!

Азазель подмигнул помрачневшему Михаилу.

— Как тебе такие кровожадные женщины? Эмансипация делает из них зверей.

Михаил промолчал, только потемнел еще больше, Обизат заметила, прижалась боком.

Он ощутил, как она осторожно взяла его за руку, не противился, а она поднесла его пальцы к своим губам, прижала к полным горячим губам, чуточку оттопырен-

ным, что придает ей вид вечно удивленного и капризного ребенка.

— Мой господин... Я могу как-то согнать тучу с твоего чела?

— Вряд ли, — ответил он, стараясь не смотреть в ее ясные чистые глаза, — и вообще мы сейчас не сами по себе, а на важном задании.

Она светло и чисто улыбнулась ему.

— Ты настоящий воин, господин! Для настоящих мужчин нет ничего важнее своего дела.

— Да, — ответил Михаил мрачно, — я воин. Азазель, нам на ту сторону?

— В воде никого, — заверил Азазель. — Опасного никого.

Он вбежал в реку, разбрызгивая воду, почти везде до колена, только у противоположного берега погрузился почти до пояса, но тут же выкарабкался на ту сторону, а оттуда помахал рукой.

— Поторопитесь. Разрешаю наполнить фляги, мы уже почти у цели.

Михаил буркнул:

— Ишь, разрешает...

Обизат подхватила с готовностью:

— А почему он командует?.. Никто не смеет тобой командовать!

— Никто, — согласился Михаил со вздохом. — Мы сами выбираем командира и обязуемся подчиняться ему. Иначе мир рухнет.

Она сказала поспешно:

— Да, законы клана тоже требуют повиновения. И здесь строгих законов нет, там все рушится.

К концу тяжелого жаркого дня устали даже бехемы. Рассчитаны на тяжелый труд, но все-таки в хозяйстве на любой работе время от времени останавливаются и отдыхают, а здесь многочасовый и непривычный для них бег...

— Привал, — сказал наконец Азазель. — Людей не жалко, а бехемов надо поберечь. Поспим пару часов... Мы вообще-то ушли от опасного места, но вдруг кто-то отследит?

— И будет погоня?

— Или перехватят, — сказал Азазель. — Потому поспим чуть, а затем побыстрее и отсюда... Ты только не обижай девочку. Обычаи и законы кланов нужно уважать! Не относись к их обычаям с таким высокомерием. Если подумать, то это очень правильные законы!..

— Иди ты, — ответил Михаил.

Азазель сказал с укором:

— Придуманы не просто так, а складывались столетиями, выбирая самое правильное поведение и отношение к жизни. Ты что, не уверен, что от тебя пойдут хорошие дети?.. Я не в том смысле, что в самом деле хорошие, а вот здоровые наверняка!.. Здоровые и рослые, ты же вон какой красавец. А что окажутся дурными, кто увидит? Главное, фактурная внешность. И гордый взгляд.

— Пошел к черту, — буркнул он.

Азазель сказал с упреком:

— Не заботишься о молодом поколении!.. А это наше будущее.

Усталые беглецы, услышав команду, с облегчением остановились, кто-то сразу рухнул на землю, даже не снимая сумок, а самые крепкие принялись развязывать бехемов.

Обизат примчалась, легконогая и быстрая, помогла беременным устроиться, Азазель многозначительно крякнул, когда она светло и чисто улыбнулась Михаилу, а лицо ее сразу осветилось радостью.

— Не обижай, — повторил он. — А то и ребенка мучаешь, и себя тиришишь. В тебе, как и в любом че-

ловеке, есть искра Божья, но есть и животная основа. Об обоих нужно заботиться, так как обе созданы Господом!.. Для животных страстей есть Обизат, а для духовной части могу чем-то я помочь... Ну, прочесть тебе трактат о важности подъема сельского хозяйства, росте духовной культуры ацтеков или величии и одухотворенности лучезарного лика Велеса...

Михаил поморщился.

— Обойдусь.

— Ну тогда нет проблем, — сказал Азазель бодро. — Обизат, иди сюда! Он твой.

Глава 13

Просыпались беженцы неохотно, усталые тела просят пощады, только Обизат носится между ними, как красная молния, торопит, помогает подняться на ноги, тащит к отдыхающим бехемам их сбрую.

Азазель разложил на коленях карту с золотыми уголками. Михаил старательно всматривался в скопления темных точек, наконец сказал с сожалением:

— Прямой путь перекрыт... Не думаю, что нарочно, мы все делаем в строжайшей тайне, а кто пробалтывается, тех Михаил убивает быстро и беспощадно...

Обизат взглянула на Михаила в полном восторге.

— Правда?

— Не верь, — ответил Михаил, — он же брехло поганое. А вот те пятна слева...

Азазель пожал плечами.

— Похоже, намечается войнушка между кланами. На день бы раньше, успели бы проскочить между сближающимися армиями. А сейчас пространство между ними кишит конными разъездами! Видите, сколько?.. Там уже начались мелкие стычки, видите? Придется выбрать дальний обходной путь... что очень бы не хотелось...

— А правее? — спросил Михаил. — На сутки дольше, зато равнина, бехемы пройдут легко. И деревень по дороге мало...

Обизат помялась, наконец проговорила тревожно:

— Там земли клана Нехаштирана.

Азазель спросил быстро:

— Он чем-то опасен?

Обизат ответила несколько замедленно, словно с трудом подбирала слова:

— Для вас, наверное, нет... Хотя, возможно...

Азазель сказал доброжелательно:

— Обизат, хотя это я тебя убил тогда, но ты же не станешь дуться из-за такой мелочи?.. Я же просто убил, ничего личного, даже не попинал твой трупец. Говори, словно я тоже твой друг. От того, скажешь ли правду, может зависеть и целостность Мишкиной шкуры...

Она заколебалась, коротко взглянула на Михаила, а когда заговорила, голос ее упал до шепота:

— Нехаштирон — великий и грозный вождь клана Черные Шамиры. Его власть простирается на землю, к границам которой почти подошли, а там дальше до вон тех оранжевых гор.

Азазель огляделся, озабоченно присвистнул.

— Да, власть его велика, если держит такую территорию под рукой. Но что мы не знаем, что знать должны?

Она опустила взгляд.

— Я помолвлена с ним еще с рождения.

— Ого, — сказал Азазель, голос прозвучал непривычно серьезно, — это многое... усложняет. Хотя решение вроде бы есть...

— Какое?

— Ты со счастливым визгом бросаешься ему на шею, а мы тихохонько проходим через его земли, не разграбив ни одной деревни.

Она посмотрела на него исподлобья, поинтересовалась у Михаила, не сводя с Азазеля недоброго взгляда:

— Он хочет меня обидеть? Можно, я его убью?

— Он нам еще пригодится, — сказал Михаил. — А потом я его сам задушу голыми руками. Чтобы получить полное и чистое удовольствие.

— Я тоже буду душить, — сказала Обизат. — Медленно!

— Будем душить вдвоем, — согласился Михаил.

Азазель произнес грустно:

— С какими кровожадными дикарями приходится иметь дело интеллигенту на пути культуры и прогресса... Но и драться из-за такой ерунды, как женщина, разве стоит?

Обизат подняла руку и коснулась кончиками пальцев выглядывающей из-за плеча рукояти меча.

— Азазель, — произнесла она, взгляд ее стал твердым и жестким. — Мы серьезно...

Михаил сказал быстро:

— Азазель! Это я к твоим грубостям уже притерпелся, но пожалей девочку. Она думает, что ты всерьез!

Азазель с интересом посмотрел на Обизат.

— Ты в самом деле так думаешь?.. Но Мишка прав, я всерьез...

Михаил едва успел перехватить ринувшуюся на Азазеля Обизат. Она яростно потрепыхалась в его руках, но освободиться не сумела, взглянула с недоверчивым изумлением.

— Мой господин... Вы сильнее, чем кажется. Я думала, Кезима убили как-то случайно...

— Он и нас убьет, — сказал Азазель, — не задумается. На лицо он добрый, ужаснейший внутри... Ладно, если Обизат настаивает, будем с ее женихом драться, хотя я пацифист такой, что пацифистее некуда. Обожаю

пацифистить, особенно если по голове... Но лучше постараться пройти по его землям тайно.

— С такой толпой?

— Прятать нужно только Обизат, — пояснил Азазель. — Замаскируем ее под мальчика, все время будет при Мишке, спать только с ним под одним одеялом... Обизат, спать с ним будешь?

— Да, — ответила Обизат поспешно и посмотрела на него уже благосклоннее, — как скажешь!

Михаил раскрыл было рот для протеста, но Азазель прервал:

— Мишка, не споры! Это для дела. Для нашего великого дела. Господь хочет спасти демонов, как спас людей, хотя вообще-то топил их тоже Он, а ты намерился ослушаться нашего Создателя?..

Михаил пробормотал в замешательстве:

— Я всегда исполнял Его волю...

— Значит, — сказал Азазель, — с этим решили. Обизат, одевайся мальчишкой. У тебя и фигура такая, а сиськи еще не выросли... нет-нет, не убивай, я имею в виду, нужных нам размеров, без которых жизнь не жизнь, а волосы спрячешь под шапочкой. Желательно с завязками под подбородком. Так и ветром не сорвет, и слюни не вытекут.

Обизат бросила злой взгляд в его сторону, потом с надеждой посмотрела на Михаила. Тот вздохнул и развел руками. Она сразу расцвела, сказала Азазелю:

— Но у меня нет другой одежды!

— Будет, — заверил Азазель.

Неизвестно, где он ее взял, исчезал вроде бы все-го на пару минут, но вернулся уже с кучей одежды в руках.

— Одевайся, — велел он. — Мишка, отвернись... Мне смотреть можно, я как бы лекарь, а еще и порт-

ной, от нас тайн нет. Штаны как раз твой размер, это рубашка, курточка, шапочка...

Михаил повернулся к ним, когда его позвали, Обизат в самом деле превратилась в чудесного подростка, гибкого и грациозного, одетого скромно, но чисто и со вкусом.

Даже сапожки Азазель подобрал точно по ноге, с высокими голенищами из красной кожи, брюки из коричневой, а курточка еще и с костяными пластинками, нашитыми плотно внахлест.

— Красиво, — проговорил он, смутно чувствуя, что надо бы сказать как-то вычурнее, но придумать не мог с ходу, а заготовок, как у Азазеля, нет. — Очень красиво.

— Да и сама она ниче так, — заметил Азазель. — Правда, ноги кривые...

Михаил посмотрел на ее ноги, возразил:

— Где кривые? У нее очень красивые стройные ноги!

Азазель бесстыдно улыбнулся Обизат.

— Видишь? Из него комплименты нужно выдавливать, а то вовсе провоцировать на такое непотребство для солдата и гражданина.

Она смолчала, только надменно задрала нос.

Поднялся злой жаркий ветер, Михаил и Обизат на этот раз пошли впереди, Азазель остался в арьергарде, там тоже опасно, беглецы кутаются в длинные одежды, идут почти вслепую. При таких ураганах вся жизнь замирает, но когда по пятам идет смерть, с выбором как-то не очень.

Азазель, что все чаще сверялся с картой, сказал вдруг:

— Знаю, как сократить дорогу вдвое.

— Как? — спросил Михаил. — Обизат не отдадим!

— Думаешь, заставит нас приплатить, чтоб взяли?.. Нет, тут вижу вполне пригодную тропу через горы. Всего полдня, и мы на той стороне, где нас уже никто не достанет. Там земли Аваддона, а он не подчинен Вельзевулу и даже с ним в довольно заметной вражде.

— Через горы? — переспросил Михаил. — С бехемами?

— Животных оставим, — ответил Азазель с жалостью. — Хотя и сказано, что где пройдет бехем, там пройдешь и ты, но насчет бехема по твоим следам везде молчание... Мне кажется, ты все же проходимец получше бехема. А ты как думаешь?

Обизат то и дело заглядывала через его локоть в карту, Михаил видел, как всматривается изо всех сил, стараясь быть полезной, наконец указала пальцем.

— Тропа вот здесь?

— Точно, — подтвердил Азазель. — Отсюда не видно, почему так решила?

— Самый короткий путь, — ответила она. — Кто-то да прогрыз бы за тысячу лет на ту сторону.

Он вздохнул.

— Раз такая умная, пойди объясни, что бехемов и пожитки придется оставить. Когда перейдем на ту сторону, я дам всем малость денег, чтобы купили все необходимое. А пока нужно спасать жизни. Лучше быть живым без вещей и бехемов, чем мертвым среди разбросанного золота.

Горная тропа медленно поднималась вверх, становилась все уже, время от времени приходилось либо прижиматься плечом к стене, а иногда и просто двигаться боком, упираясь спиной в стену.

Беженцы очень медленно тащились следом, за ними продвигается Обизат, поторапливая отставших, Азазель впереди, Михаил двигался следом и, когда из-под ног

срывались мелкие камешки, с ужасом думал, что если из-под ноги Азазеля вывалится камень покрупнее, ему дальше уже не пройти. Точнее, может совершить прыжок, но всех беженцев не перенесут, а это значит, возвращаться придется всем.

Азазель, как почуял его страх, сказал, не поворачиваясь:

— Когда шли через пустыню, я ее проклинал, а теперь понимаю, как было хорошо на просторе. Что имеем, не храним, потерявши — плачем... Так что не теряй свою Обизат.

Михаил дернулся от неожиданности, под ногой хрустнуло. Он взмахнул руками и едва удержал равновесие, когда камешек отломился и понесся, прыгая по стене, к далекому дну ущелья.

— При чем тут твоя Обизат?

— Увы, — ответил Азазель скорбно, — она твоя... но могу взять.

Когда тропа снова стала шире, Обизат догнала их и сказала с негодованием:

— Еще чего! Не ты победитель Кезима. В тебе нет силы и воли Кезима, какие чувствую в доблестном герое Михаиле Черном Мече... Потому у него право меня брать когда и как хочет!

— Гм, — ответил Азазель, он чуть ускорил шаг, — ты не только остроглазая, но и уши у тебя, как у летучей мыши? Пора и прибить... А что-нить еще чуешь, кроме величия своего доблестнейшего героя из героев?

Она крикнула в спину:

— Ты мог бы стать героем, но ты трус. Тебя пугает бремя.

— Еще и умная, — сказал Азазель пораженно. — Убивать пора... Жаль, не чуешь засаду впереди. Птицы вон с того места упорхнули, кузнечики не поют... ах да, тут нет кузнечиков! Да и птиц что-то не водится... Но

как-то странно тихо, не находишь?.. Где твое женское чутье?

Он резко ускорил шаг, в какой-то момент метнулся в прыжке. И тут же на то место обрушился град мелких камней, пущенных из пращи.

Азазель ускорился, исчез, Михаил сказал резко:

— Обизат, держись за мной! Ему может понадобиться помочь!

— Азазелью? — крикнула она за спиной.

— А что, ему не понадобится?

— Он расчетливый, — прокричала она, и он не понял, похвала это или осуждение. — А здесь сложностей нет...

Из-за высокой гряды впереди высунулась лохматая голова, густой голос грозно проревел:

— Это наши земли!.. Убирайтесь!

Там же, впереди, послышался рассудительный голос Азазеля:

— У нас свои земли кому бы подарить... Дайте нам проход, мы не задержимся.

— Вы здесь останетесь, — проревел голос.

Азазель сказал печально:

— Почему вы такие злые? Мы мирные люди...

Лохматый приподнялся, в руках толстый лук с уже наложенной стрелой, быстро оттянул тетиву. В тот момент, когда отпускал из пальцев кончик стрелы, Азазель выхватил пистолет и выстрелил.

Стрела ударила рядом с его головой, а стрелок исчез. Азазель в несколько гигантских прыжков, будто превратился в кузнецика, оказался там на гребне.

Михаил и Обизат в напряжении смотрели, как он красиво обернулся и помахал рукой.

— Он был один!

— Я же говорила, — напомнила Обизат, — твой Азазель расчетливый.

Азазель дождался их, стоя над телом, что распадается очень медленно, явно демон не чистокровный, кивнул на тропу.

— Я пойду впереди. Вряд ли эту тропу охраняют. Какой-то беглый облюбовал себе здесь местечко.

Не дожидаясь ответа, он ускорил шаг, ухитряясь проскакивать даже там, где тропа сужалась до ширины одной ладони. Михаил отстал, как и Обизат, наконец спереди донесся довольный крик Азазеля:

— Вы там осторожнее, черепахи! Здесь вообще нет тропы... Ладно-ладно, не пугайтесь!

Тропа начала опускаться, а дальше пошла по дну странного ущелья, где гора словно разрезана от вершины и до основания исполинской бритвой.

Так они двигались больше часа, и на всем протяжении пути Михаил с содроганием видел высеченные в стенах справа и слева великанские морды демонов, иногда человеческие, но чаще звериные, в которых иногда все же угадывались черты, присущие племени людей.

— Это их боги? — спросил Михаил дрогнувшим голосом.

— Нет Бога, — ответил Азазель наставительно, — кроме Всевышнего, а Христос пророк Его. Бог един, других нет, есть только демоны.

— Гадкие морды, — буркнул Михаил.

— Да, — согласился Азазель, — вряд ли Обизат влюбится. Хотя кто знает?.. Женщин понять трудно. Говорят же, что любовь зла, женщины любят козлов, а еще иногда и мужчин...

Обизат обиженно фыркнула и пошла немножко в стороне, чтобы не слышать, но расстояние держала такое, чтобы не пропустить ни слова.

Огромные морды провожали их злобными взглядами, Михаил сперва полагал, что чудится, но когда две

головы повернулись в их сторону, ощущал, как страх пронизывает с головы до пят.

Дальше тропа снова начала карабкаться вверх, но все равно по обе стороны высокие скалы.

Глава 14

На скалах оживились крылатые твари с кожистыми крыльями, жадно провожали их взглядами, вытягивая головы. Глаза у всех, как заметил Михаил, посажены впереди, как у всех рептилий, потому смотрят прямо в отличие от птиц, что поворачиваются боком, когда стараются рассмотреть тебя.

Тропа вильнула, дальше шли по чудовищному миру из черно-серых скал, покрытых пеплом, дорога часто поднималась ввысь, и приходилось двигаться на дикой высоте под близким красным сводом, словно в гигантской пасти под свисающими сверху красными наплывами и наростами, в которых ощущается своя непонятная жизнь.

Слева потянулась желтая стена, изрытая неглубокими кавернами, словно исполинская головка сыра, разрезанная пополам, но все иссохло за тысячи лет, и только толстый слой пыли под ногами говорит, что здесь давно никто не появлялся.

В самой стене грубо и мощно расположены ниши могил, сейчас пустые. Михаил зябко повел плечами, некто вырезал в граните так же легко, как человек режет в масле.

В одном месте прошли через исполинскую пещеру, где вдоль всех четырех стен на уровне глаз проведена толстая красная линия. Ниже еще некие знаки, уже почти стертые временем, а в двух просторных нишах грудой навалены человеческие черепа, блестящие и настолько чистые, словно кто-то ежедневно вытирает их от пыли и грязи.

Азазель насторожился, вскинув над головой ладонь. Михаил ощутил, не оборачиваясь, что послушно остановились даже измученные беженцы, что не сводят с них полные надежд взгляды.

— Там рядом с дорогой яма, — сказал Азазель негромко. — Запах слышишь?..

— Ухватит? — спросил Михаил.

— Если бы только тебя, — ответил Азазель, — но вдруг и ту беременную, ради которой вся эта эпопея?..

— Но что там? — спросил Михаил дрогнувшим голосом. — У нас же есть гранатомет и несколько зарядов...

Азазель пожал плечами.

— Непонятно, что там, но какая-то слишком огромная тварь. В мире людей сказали бы, что произошла неконтролируемая мутация, но мутант не погиб еще до рождения, как практически всегда бывает, чего люди не знают, а родился на свет и продолжал расти... возможно, все еще растет и набирает мощь...

— Господи, — вскрикнул Михаил устрашенно. — Как это возможно?

— Здесь не такой жесткий отбор, — сказал Азазель, — как у людей, плюс возможности магии... Пойдем, и будь наготове.

Михаил вытащил пистолет и, задержав дыхание, пошел тихохонько за Азазелем. Впереди слева от тропы в самом деле огромная и широкая яма, из нее поднимается не запах, как сказал Азазель, а настоящий смрад. Обизат идет с беженцами позади, и если они вдвоем с Азазелем сумеют пройти незамеченными, то это не значит, что пройдет и она...

Он не успел охнуть, как из ямы с огромной скоростью выметнулось щупальце, толщиной с толстое бревно, обхватило его поперек и, сжимая с силой, сдернуло

с тропы, взметнуло в воздух, перевернуло несколько раз, а когда Михаил наконец-то рассмотрел, куда его тащат, он похолодел в ужасе.

Из громадного кратера приподнялся исполинский зверь, нечто вроде осьминога или кальмара, только весь в каменных плитах чешуйчатой брони, остальные щупальца шарят вокруг, хватая и загребая камни, обломки скал..

Меч, велел себе Михаил отчаянно. Меч!.. Немедленно! Это и есть сосредоточение...

Щупальце понесло его к пасти, а та раскрывается все шире и шире, Михаил в панике видел огромный тоннель глотки, но даже в ней острые зубы...

Черная ярость ударила в голову с такой мощью, что он увидел только ослепляющую вспышку, на какое-то время потерял сознание, а когда очнулся, ощутил, что его осторожно укладывают на горячие камни.

Он увидел высоко над ним встревоженные лица Азазеля и Обизат, поморгал, стараясь быстрее прийти в себя.

Азазель спросил тихонько:

— Как ты... сумел?

Михаил покачал головой, чувствуя слабость и подступающую тошноту, сказал сиплым голосом:

— Сам не знаю...

— Но все-таки?

— Не знаю, — повторил Михаил. — Он уже начал меня жрать, а я, не при женщине будь сказано, очень даже... испугался. И так восхотелось жить, и чтоб эту гадину разорвало...

Азазель сказал понимающе:

— То-то даже с лица спал... Полежи, наберись сил. Антисфирота рядом, сам чувствуешь, как от клипот стекает целая река... Хорошо бы и нам поспать перед дальней дорогой, но вряд ли сумеем, тут холодно, хоть

мы и в аду. Но после передышки пока не доберемся до цели, останавливаться не придется.

Михаил полулежал, прислонившись к стене, в теле странное чувство полнейшей опустошенности, но сейчас темная мошь ощутимо влиается и начинает заполнять от пяток до макушки, ощущение похоже чем-то на поглощение горячего кофе.

Далеко сверху, словно из другого мира, донесся сочувствующий голос:

— Лежи, Мишка, лежи... Сейчас тебя даже кузнецик залягает. Даже не самый крупный.

— Я не дам, — послышался такой же далекий голос Обизат. — И вообще здесь нет никаких кузнецов.

— Зато какие птеродактили, — ответил Азазель. — Крупные, породистые, непуганые! Оставайтесь здесь. Взгляну, что там впереди, и тут же вернусь.

Михаил слышал, как она села рядом, но не стал открывать глаза, а она прижалась к нему боком, он ощутил от нее животное тепло, что, как ни странно, тоже словно бы прибавляет ему силы.

Когда Азазель вернулся, Михаил молча протянул ему вместительный бурдюк из кожи бехема, уже с раздутыми боками.

— Наверное, это пригодится.

Азазель торопливо заглянул вовнутрь.

— Ого!.. Чистая вода?.. Из воздуха сгустил?..

— Наверное, — ответил Михаил. — Я не извозчик, не знаю. Сказал — сделалось.

Обизат посмотрела на него в восторге, Азазель хмыкнул, мужчины предпочитают перед женщинами подавать все так, будто им все не просто по плечу, но и с легкостью.

— Распредели мудро, — сказал ей Азазель. — В первую очередь беременным. Остальные потерпят. Кстати,

Мишка, можно было из Шеола перенести. Так практичнее, чем получать из воздуха. Меньше усилий. В Шеоле помимо огненных рек есть и отделение со щелями, заполненными снегом. И целая долина со скорпионами, где гоняют грешников туды-сюды. А скорпионы — прекрасная еда!

— Из Шеола? — переспросил Михаил мрачно. — С самого нижнего уровня ада на самый верхний? Сам носи.

Азазель развел руками.

— Да, ты прав. Хотя усилий меньше, но работать нужно ювелирнее. А ты у нас сейчас как молодой необученный слон... Но красивый, красивый!.. ты заметил, что я тебя постоянно хвалю, а ты обо мне отзываешься как-то недостаточно ликующе?

Обизат спросила Михаила с надеждой в голосе:

— Ну когда же мы его прибьем?

— Сперва закончим миссию, — ответил Михаил. — Потом посмотрим, как его лучше так, чтобы помучался. Мстить, так мстить.

Безжалостный Азазель вскоре сказал неумолимо, что все слишком уж разотыхались, а кто будет мир спасать, всем встать и выходить строиться... ну ладно, можно и без строя, вон за тем поворотом уже земли великого Аваддона, который никому не позволит преследовать свои цели на его территориях.

Дорога в самом деле вывела на ржаво-рыжее плоскогорье, загроможденное огромными камнями, целыми и расколотыми страшным жаром. Везде пепел и мелкий щебень, а по обе стороны от тропы частые огненные ямы, откуда время от времени выстреливаются гейзеры жидкого огня.

Хотя это не ямы по обе стороны от тропы, это сама тропа трусливо виляет, обходя самые опасные и стараясь не приближаться слишком близко даже к мелким.

Над крупными ямами с лавой с треском горит даже воздух и возгоняется красноватым маревом, а от бредущих беглецов падают длинные пугающие тени.

— Уже близко, — сказал Азазель, он за время пути сам исхудал и почернел, а под глазами появились темные круги. — Через пару часов увидим стены Аваддона, самого крупного города по эту сторону гор. Думаю, в нем затеряться будет проще, чем в Вифлееме или даже в Египте...

Он прервал себя на полуслове, в обеих руках появились пистолеты. Михаил тут же сам почти инстинктивно метнул ладони к рукоятям пистолетов, но там пусто, оставил в момент схватки с гигантом в яме.

— Азазель?

— Морок, — крикнул Азазель. — Обизат!.. В сторону!

Перед ними колыхнулась стена красного тумана, расступилась, и выбежали рослые демоны в доспехах из кожи бехемов, у всех в руках огромные топоры, а у некоторых копья и щиты.

На бегу начали охватывать их троих широким кольцом. Михаил быстро оглянулся, все верно, сзади их даже больше. Демоны блудут честь рода, но удар в спину вписывается в концепцию демонского честного боя. Беженцев в расчет не берут: их можно будет легко перебить позже.

Азазель пробормотал:

— Мы всех не перебьем...

Михаил спросил нервно:

— Разве?

— Кто-то да скроется в этом красном тумане, — пояснил Азазель. — А это раскроет нас. И наше местоположение.

Михаил сказал с достоинством:

— Бежать от демонов бесчестно!.. Мы должны принять бой и сражаться доблестно!

— И красиво, — согласился Азазель. — Тем более, с нами женщина. Обизат, ты женщина?

— Нет, — отрезала Обизат. — Я воин!

— Тогда можно бежать, — решил Азазель.

Демоны, что смыкали кольцо достаточно медленно, внезапно ринулись в атаку сразу со всех сторон.

Михаил выступил вперед, закрывая Обизат, но она тут же выскользнула и встала рядом, обнажив оба клинка. Слышно было, как за их спинами зло и разочарованно ругнулся Азазель.

Черный меч возник в руке Михаила почти сразу, как только он представил его рукоять в ладони. Демоны набежали нестройной толпой, а он, двигаясь быстро, нанес первые удары крест-накрест и сразу ощутил то, что наверняка сразу понял Азазель: демоны сильны, но не воины, а просто крепкие и сильные животные, что умеют пользоваться оружием.

Рядом быстро и красиво заблистали узкие клинки Обизат. Михаил сперва рубил со всей осторожностью, стараясь не зацепить Обизат и защищая себя от ударов топоров, копий и даже молотов с палицами, но по телу прокатился жар, в крови словно вспыхнуло пламя, разом нахлынуло странное состояние свирепого ликования и жажды наносить удары все быстрее и сокрушаительнее.

Он крикнул люто и сам шагнул вперед, нанося быстрые и свирепые удары. Демоны начали отступать и расходиться в стороны. Он решил, что разбегутся, однако земля начала вздрогивать от тяжелой поступи, из красного тумана выдвинулась гигантская фигура на две головы выше и шире втрое.

Недобро блеснули доспехи, укрывающие плечи, грудь и голову. Не сразу устрашенный Михаил понял, что на голове нет даже шлема, она у него, как у гигантского жука, образует головогрудь, а весь напоминает ис-

полинского рака, у которого мясо внутри, а все кости наружу, образовывая сплошной панцирь.

Обизат быстро вскрикнула:

- Их вожак!.. Я помогу...
- Нет, — отрезал Михаил, — когда позову!
- Кто, — прорычал гигант, — кто посмел...
- Оно еще и разговаривает, — ответил Михаил.

Гигант быстро перехватил лезвие черного меча исполинским топором. Михаил невольно отступил на шаг, поспешно пригнулся, а над головой с шумом пролетевшей стаи птиц пронеслась масса остро заточенного металла, что разрубила бы его надвое.

Демоны, образовав круг, опустили оружие и откровенно любовались битвой их вожака с пришельцем, явно всего лишь человеком. Обизат, оставшись без драки и не дождавшись призыва от повелителя, сама прыгнула к его противнику и стремительно вонзила клинок в бок, углядев где-то тонкую щель, возникшую на миг в момент вскинутых рук с рукоятью топора в ладонях.

Гигант оскорбленно взревел, взмахнул лапой. Обизат, не ожидавшая внезапного удара, как легкая песчинка под ударом ветра, унеслась под ноги радостно взревевшим демонам.

Михаил ринулся на врага, но тот обрушил град тяжелых и неожиданно быстрых ударов. Пришлось отпрыгивать, увертываться, он все выбирал момент, но противник оказался зверем опытным и бывалым, ревел люто, но голову не терял, а вот Михаил чувствовал, как звериность берет верх, и он ощущал, что уже не может противиться боевому безумию, перестал отступать, сам пошел вперед, выкрикивая что-то угрожающее.

Глаза застлало красной пеленой, он видел эти тела как-то иначе, все в красно-багровом цвете, а свое тело

почти не ощущал, в нем словно проснулся зверь и взял верх.

Он не помнил, сколько длился бой, но очнулся от крика рядом:

— Михаил, стоп... Стой, говорю!.. Все кончено, мы победили! Да остановись же...

Он то ли сумел пригасить в себе ярость, то ли сама угасла, не получая топлива, но красная пелена медленно ушла с глаз, перед ним целое поле усыпано мертвыми телами, что рассыпаются на глазах, Обизат бродит среди них, кого-то высматривая, а сам Азазель рядом сказал, тяжело дыша:

— Ну вы и задали мне работу... Больше так не делайте...

Он так грузно опустился на круглый валун, что почти рухнул, дыхание идет с хрипами, Михаилу показался в самом деле замученным.

— А что случилось? — спросил он встревоженно.

Азазель огрызнулся:

— А зачем было убивать их вожака?.. Я понимаю, что надо, но зачем?.. Остальные сразу разбежались!.. Да еще в разные стороны!.. Некоторые такие быстроногие, что даже не знаю... Я старался всех догнать, но не уверен, что сумел...

Обизат сказала виноватым голосом:

— Крикнул бы, я тоже бегаю быстро. Вдвоем бы переловили.

Азазель отмахнулся.

— Ладно, пропустим. Вообще-то я уверен, что всех подогонял, но все-таки это было на пределе, а я, как профессиональный лежун на диване, не люблю напрягаться. Разве что за обеденным столом.

Обизат сказала Михаилу с укором:

— Ты почему так? Это я должна защищать тебя!

— Ты обязалась служить, — напомнил он, тяжело дыша, — а это значит, выполнять мои приказы.

— И приходи, — бросил Азазель самым невинным голосом. — Даже самые непристойные.

Она сказала твердо:

— Я же не отказываюсь!.. А что такое непристойные?

— Ой, — ответил Азазель, — я стесняюсь, лучше Михаил пусть расскажет. Он такой безнравственный, такой безнравственный придумщик...

Она посмотрела на него с подозрением.

— Врешь? Почему ты всегда брешешь? Я вот всегда говорю правду!

Азазель в сильнейшем разочаровании отмахнулся.

— Тогда вы с Мишкой два сапога пара. Он такая же овца... Но ты просто обязана научиться говорить неправду. Иначе какая ты женщина? Женщины все хитрые...

Михаил сказал сердито:

— Обизат не слушай. Он всегда брешет. Женщина должна быть верной, больше ничего не требуется.

Она посмотрел на одного, другого, вздохнула.

— Посмотрю, что у них из добычи. Даже у простых солдат бывают интересные вещи.

Когда она удалилась обыскивать павших, которых на поле осталось совсем мало, Азазель кивнул ей в спину.

— Хозяйственная! Хорошая кому-то жена будет. Мишка, она как... уже забеременела?

Михаил отшатнулся.

— Ты... чего?

— А что? — спросил Азазель хладнокровно. — Все стараются заполучить ребенка от победителя. Это единственно правильно для выживания рода, клана и демократического образа мыслей при подлинной

демократии. Им это нужно по делу, а ты выполняешь завет насчет плодиться и размноживаться. Или ты бунтовщик?

— Да нет, — пробормотал Михаил, — как я могу быть бунтовщиком?

— Тогда соответствуй, — проронил Азазель свысока. — Ладно, шутки в сторону. Последняя отчаянная попытка остановить нас провалилась. Но все равно как-то стремно... Где-то утечка информации. Или кто-то слишком умный догадался, что мы поведем народ через горы прямым путем.

Михаил поднялся на ноги, вдали вроде бы виднеются достаточно высокие стены.

— Там... Абаддоний?

— Он, — ответил Азазель с облегчением. — Мы, можно сказать, довели беглецов до их Египта. В Абаддоний стекается на торговлю масса народа, а там растворяется среди местных и торгующих.

Михаил подумал, поинтересовался устало:

— Здесь будет то же самое? Въезд в Иерусалим на бехеме, проповеди, чудеса, суд, казнь?

Азазель пожал плечами.

— Не думаю, что Господь так уж однообразен, хотя вообще-то всех существ сделал по одной колодке: симметрия, два глаза, две руки, две ноги... даже размножаются одинаково, недаром же Адам всех животных в раю переимел, пока догадался попросить у Творца что-то более личное... Но, думаю, в социальном плане будет нечто особенное.

— Почему?

Азазель хмыкнул.

— А тут свои особенности, не заметил? Чудесами не удивить, по воде ходить умеют многие, из гроба восстать ничего не стоит, дело только во времени и усили-

ях... Так что даже не пытаюсь предугадать, как это все будет протекать здесь.

— А кто-то знает?

— Вряд ли. Разве что Метатрон... Только он один знает больше всех на свете... ты вот тоже, признайся, не можешь себе представить, почему самым доверенным Всеышнего стал не ты или кто-то из высших архангелов, а простой человек по имени Енох!.. Боюсь, даже очень простой. Только простые всегда во всем уверены, так как считают себя вечно правыми. Если бы Сатан не возмутился еще тогда, теперь бы точно поднял восстание из-за возвышения этого человечка. Но Енох сумел подняться и стать Метатроном, показывая всем, как можно крохотную искорку раздуть в душе до неистового пламени.

Михаил ощущал, что слушать такое о себе и Метатроне неприятно, и хотя это точно не его зависть, а Макрона и Кезима, сказал с некоторым раздражением:

— Надеюсь, он знает или догадывается, что будет дальше. А мы...

— Собираемся в обратный путь, — сказал Азазель. — Мы ведь сделали великое дело?

Михаил насторожился.

— А что за тревога в голосе?

— Да так, — ответил Азазель с некоторой неопределенностью. — Карл Маркс, был такой мудрый демон, сказал как-то: «Все подвергай сомнению». И хотя это первым сказал Сатан, но мне, как и прочему населению, как-то больше запомнился Маркс... А сомнение вот в чем... До христианства эпохи сменялись эпохами, ничего не происходило, не менялось. Но Иисус принес новый взгляд на мир, новую мораль... Прогресс сперва пошел, потом помчался, сейчас летит!

— Это же хорошо?

— Да, конечно, — сказал Азазель, — но если что-то подобное начнется и у демонов?

— Не знаю, — ответил Михаил. — Подождем тридцать три года. Я вот о другом думаю... Помнишь, Гамалиэль сказал насчет дела более важного, чем схватки с Кезимом или Зараном? Не думаю, что имел в виду спасение младенцев той деревни.

— Он сказал, — проговорил Азазель, — важнее всего закрыть врата ада. А он знает, как?

— Пора спросить, — ответил Михаил.

Содержание

Часть первая.....	5
Часть вторая.....	117
Часть третья	229

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Орловский Гай Юлий

**МИХАИЛ, МЕЧ ГОСПОДА
Книга третья
РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ**

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Зотова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Әндіруші: «Э» АҚБ «Баспасы», 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар балгысі: «Э»

Казакстан Республикасында дистрибутор және еңбайынша арыз-талағтарды қабылдаушының,
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский кв., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 ан. 107.

Әнімнің жарандылық мерзімі шектелмеген.

Серттификация туралы акпарат сайты Әндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Әндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.08.2017. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 5000 экз. Заказ А-2153.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idepress@mail.ru

В электронном виде
www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумагами-баловными
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-29-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.
Нижний Новгород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

Санкт-Петербург. ООО «СЭКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ц. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е». Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7 (863) 303-62-10.
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д.44 В. Телефон: +(863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.

Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42.

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск, пер. Дзержинского, д. 24, литер Б, офис 1. Телефон: +(4212) 910-120.

Тюмень. Филиал в г. Тюмень. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмень. Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алеабашевская, 9А (ТЦ Перестройка+). Телефон: +7 (3452) 21-53-96 / 97 / 98.

Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02). Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlets».

Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlets». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3 «А». Телефон: +7 (727) 251-56-12, 251-59-90 (91,92,99).

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073, г. Киев, Московский пр-т, д.9. Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город». Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

BOOK4.RU

ISBN 978-5-04-088902-0

9 78504 088902 >

В преисподнюю спускался Гильгамеш за другом Энкиду,
Орфей за Эвридикой, Дионис за матерью, Геракл за Тезеем,
Перифоем и Алкестой, Одиссей, чтобы узнать о будущем, Эней
для свидания с отцом Анхизом, Ютланд за цennыми сведениями,
сэр Ричард добивал врага в его логове... Но никто не отправлялся
в ад, чтобы спасти... самих демонов! Это намерены сделать

Михаил и Азазель.

ISBN 978-5-04-088902-0

9 785040 889020 >

РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ